

Национальные стратегии новых государств Центральной Азии в XXI веке:
приоритеты, механизмы реализации, международное сотрудничество

РОССИЙСКО-ТАДЖИКСКИЙ (СЛАВЯНСКИЙ) УНИВЕРСИТЕТ
ЦЕНТР ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

НАЦИОНАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ НОВЫХ ГОСУДАРСТВ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В XXI ВЕКЕ: ПРИОРИТЕТЫ, МЕХАНИЗМЫ
РЕАЛИЗАЦИИ, МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Материалы Международной научной конференции
Душанбе, 29 марта 2019 г.

Душанбе – 2019

УДК 327(470:574/575) (063)

ГРНТИ № Р 76

Национальные стратегии новых государств Центральной Азии в XXI веке: приоритеты, механизмы реализации, международное сотрудничество: мат-лы междунар. науч. конф.– Душанбе: РТСУ, 2019. – 256с.

Ответственный редактор: Г.М.Майтдинова – директор ЦГИ РТСУ,

доктор исторических наук, профессор РТСУ

Рецензенты:

К.И. Искандаров – доктор исторических наук

О.М.Шарапов – кандидат политических наук

Редакционная коллегия:

Н.Н.Салихов- ректор РТСУ, доктор филологических наук,
профессор РТСУ

Х.Дж.Шамбедаде – проректор по науке и инновациям,
доктор филологических наук, профессор РТСУ

Г.М.Майтдинова – директор ЦГИ РТСУ,
доктор исторических наук, профессор РТСУ

Н.И.Каримова – начальник Управления науки РТСУ,
кандидат филологических наук, доцент

Р.В.Баратова – редактор

В сборнике научных статей «Национальные стратегии новых государств Центральной Азии в XXI веке: приоритеты, механизмы реализации, международное сотрудничество» дан анализ стратегических ориентиров государств Центральной Азии в условиях геополитической трансформации региона, а также рассмотрена эволюция центральноазиатской подсистемы международных отношений. В работах экспертов акцентировано внимание на рассмотрении векторов экономического и гуманитарного взаимодействия новых государств в условиях стратегического соперничества внешних акторов, а также проанализированы тенденции центральноазиатской интеграции в условиях геополитических перемен. Авторы сборника дали анализ новых вызовов и угроз стабильности Центральной Азии и эволюции региональной системы безопасности.

Для специалистов внешнеполитических ведомств, исследователей проблем регионоведения, международных отношений, политологии, истории, культурологи и для всех тех, кто интересуется проблемами мировой политики.

Рекомендовано к печати РИС РТСУ

ЦГИ РТСУ не несет ответственности за мнения и оценки экспертов, высказанные в данном издании.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Салихов Н.Н. Вступительное слово	5
Нуритдинов Р. Ш. Региональная безопасность государств Центральной Азии в условиях трансформации внешней политики Российской Федерации и Китайской Народной Республики	7
Файзуллаев М.К. Диверсификация промышленного производства как главный фактор стратегии развития Таджикистана	16
Юлдашев А.К. Политический ислам в странах Центральной Азии	28
Мамадазимов А. Специфика реализации Национальной Стратегии Развития (НСР до 2030) Таджикистана в условиях стыковки с другими международными стратегиями современности	34
Суюнбаев М.Н. Прогрессивная модель развития Кыргызстана	43
Майтдинова Г.М. Общие геополитические тренды в Центральной Азии в конце второй декады XXI века	52
Майтдинова Г.М. Влияние афганского фактора на реализацию Национальной стратегии развития Таджикистана	68
Дубовицкий В.В. Стратегическая культура Афганистана в контексте безопасности Центральноазиатского региона	78
Валамат-Заде Т.Г. Необходимость регионального договора (союза) и совместного межгосударственного комплексного планирования как важный этап развития стратегического сотрудничества государств Центральной Азии	84
Валамат-Заде Т.Г. Вопросы энергетического сотрудничества государств Центральной Азии в международном и региональном аспекте	93
Аляутдинов Р.Р. Социальные проекты для Центральной Азии: инновации, векторы и механизмы	100
Шарипов А. Основные этапы формирования внешней политики Республики Таджикистан	105
Сафаргалеев И. Позитивный потенциал <i>Тасаввуфа</i> как действенная альтернатива распространению идеологии псевдорелигиозного экстремизма в России и странах Центральной Азии	116
Рахмонов А.С. Профилактика экстремистских и радикальных воззрений посредством формирования светского мировоззрения и высокой нравственной культуры среди молодёжи в государствах Центральной Азии	124
Рахмонов А.С. Таджикско-российское военно-политическое сотрудничество по противодействию нетрадиционным угрозам безопасности в Центральной Азии	136

Мирвайсов М.С. Онлайн-радикализация молодежи в странах Центральной Азии и меры пресечения (на примере Республики Таджикистан).....	151
Бабаджанова М.М. Информационно-ресурсный центр ООН и его роль в продвижении школы диалога культур.....	159
Шаропов О.М. Перспективные направления сотрудничества Таджикистана и Китая (как реализуется проект Китая «Экономический пояс Шелкового пути» в Таджикистане).....	167
Коваленко Г.В. Сравнительный анализ концепций внешней политики государств Центральной Азии.....	171
Ризоён Ш. Культурно-гуманитарные аспекты внешней политики Республики Таджикистан в современных условиях.....	182
Арабова Ш.М. Кинематографический потенциал постсоветской Центральной Азии и стратегические ориентиры таджикского кино.....	189
Шерматова С.М. Анализ центральноазиатской региональной идентичности: единство в многообразии.....	208
Курбонова З.М. Некоторые особенности развития пограничных проблем в период государственной независимости Республики Таджикистан.....	235
Бахриев Б.Х. Культурная дипломатия в развитии международного сотрудничества государств Центральной Азии.....	243

Вступительное слово

ректора Российско-Таджикского (Славянского) университета Салихова Нурали Назаровича на Международной научно-практической конференции «Национальные стратегии новых государств Центральной Азии в XXI веке: приоритеты, механизмы реализации, международное сотрудничество» (г.Душанбе, 29 марта 2019 г.)

Уважаемые участники Международной научной конференции!

Позвольте приветствовать вас в стенах нашего Российско-Таджикского (Славянского) университета и пожелать успешной работы нашей научной конференции. Прежде всего я хочу выразить огромную благодарность всем вам, кто нашел возможность принять наше приглашение, а также нашим информационным партнерам и всем, кто принимал участие и оказывал содействие в организации нашего научного форума.

В конференции принимают участие представители Правительства РТ, дипломаты, сотрудники международных организаций, известные эксперты России, представители министерств Республики Таджикистан, учёные Академии наук РТ, вузов Таджикистана и др.

Целью сегодняшней конференции является обсуждение особенностей национальных стратегий новых государств Центральной Азии в условиях геополитической трансформации региона, при этом акцентируется внимание на рассмотрении моделей интеграции новых акторов и их внешнеполитических приоритетов. На конференции ученые обсудят некоторые аспекты эволюции подсистемы международных отношений Центральной Азии в середине второго десятилетия XXI века. Учитывая, что международная ситуация в Центральной Азии в настоящее время характеризуется определенной сложностью, особое внимание эксперты уделяют проблемам взаимодействия государств региона с внешними акторами, проанализируют проблемы взаимодействия внешних акторов в Центральноазиатском регионе в условиях «стратегического соперничества» и рассмотрят вопросы обеспечения региональной без-

опасности в рамках интеграционных организаций, акцентируя внимание на информационных аспектах обеспечения стабильности. На конференции также будет идти речь о специфике экономического взаимодействия новых государств в Центральноазиатском регионе в условиях геополитических перемен. Сегодня вызывают тревогу возможность обострения ситуации в Афганистане и непредсказуемость его политического будущего. В этих условиях не исключена активизация деятельности террористических оппозиционных групп, представляющих реальную угрозу для безопасности Таджикистана и других государств Евразии. Приграничные к Афганистану государства могут оказаться на «переднем крае защиты» постсоветского пространства, что может стать серьезным препятствием на пути реализации национальных стратегий развития. В этом контексте предметом обсуждения экспертов будут новые вызовы и угрозы национальной стабильности государств Центральной Азии, а также будет дана оценка эволюции региональной системы безопасности. Предметом обсуждения экспертов будут внутривосточные проблемы постсоветской Азии и Афганистана. Кроме того, аналитики представят анализ гуманитарных аспектов взаимодействия государств региона.

Сам факт, что мы собрались здесь для того, чтобы путем дискуссий отстаивать свои точки зрения на национальные стратегии развития государств Центральной Азии и их точки сопряжения является важным шагом интеграции экспертного сообщества. В этом контексте будут очень важны любая общая оценка, любой общий вывод, которые станут результатом наших обсуждений. Важной задачей работы нашей конференции я считаю широкое распространение ее итогов средствами массовой информации, через которые мы могли бы донести наши экспертные оценки до общественного мнения и до мнения политиков, принимающих решения.

Уважаемые участники конференции, позвольте пожелать плодотворной работы конференции и позитивных практических результатов после нашего форума.

Благодарю за внимание!

РЕГИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙ- СКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Нуритдинов Раймалихон Шахбозович

**Доктор политических наук, профессор,
заведующий кафедрой международных отношений
Таджикский национальный университет**

В целях понимания особенностей формирования системы безопасности государств Центральной Азии необходимо выделить основные характеристики международных и региональных уровней. В международном аспекте наиболее существенными являются:

- процесс формирования нового мирового порядка и новой геополитической конфигурации;
- происходящий передел сфер влияния;
- возрастание конкуренции мировых центров силы, прежде всего Российской Федерации, Китайской Народной Республики и Соединенных Штатов Америки;
- самым острым и обсуждаемым на сегодняшний день вопросом международной безопасности остаётся односторонний выход США из Договора о ракетах средней и меньшей дальности и приостановка Россией своего участия в нём.

В региональном аспекте нужно отметить следующее:

- рост влияния радикальных течений и сохранение террористической опасности со стороны международных экстремистских организаций;
- использование территории Центральной Азии для распространения и транспортировки наркотических веществ из Афганистана;
- сохранение межэтнических проблем, обусловленных несоответствием существующих границ реальному национально-территориальному размещению этносов;

- неспособность государств региона в одностороннем порядке решить проблемы обеспечения национальной и региональной безопасности;
- несмотря на богатые природные ресурсы, государства Центральной Азии оказались в замкнутом транспортном пространстве с ограниченными выходами на мировые рынки, особенно морскими путями;
- ряд государств региона – Китай, Индия, Пакистан, Иран, которые считаются обладателями ядерного оружия и не были участниками Договора о ракетах средней и меньшей дальности, по мнению Вашингтона, продолжают совершенствовать эти виды оружия, что напрямую влияет на проблемы безопасности региона.

В этих условиях ключевыми аспектами в обеспечении безопасности Центральной Азии стали задачи сохранения мира и стабильности, борьба с терроризмом и наркооборотом, что послужило основанием для использования данной ситуации другими внерегиональными игроками.

Центральная Азия в прямом и переносном смысле стала одним из центров разворачивающейся новой «Большой игры» между региональными и внерегиональными силами:

С одной стороны, перспектива стать ключевыми игроками трансграничных проектов в первую очередь геополитического и экономического характера дает возможность государствам Центральной Азии оказывать влияние на происходящие в регионе процессы. С другой стороны, вовлеченность во внутренние региональные процессы таких крупнейших игроков, как Россия, Китай и США, обостряют существующие противоречия и порождают новые конфликты внутри самого региона и за его пределами.

Таким образом, Центральная Азия является центром столкновения интересов государств, которые определяют международную расстановку сил, а именно: для Москвы гораздо важнее сохранять влияние в Восточной Европе, на Кавказе и в Центральной Азии – на всех бывших советских территориях. Вашингтон не может заменить Москву или Пекин в политическом или экономическом отношении. Администрация Д. Трампа занята другими, более крупными проектами и не стремится к этому. Но, с учетом их присутствия в

Афганистане отношения Вашингтона со странами Центральной Азии потенциально будут строиться, в первую очередь, исходя из соображений безопасности.

Очевидно также, что формирование внешнеполитического курса государств региона проходит в непростых условиях поиска баланса между силами внутри и за его пределами. Подобная ситуация порождает понимание взаимозависимости и необходимости стимулирования регионального сотрудничества. Однако эти процессы проходят во многом пассивно, поэтому инициатива по установлению мира, экономической интеграции и политических процессов внутри региона может перейти к внерегиональным акторам.

С учетом изменившейся геополитической конъюнктуры и роли держав в развитии государств Центральной Азии, приходится говорить либо о «переориентации» региона с позиций традиционного партнерства с Москвой на другие государства, либо о возможном возвращении России как наиболее перспективного партнера во внешних стратегиях этих государств.

Государства Центральной Азии сегодня не обладают достаточным экономическим и политическим потенциалом для того, чтобы стать самостоятельной центробежной силой.

Высокая вероятность возникновения новых сил, которые не отвечают интересам России, подталкивают США к более активному присутствию в регионе, зачастую под предлогом защиты международной безопасности.

Природные ресурсы определяют заинтересованность ведущих игроков международных отношений в этом регионе. Создание транспортных коридоров «Север-Юг», «Запад-Восток», «Шелковый путь» приводят к интенсификации различных геополитических и экономических процессов.

Анализируя современную геополитическую ситуацию, можно предположить, что, если государства Центральной Азии не будут изыскивать ресурсы для преодоления внешних угроз и внутренних проблем, в регионе может значительно усилиться присутствие радикальных группировок, несущих с собой террористическую угрозу и подрывающих региональную безопасность.

Для предотвращения такого варианта развития ситуации, на наш взгляд, государствам Центральной Азии следует приложить усилия не только для подготовки сильных национальных армий и специально обученных коллективных сил быстрого реагирования, но и совместно разработать стратегию ответа на внутренние и внешние вызовы и риски.

Стратегия обеспечения региональной безопасности должна учитывать не только этнополитические, социальные и иные особенности государств Центральной Азии, но и потенциальные столкновения интересов крупных игроков в данном регионе. Самым опасным сценарием развития событий могут стать дестабилизация и развал существующих светских режимов, приход к власти религиозных экстремистов, возникновение межгосударственных конфликтов.

Мы живём в условиях трансформации внешней политики основных региональных игроков – России, Китая и Америки. На наш взгляд, толчком к трансформации внешних параметров стратегических отношений в Центральной Азии послужила война Запада во главе с Америкой против «Движения Талибан»

При этом эксперты указывают на три группы долгосрочных факторов:

- усугубление негативных тенденций в мировой политике – демонтаж, отход от всего комплекса правил, устоев, принципов, соглашений, институтов и ценностей, сложившихся в период от окончания Второй мировой войны вплоть до сегодняшнего дня;
- озабоченность и сопротивление значительной части ведущих мировых игроков упорному движению России к восстановлению статуса мировой державы;
- проблема восприятия Центральной Азии – эти государства считают себя субъектами мировой политики, но великие державы относятся к ним как к объектам международных отношений.

К 2019 г. под воздействием указанных факторов сформировались три тенденции, которые и будут во многом определять позицию России:

- дальнейшее ухудшение отношений с Западом;
- укрепление связей с Китаем;

- дестабилизация, углубление кризиса всего комплекса международных отношений.

По мнению ряда экспертов, безопасность стран региона будет зависеть от продвижения процесса мирного урегулирования в Афганистане, итогов многосторонних мирных переговоров, организуемых Россией и Америкой с Движением Талибан.

Масштабы военного присутствия России в регионе: 7 крупных военных объектов в Казахстане, авиабаза «Кант» в Киргизии, 201-я военная база в Таджикистане, а также оптико-электронный комплекс «Окно», – определяют значимую роль России в сфере безопасности Центральной Азии.

Политическое и военно-техническое взаимодействие России со странами региона вытекает из ее экономических интересов и внешнеполитических приоритетов, но опосредованно на этих отношениях будет сказываться динамика ее взаимодействия с Китаем, Америкой и Евросоюзом.

Для Китая государства Центральной Азии представляют интерес как поставщики энергоресурсов, рынки сбыта китайских товаров, транзитные коридоры для поставок товаров в Европу через реализацию проекта «Один пояс, один путь».

Очевидные приоритеты проекта «Один пояс, один путь» и китайской стратегии в целом – развитие и продвижение китайского бизнеса – имеют двойные последствия для стран региона:

- с одной стороны, они, безусловно, способствуют их экономическому росту;
- но, с другой – становятся для государств региона стратегическим вызовом: Это:
 - вероятности политической и долговой зависимости от Китая;
 - рост китайской трудовой миграции и вероятности провоцирования межнациональных конфликтов.

По мнению экспертов, в условиях усиления западных санкций Россия, расширяя взаимодействие с Китаем, может пересмотреть свой подход к росту влияния Китая в регионе в сторону большего реализма и кооперативности.

Важнейшей стратегической целью Китая остается ограничение возможностей западных держав приобрести и расширить свои военно-стратегические позиции в Центральной Азии. Ибо регион объективно является «тылом» Китая, если фронтом китайской внешней политики считать рубежи дипломатического противостояния с Америкой по вопросу о Тайване.

Дипломатия Китая в регионе стремится избежать конкуренции с Россией, которую он рассматривает не столько как соперника, сколько как партнера в деле предупреждения усиления позиций Запада здесь. Поэтому Китай делает акцент на многосторонности – активизации его роли в региональных делах проходит в рамках китайско-российского двустороннего партнерства и многостороннего сотрудничества, в котором, наряду с Китаем и Россией, принимают участие государства региона.

Рост участия Америки в регионе в рамках проектов «Большая Центральная Азия», «Большой Ближний Восток», «Новый Шёлковый путь», «Северная распределительная система», на наш взгляд, маловероятен. Скорее всего, интерес Америки к Центральной Азии будет связан с поисками альтернативных путей транспортировки грузов для операций в Афганистане – взамен пакистанского транзита, после того как Д.Трамп обвинил Исламабад в невыполнении союзнических обязательств и пособничестве терроризму, а также заморозил с начала 2018 г. программы помощи Пакистану.

Приоритетами Евросоюза в Центральной Азии останутся энергоресурсы и транспортные коридоры. Лидирующие позиции в финансировании программ помощи странам региона будет занимать Германия. Принятый в 2007 г. по ее инициативе документ «Европейский Союз и Центральная Азия»: стратегия для нового партнерства» будет в 2019 г. адаптирован к доктринальному документу внешней и оборонной политики Европейского Союза «Глобальная стратегия Европейского Союза».

Таким образом, перспективы региональной безопасности во многом зависят от результатов «большой игры» между геополитическими центрами силы за влияние в Центральной Азии. В этой «игре» можно выделить следующие очевидные направления:

- изменение характера взаимоотношений в треугольнике Россия – Китай – Запад (США). Очевидно, что из-за стремлений России играть более значимую роль в мире и регионе, консенсуса здесь не удастся достичь;

- военное, экономическое, политическое и гуманитарное присутствие в регионе США;

- изменение отношений государств региона и России к Китаю. Пекин перешёл в категорию желательного внешнеполитического и внешнеэкономического партнера и в плане обеспечения безопасности рассматривается как реальная альтернатива Западу;

- нарастание конкуренции за доступ к энергоресурсам региона и направления их транспортировки.

В завершение хотелось бы заострить внимание участников конференции на ещё одной проблеме – на принципе неделимости безопасности (*indivisibility of security*), закрепленном в Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) (1 августа 1975 г.), Парижской хартии для новой Европы (21 ноября 1990 г.), Декларации Будапештской встречи на высшем уровне государств-участников СБСЕ (6 декабря 1994 г.), Лиссабонском документе (3 декабря 1996 г.) и ряде других документов.

Поддерживая основополагающие принципы неделимости безопасности, необходимо поставить вопрос о прекращении нелегальных поставок вооружения и боевиков в зоны конфликтов. Я имею в виду переброски недобитых групп членов так называемого исламского государства из Сирии в северные районы Афганистана, которые напрямую угрожают безопасности всех без исключения государств Центральной Азии и южных рубежей СНГ в целом.

Уместно добавить, что официальный Вашингтон с высоких трибун признает важность неделимости безопасности в Азии, выражает «свою решимость активизировать совместные усилия в этом направлении в целях противодействия вызовам и угрозам миру, безопасности и стабильности в Азии».

После трагических событий 11 сентября 2001 г., казалось бы, пришло понимание, что безопасность действительно неделима и только объединенными совместными усилиями можно остановить

и нейтрализовать растущую страшную опасность международного терроризма. Однако поведение Вашингтона вызывает сомнения.

Таким образом, считая неделимую безопасность составной частью модели общей и всеобъемлющей безопасности для государств Центральной Азии в XXI веке, своевременными и необходимыми являются следующие меры:

- 1) скорейшее разрешение имеющихся разногласий и укрепление взаимного доверия в Центральной Азии;
- 2) углубление практическое взаимодействие в целях обеспечения безопасности и стабильности в ЦА;
- 3) эффективное использование инструментов превентивной дипломатии;
- 4) повышении роли Организация Объединенных Наций, других авторитетных организаций;
- 5) укрепление регионального и международного сотрудничества по обеспечению устойчивого социально-экономического развития;
- 6) совместное использование общих водных ресурсов региона с позиции «проблемы воды, мира и безопасности неразрывно взаимосвязаны»;
- 7) стабилизация обстановки в Афганистане и других государствах Ближнего Востока.

Литература

1. Международные отношения в Центральной Азии. События и документы. – М.: Аспект Пресс, 2014. –С.327-391.
2. Нуриддинов Р.Ш. Геополитика России в мусульманском мире. Государство и общество в России. Форос – Сибирь – 2007. – Новосибирск, 2007. – С.105-120.
3. Нуриддинов Р.Ш. Дипломатия: учебное пособие. – Душанбе: Андалеб-Р, 2015 (на тадж.яз.).
4. Нуриддинов Р.Ш. Мегатренды мировой политики. – Новосибирск: СИМО и Р, 2012.
5. Нуриддинов Р.Ш. Место и роль России в формировании новой геополитической системы в странах Среднего Востока. – Новосибирск: СибАГС, 2009.
6. Нуриддинов Р.Ш. Некоторые аспекты военно-технического сотрудничества стран Содружества Независимых Государств в

- рамках Организации Договора о коллективной безопасности // Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук. – 2016. – № 2/1(193).
7. Нуриддинов Р.Ш. Некоторые аспекты военно-технического сотрудничества стран СНГ в рамках ОДКБ // Вестник Таджикского национального университета. Серия гуманитарных наук. – 2016. – №3/1 (194). –С.74-76.
 8. Нуриддинов Р.Ш. Некоторые парадоксы современного мирового развития // Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук. – 2017. – №2/2. –С.281-284.
 9. Нуриддинов Р.Ш. Проблемы безопасности и мировой информационный процесс // Вестник Таджикского национального университета. Серия соц.-экон. и обществ. наук. – 2017. – №2/5(1). –С.143-150.
 10. Нуриддинов Р.Ш. Россия и религиозный радикализм в Центральной Азии // Общественно-политическая стратегия развития общества как модернизационный проект. Форос-Сибирь – 2010. – Новосибирск, 2010. – С. 95-105.
 11. Нуриддинов Р.Ш. Современная внешняя политика Российской Федерации. –Новосибирск: СИМО и Р, 2012.
 12. Нуриддинов Р.Ш., Нуриддинов П.Р. Геополитика. – Душанбе: Эр-граф, 2016. – 352 с.
 13. Нуриддинов Р.Ш., Нуриддинов П.Р. Мировая политика. – Душанбе: Андалеб-Р, 2016. – 352 с. (на тадж.яз.).
 14. Проблемы модернизации и безопасности государств Центральной Азии и Российской Федерации в новых геополитических реалиях. – Душанбе: РТСУ, 2011. – 377с.
 15. Шанхайская Организация Сотрудничества в региональной системе безопасности. – М.: Проспект, 2018. –С.64-75.

ДИВЕРСИФИКАЦИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА КАК ФАКТОР СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ТАДЖИКИСТАНА

Файзуллоев Машраб Курбоналиевич

**Доктор экономических наук, профессор,
декан экономического факультета
Российско-Таджикский (Славянский) университет**

Джурахонзода Баходурджон Джурахонович

**Кандидат экономических наук, доцент,
декан факультета учёта и статистики Таджикского государ-
ственного финансово-экономического университета**

До приобретения государственной независимости Республики Таджикистан сырьевая ориентированность национальной экономики в составе единого народнохозяйственного комплекса Советского Союза была характерна для этого периода, и обозначалась как общесоюзная специализация. Таджикистан выступал в общесоюзном разделении труда как производитель хлопка-сырца. Хлопковая монокультура определяла отраслевую структуру народного хозяйства республики и её регионов. Не только сельское хозяйство, но и промышленность развивались под влиянием хлопкового монополизма, т.е. преимущество отдавалось отрасли промышленности, которая прямо или косвенно была связана с сельским хозяйством, особенно хлопководством.

Размещенные на территории республики крупные предприятия обрабатывающей промышленности имели союзный статус и кооперационные связи с предприятиями, находящимися в других союзных республиках. Что касается добывающей промышленности, то она, если не считать отдельные предприятия местного значения, практически не получала должного развития и не была направлена на освоение природных ресурсов республики. Поэтому после распада СССР многие промышленные предприятия, имеющие об-

щесоюзное значение, практически перестали функционировать, и в республике наметилась тенденция деиндустриализации экономики.

С приобретением республикой в 1991 г. государственной независимости перед страной встали две стратегические задачи: строительство национального государства и формирование национальной экономики рыночного типа.

Начало формирования национальной экономики рыночного типа в республике предполагало разностороннее развитие отраслей реального сектора на базе комплексного и рационального использования природно-ресурсного потенциала страны и её регионов, т.е. диверсификацию как национального, так и регионального производства.

На решение данной задачи нацелена «Национальная стратегия развития Республики Таджикистан на период до 2030 года», принятая Правительством Республики Таджикистан в 2016 году. В стратегии были определены основные направления и параметры развития отраслей реального сектора экономики, прежде всего промышленности, энергетики, транспорта и отраслей АПК на базе ускоренного развития разнообразных форм производственного предпринимательства и увеличения инвестиций в эти отрасли за счёт всех источников финансирования.

В рамках принятых программ социально-экономического роста отдельных регионов на 2006-2015 гг. и специальных государственных программ по развитию промышленности в 2006-2014 гг. во всех регионах начала интенсивно развиваться промышленность.

За рассматриваемый период во всех регионах наблюдаются увеличение количества промышленных предприятий и рост производства промышленной продукции (табл. 1).

Что касается РРП, то здесь, несмотря на увеличение числа промышленных предприятий в 1,7 раза, рост объема производства промышленной продукции составил всего 7% [4, с.120-121]. Это произошло из-за неритмичной работы крупнейшего промышленного предприятия региона – ТадАЗ, где объем производства за 2006-2017 гг. сократился с 1081.9 млн. сомони до 371.5 млн. сомони, или в 2,9 раза. По вопросу снижения объёма выпуска продукции на таджикском алюминиевом предприятии, а также сокращения числен-

ности его сотрудников необходимо привести нижеследующие пояснения. В период с 2015г. и до первой половины 2016г. компания предприняла меры, связанные с увеличением объемов производства. Однако, проанализировав внешние и внутренние факторы, оказывающие негативное влияние на национальную алюминиевую отрасль, кризис-менеджмент компании сделал прогноз, согласно которому дальнейший рост производства алюминия может привести к увеличению убытков ТАЛКО более чем на \$30 млн. В этой связи компания была вынуждена понизить показатели до конца 2016 г. на 5,3% и выпустить 150 тыс. тонн металла вместо ранее запланированных 158 тыс. тонн.

Таблица 1.

**Развитие промышленного сектора по регионам
 Республики Таджикистан за 2006-2017гг.**

Регионы	Число промышленных предприятий, единиц				Объем производства промышленной продукции (млн. сомони)		
	2006	2016	Изменение		2006	2017	2017/2006, в %
			единиц	в %			
Республика Таджикистан	1094	2043	+949	186,7	7494,4	20029,0	267,3
Душанбе	297	477	+180	160,6	708,3	1659,0	234,2
Согд	340	604	+264	177,6	1737,2	10066,4	579,4
Хатлон	238	537	+299	225,6	2844,8	6753,1	237,4
ГБАО	14	47	+33	335,7	70,8	193,4	273,2
РРП*	205	378	+173	184,3	1268,5	1357,1	107,0

Расчеты авторов по: Промышленность Республики Таджикистан // Статистический сборник. Душанбе: Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан, 2018. С.9, 31-38; Регионы Республики Таджикистан (официальное издание) // Статистический сборник. Душанбе, 2007, 2018. С.120-121.

В г.Душанбе и РРП в период 2006-2017гг. общий объем промышленной продукции вырос более чем в 1,5 раз, доля промпредприятий этого региона в общем объеме промышленной продукции в 2017г. составила 15,2%, в 2006 г. – 24,9%. Здесь размещено 26,3% промышленности республики, из них тяжелая промышленность –

37,7%, топливная – 62,5%, цветная металлургия – 42,4%, химическая и нефтехимическая промышленность – 49,5%, машиностроение и металлообработка – 75,9%, лесная, деревообрабатывающая, целлюлозно-бумажная отрасль – 69,3%, промышленность стройматериалов – 22,8%, легкая – 8,55, пищевая – 28,4%.

В связи с возрастанием роли знания и инновации как главного фактора развития промышленности возникает необходимость разработки стимулирования инноваций в промышленности [5, с.214].

В рамках «Государственной программы содействия экспорту и импортозамещению в Республике Таджикистан на 2016-2020 гг.» реализуются меры по содействию в повышении конкурентоспособности продукции предприятий этих отраслей на внутреннем и внешних рынках, снижение доли этих товаров в общем объеме импорта в республике.

Важным фактором развития регионов и их промышленности явился непрерывный рост объемов капитальных вложений, за счет которых было осуществлено строительство объектов производственного и непроизводственного назначения, сданы в эксплуатацию новые промышленные предприятия во всех регионах страны (табл. 2).

Таблица 2.

Динамика капитальных вложений за счет всех источников финансирования в экономику регионов в 2006-2016 гг., млн. сомони

Регионы	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	Итого за восемь лет	В % к итогу
Душанбе	933,3	1420,9	1071,0	2005,2	2746,5	3363,4	3023,7	2833,2	17397,4	29,2
Согд	610,6	902,7	1047,6	1230,0	1380,9	1658,9	1925,0	2008,4	10764,0	18,1
Хатлон	1881,9	981,9	1021,2	1212,1	1391,3	1503,8	2375,8	2185,1	12589,1	21,1
РРП	996,8	1557,9	1298,2	1155,9	1732,1	2968,9	3502,1	3905,4	17117,2	28,6
ГБАО	243,8	121,9	102,2	163,3	241,8	254,9	353,1	439,6	1920,6	3,2
В целом по республике	4669,4	4988,3	4540,2	5796,8	7492,7	9749,9	11179,7	11371,6	59788,6	100,0

Расчеты авторов по данным: Таджикистан: 20 лет государственной независимости // Статистический сборник. Душанбе: Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан 2011. С.528-532; Статистический ежегодник Республики Таджикистан //

Статистический сборник. Душанбе: Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан, 2015. С.301-305; Регионы Республики Таджикистан // Статистический сборник. Душанбе: Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан. 2018. С.320-322.

В соответствии с Программой среднесрочного развития Республики Таджикистан на 2016-2020 гг. (ПСР 2016-2020) в регионах особое внимание уделяется увеличению объема иностранных инвестиций и развитие малого предпринимательства в приоритетных отраслях экономики путем создания национального рейтинга инвестиционного и предпринимательского климата и содействия в улучшении государственно-частного диалога, роль которых неопределима в диверсификации регионального производства (табл.3).

В Согде в соответствии с Программой количество предприятий малого бизнеса росло сравнительно быстрыми темпами. Этому отчасти способствовали денежные переводы мигрантов из стран зарубежья. Аналогичная тенденция развития предприятий малого бизнеса наблюдается и в других регионах страны. В 2016 г. в республике функционировали 4919 малых предприятий с численностью работников 21,3 тыс.человек, а их выручка от реализации продукции (работ, услуг) составила 3793,1 млн.сомони против 2,5 млн. сомони в 2000г.

Таблица 3

Динамика основных показателей деятельности совместных предприятий в г. Душанбе и РРПв 2011-2017гг.

Показатели	2011	2012	2014	2015	2016	2017	2017/2011 раз
Число, единиц	133	134	166	198	221	324	2,4
Выручка от реализации, млн.сомони	841,5	1658,6	2299,0	2549,7	2724,1	2791,6	2,4
Затраты на производство и реализацию	826,1	1648,6	1602,2	1995,1	2012,4	2064,5	1,3

продукции, млн.сомони							
Соотношение выручки и затрат	1,02	1,006	1,43	1,27	1,35	1,35	4,2

В расчете на одного работника на малых предприятиях в 2016 г. приходится 178 тыс. сомони выручки от реализованной продукции (работ, услуг), что в 13,6 раза больше, чем в 1991 г. [4, с.90-91]. Однако в 2016 г. объем денежных переводов резко упал, что стало причиной снижения предпринимательской деятельности в регионах.

Анализ отраслевой структуры количества предприятий малого бизнеса показал, что в стране не обеспечивается приоритетное развитие производственного и инновационного предпринимательства (табл. 4).

Из анализа отраслевой структуры малого бизнеса можно сделать следующие выводы. Во-первых, за рассматриваемый период в отраслевой структуре малого предпринимательства наблюдается сокращение удельного веса отраслей производственной сферы (промышленности, сельского хозяйства, строительства). В 2016 г. предпочтение всё ещё отдаётся коммерции: 63,19% малых предприятий занято в сфере торговли, общественного питания, снабжения и услуг. Такое положение никак не соответствует решению поставленных задач по приоритетному развитию производственного и инновационного предпринимательства в стране.

Во-вторых, за анализируемый период малое предпринимательство более заметно развивалось в сфере оказания бытовых медицинских и образовательных услуг, где в 2016 г. было сосредоточено 2,7% всех малых предприятий с численностью работников 1033 человек против 2,2% в 2011 г. Думается, что и в перспективе в связи с ростом численности населения республики с расширением сферы платных медицинских и образовательных услуг малое предпринимательство в сфере услуг будет развиваться ускоренными темпами.

Таблица 4.

Отраслевая структура количества малых предприятий (МП)

**и численность их работников по Республике Таджикистан
 по состоянию на 01.01. 2017г.**

ПОКАЗАТЕЛИ		Число МП, един.	В % к итогу	Численность работников в МП, чело- век	В % к итогу
Всего	I	3367	100,0	30218	100,0
	II	4919	100,0	21368	100,0
из них: промышленность	I	660	19,6	4627	15,3
	II	494	10,0	2351	11,0
Транспорт и связь	I	133	3,95	192	0,63
	II	306	6,22	1209	5,65
Сельское и лесное хозяй- ство	I	55	1,6	289	0,95
	II	72	1,46	304	1,42
Строительство	I	467	13,7	2961	9,8
	II	567	11,5	2347	10,9
Итого по производствен- ной сфере	I	1315	39,0	8069	26,7
	II	1439	29,2	6211	29,0
Торговля и услуги	I	1888	56,0	8825	29,2
	II	3105	63,1	13271	62,1
Здравоохранение	I	77	2,2	510	1,69
	II	184	3,74	1033	4,83
Образование	I	87	2,58	620	2,05
	II	162	3,29	742	3,47

Примечание: I-2011; II-2016

Расчеты авторов по данным: Ежегодник Республики Таджикистан // Статистический сборник. Душанбе, 2011. С.220-221; Статистический ежегодник Республики Таджикистан // Статистический сборник. Душанбе: Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан, 2017. С.220-221.

Одной из форм малого предпринимательства является индивидуальное предпринимательство. Это форма предпринимательской деятельности выступает в условиях становления рыночной экономики не только фактором экономической стабилизации и требует относительно небольших капиталовложений, но и является постоянным источником новых рабочих мест. Учитывая быстрый рост

населения и трудовых ресурсов в республике, развитие такой формы деятельности позволит привлечь незанятое население, смягчить положение на рынке труда и решить проблему бедности. Более того, развитие индивидуального предпринимательства оказывает влияние не только на изменение занятости населения, но и способствует изменению экономического мышления общества.

Следует отметить, что за 2000-2016 гг. численность граждан, занятых индивидуальной трудовой деятельностью в республике, увеличилась с 60,2 до 257,1 тыс. человек, или в 4,2 раза. Такая тенденция роста количества индивидуальных предпринимателей характерна и для всех регионов страны [4, с.78]. Этому способствовало усиление государственной защиты и поддержки развития малого предпринимательства: была упрощена государственная регистрация и система налогообложения субъектов малого предпринимательства, существенно ограничивалось вмешательство государственных органов в их деятельность, увеличились объемы кредитования населения, особенно сельского, в результате интенсивного развития микрофинансовых организаций.

Вместе с тем следует отметить, что пока в республике индивидуальное предпринимательство получает развитие, в основном, в торговле, общественном питании и в сфере транспортного обслуживания населения.

Развитие индивидуального предпринимательства в отраслях реального сектора экономики, как видно из данных табл.5, идет неудовлетворительно.

Таблица 5.

Численность граждан, занятых индивидуальной трудовой деятельностью, по видам деятельности в Республике Таджикистан (по числу выданных патентов и свидетельств), тыс.чел.

Показатели	2008	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2017/ 2008, %
Численность занятых, всего,	123,9	197,0	174,8	211,3	243,8	257,1	270,1	207,5

Из них заня- тые, в %	14,5	8,7	2,8	3,0			2,5	(-)12
- в бытовом обслужива- нии					2,9	2,0		
- в торговле и общепите	60,1	45,2	42,8	68,0	35,2	32,7	39,8	(-)20,3
- в других отраслях	25,4	46,1	54,4	29,0	61,9	64,6	57,7	(+)32, 3

Источник: Ежегодник Республики Таджикистан // Статистический сборник. Душанбе, 2011. С.178; Статистический ежегодник Республики Таджикистан // Статистический сборник. Душанбе: Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан, 2018. С. 221.

Это особенно ярко наблюдается в сельской местности регионов республики, хотя на местах имеется возможность для широкого развития кустарных ремёсел, переработки сельскохозяйственной продукции на базе строительства мини-заводов, производства животноводческой продукции, оказания разнообразных услуг сельскохозяйственным предприятиям, дехканским хозяйствам, населению и т.д. За счет развития индивидуального предпринимательства можно обеспечить сельское население изделиями домашнего обихода. К примеру, с древних времен народ пользовался посудой и приборами для приёма пищи, изготовленных из местных пород деревьев, или гончарными кувшинами и чайниками. А местные сюзаны, чаканы и чапаны нарасхват покупают иностранные туристы. Поэтому целесообразно развивать в городах и районах страны эти народные промыслы на частной коммерческой основе, и здесь необходима поддержка местных органов власти.

Изучение развития индивидуального предпринимательства в регионах республики показывает необходимость решения двух задач: во-первых, следует переориентировать население на занятие в отраслях производственной сферы путем оказания соответствующей методической, финансовой и организационно-экономической помощи, и, во-вторых, местным органам власти горных и отдаленных

районов следовало бы разработать и реализовать целевые программы по развитию индивидуального предпринимательства как важнейшего источника пополнения местных бюджетов.

В диверсификации регионального производства и комплексном освоении природно-ресурсного потенциала регионов страны в условиях дефицита финансовых ресурсов существенную роль сыгрывает привлечение прямых иностранных инвестиций через создание в регионах совместных предприятий (СП).

СП являются одним из направлений привлечения иностранных инвестиций в экономику республики и её регионов, они также открывают доступ отечественным предприятиям к современной технике и технологиям, прогрессивным системам организации и оплаты труда, достижениям маркетинга и менеджмента, приобщают к западному опыту во внешнеэкономической деятельности.

Если в 2000 г. число совместных предприятий в областях и районах республики составляло 108, то в 2016 г. их число достигло 266. Большинство совместных предприятий находятся в городе Душанбе, где относительно высокий уровень развития инфраструктуры. Начиная с 2011 г. и в последующие годы, как видно из данных табл. 6, число совместных предприятий почти стабилизировалось на уровне 150-260 и в 2016 г., по сравнению с 2000 г., их число выросло в 2,4 раза [3, с.217].

В регионах РРП и г. Душанбе в период с 2011-2013 гг. наблюдается тенденция роста объема иностранных инвестиций с 2277,9 до 3486 млн. долл. США, за этот период их объем увеличился более чем на 53%, в 2014 г. – 1546,9 млн. долл. США, т.е. наблюдается сокращение. В 2016 г. поступило 2201,1 млн. долл. США, 2017 г. – 1653,1 млн. долл. США. В 2017 г. в Душанбе и РРП функционировало 424 СП, более 87% всех СП располагались в этом регионе.

Процесс диверсификации регионального производства и ускоренное развитие в регионах всех отраслей промышленности в обозримой перспективе должны выступать как одной из стратегических задач, направленных на превращение нашей страны из аграрно-индустриальной в индустриально-аграрную и на рациональное использование природно-ресурсного потенциала регионов.

Программы регионального развития должны иметь взаимосвязанный характер и предусматривать разработку и реализацию конкретных мероприятий, направленных на реализацию разработанных в стратегии целей и задач.

Таблица 6.

Число совместных предприятий, действующих на территории Республики Таджикистан

	2000	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Всего по республике	108	121	149	157	158	172	190	221	266	373
В т.ч.: ГБАО	-	-	-	1	1	1	1	1	1	1
Согд	40	30	22	20	20	19	21	21	21	21
Хатлон	3	6	3	3	3	3	2	1	23	27
Душанбе	62	79	112	128	129	143	159	190	216	319
РРП	3	6	12	5	5	6	7	8	5	5

Источник: Таджикистан: 20 лет государственной независимости // Статистический сборник. Душанбе: Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан, 2011. С.400-401; Статистический ежегодник Республики Таджикистан // Статистический сборник. Душанбе: Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан 2018. С.217.

Проводимый мониторинг реализации региональных программ в основном носит контрольный по срокам и иногда качеству выполнения программных мероприятий, тогда как анализ их влияния на конкурентоспособность региона не проводится.

Согласованные и взаимосвязанные мероприятия в комплексе целевых программ дают возможность создать механизмы практической реализации программы социально-экономического развития региона.

Конкуренция между регионами позволит провести основательный анализ социально-экономического развития региона и при этом выявить взаимоотношения с существующими и возможными партнёрами и конкурентами. Кроме того, это позволит на основе анализа выбрать профиль, где у региона есть будущее, оценка кон-

курентоспособности региона может стать элементом мониторинга реализации стратегии.

Литература

1. Родионов В. Приоритетное направление – диверсификация промышленности // Промышленник России. – 2007. – №3. – С.6-88.
2. Статистический ежегодник Республики Таджикистан // Статистический сборник. – Душанбе: Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан, 2015. – 210с.
3. Таджикистан: 20 лет государственной независимости // Статистический сборник. – Душанбе: Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан, 2011. 480 с.
4. Регионы Республики Таджикистан (официальное издание) // Статистический сборник. – Душанбе, 2017. – С.120-121.
5. Файзуллоев М.К. Инновационно-промышленная политика: сущность и её основные направления // Государственное управление. – 2016. – №4(32). –С.2012-218.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИСЛАМ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Юлдашев Абдулла Курбонмаматович

**Кандидат филологических наук,
Доцент Таджикского национального университета**

Распространение ислама в Центральной Азии явилось, безусловно, значительным событием в истории всего региона и Евразийского континента в целом. Привнесение новой религии и модели общественно-политических отношений в преимущественно языческие сообщества оседлых и кочевых народов Центральной Азии непосредственным образом повлияло на осмысление и дальнейшее развитие политической мысли о государственности в рамках ислама. Одним из первых результатов применения шариатских элементов управления государством и соединения духовных и светских функций власти прослеживаются с X в., в династиях Караханидов и Газневидов. Однако, по нашему мнению, особенностью первых тюркских мусульманских государств явилось то, что, несмотря на их, довольно полное соответствие ранней и средневековой ближневосточной модели исламского правления, сильный военно-административный аппарат препятствовал дальнейшему сращиванию религиозных и светских институтов власти. При этом необходимо отметить, что первый опыт исламской государственности в Центральной Азии оказал прямое влияние на развитие исламской политической мысли в регионе. В свою очередь, особенность «тюркского» ислама, по нашему мнению, заключалась в том, что благодаря сильному военному аппарату, участвовавшему в завоевательных походах, ислам получил новый «толчок» в своем распространении вглубь евразийского континента и, в отличие от арабских завоевателей, тюрки силой насаждали ислам в завоеванных территориях.

Другой немаловажной чертой «тюркского» ислама можно назвать то, что в тюркском мусульманском обществе сложилось два разных восприятия ислама: гражданское общество (оседлое население

ние) отличалось большими религиозными знаниями и пониманием основ ислама; военная прослойка (преимущественно кочевники), не отличаясь глубокими познаниями религии, оставалось, тем не менее, основной силой дальнейшего распространения ислама в регионе.

Сравнительный анализ на конкретных исторических примерах политической истории в государственных объединениях Центральной Азии и Османской Империи в позднее средневековье, в контексте проблематики исламской доктрины власти и её практического применения и развития институтов власти в регионе, а также интерпретации самого её наследования, позволяет прийти к следующим выводам. Так, новые политические процессы в регионе в значительной мере повлияли на жесткое разграничение власти на светскую (ханскую) и духовную (улама) и, как следствие, – на установившуюся государственную систему после монгольского завоевания, а также на характерный для кочевых культур военно-административный характер тюрко-монгольского правления.

Таким образом, можно с полной уверенностью утверждать, что на территории поздних мусульманских государств Центральной Азии не было практического применения чисто исламской, классической формы правления как это имело место в период правления первых четырех праведных халифов. Были попытки слияния светского и духовного в XVII-XVIII вв., в период тюрков – османов. Власть носила выраженный авторитарный характер и имела тенденции к приданию «сакральности» власти как таковой. Из вышеперечисленного можно заключить о формировании светского характера исламского правления, который также можно обозначить тюркской альтернативой государственного ислама – тюркским исламом получившим ярко выраженные черты в эпоху правления тюрков.

Можно с полной долей уверенности утверждать, что Центральная Азия – не только один из регионов мусульманского мира, но и неотъемлемая часть всей мусульманской цивилизации, несмотря на то, что на протяжении длительных периодов в истории вся ее территория находилась под управлением немусульманских правителей. Исходя из определения мусульманского мира по критериям

большинства населения, Центральная Азия, с некоторыми оговорками о действительной религиозности тех или иных частей региона, является преимущественно мусульманским регионом, где население, по крайней мере в традиционном и обрядовом смысле, причисляет себя к мусульманам. На историко-культурном уровне Центральная Азия и Ферганская долина, в частности, однозначно являются не только ареалом исторического распространения ислама пришедшего извне, но и сама на определенных этапах исторического развития выступала мощным источником дальнейшего его распространения. Таким образом, цивилизационно Центральная Азия представляет собой мусульманский мир, основанный на межэтнической конфессиональной и этнолингвистической общности, сформировавшейся на базе тюркского языка, при довольно сильном и естественном влиянии арабского языка, выступавшего в качестве универсального средства религиозной и культурной идентификации всей исламской цивилизации.

В то же время процесс «возрождения» ислама в регионе в условиях разрушившихся систем бывших ценностей и идеологического вакуума способствовал росту интереса населения к религиозным ценностям, которые выполняли своего рода функции социальной терапии, помогавшей переносить жизненные трудности, поскольку изначально ислам рассматривается как способ нравственного и иного оздоровления общества. Более того, в обыденном сознании нравственность и ислам почти идентифицируются. В современных условиях ценности ислама выступают своеобразным вектором поиска духовной идентичности как отдельных представителей, так и в целом народов Центральной Азии. Ислам также выступает фактором социальной солидарности народов региона. Но исламское «возрождение» и возможность открыто выражать свои мысли очень быстро способствовали осознанию в среде мусульман необходимости не только заниматься просвещением среди населения и тем самым активно содействовать повышению религиозного самосознания, но и самим выступать в качестве реального и действительного фактора влияния не только в общественной, но и в политической жизни государств Центральной Азии.

В процессе изучения политических процессов и влияния ислама на примере Ферганской долины, которая является точным барометром проблем Центральноазиатского региона, мы пришли к заключению, что в перспективе процесс влияния ислама на политику Центральноазиатских государств будет возрастать. Также необходимо отметить, что на новой волне политической борьбы за власть и сферы влияния появилась возможность активного использования различными силами (как внутренними, так и внешними) религиозного фактора с целью продвижения своих политических и геополитических интересов.

До сих пор для государств Центральной Азии особо остро стоит вопрос социально-политической, культурной и этнической консолидации. В настоящее время не существует устойчивого баланса между государственной властью и общественно-социальным фактором, в том числе и исламским, поэтому вероятность всякого рода «эксцессов» сохраняется. Исламский ренессанс идет параллельно (или сопрягается) с этнической мобилизацией, а значит прямо или косвенно стимулируется на официальном уровне с целью формирования и укрепления национальной государственности и идентичности.

Опыт прошедшего десятилетия также показывает, что существующие в Центральной Азии этно-территориальные и религиозные проблемы, не находя подчас адекватных решений, существенно снижают уровень взаимного доверия в регионе, что может служить катализатором нестабильности. Характерной чертой центральноазиатской действительности являются конфликтные в своей основе проблемы, имеющие общерегиональное измерение – нехватка воды и обрабатываемой земли, вопросы границ, социально – экономический кризис, бедность, коррупция, высокий уровень безработицы и пр.

Разумеется, нельзя сбрасывать со счета и внешнее влияние, которое далеко не всегда носит позитивный характер. В частности, заинтересованность ряда зарубежных государств и фондов в переносе на территорию Центральной Азии собственных, далеко не идеальных, моделей развития.

Объективный подход к изучению проблемы исламизма в транзитных обществах Центральной Азии и влияния внешних факторов на них даёт основания говорить о существовании двух составляющих этого явления: с одной стороны, существуют объективные, закономерные в переходных условиях процессы религиозного возрождения (имеется в виду сам процесс, а не крайние формы его проявления), с другой – использование различными силами, как внутренними, так и внешними, религиозного фактора с целью продвижения своих политических и геополитических интересов в Центральноазиатском регионе.

Основываясь на достигнутых результатах исследования, можно прийти к выводу, что рост политического ислама обусловлен естественной реакцией на глубокий кризис в политической, социальной, экономической сферах, переживаемых сегодня странами «третьего мира», а также внешними факторами: глобализацией, изменением геополитического баланса, модернизацией и т.п.

Неоспоримо и то, что ислам исторически отождествлялся с государством, и уверенность в единстве государства и религии является исторической памятью, вошедшей в сознание верующих мусульман из их Священного писания, истории и опыта. Мы хотели бы подчеркнуть, что последняя мусульманская империя (Османский халифат) перестала существовать всего лишь в прошлом веке, оставив громадный идеологический потенциал, который влияет на новые поколения мусульман мира. С другой стороны, можно утверждать, что использование исламскими правоведами этого потенциала в разработке современных систем исламского управления, построенных на работах ранних и «классических» мусульманских ученых, может привести к нежелательным результатам, устаревшая юридическая разработка по шариату в той форме, в какой она существует сегодня, не может стать позитивным примером для государств Центральной Азии.

Это подтверждается примерами попытки построения исламского государства в его классическом варианте на территории бывшего СССР – в Чечне и Дагестане, который объективно показал влияние человеческого фактора на трактовку и практическое применение шариата, что выразилось на практике в нарушении самих фунда-

ментальных принципов шариата и неправильном подходе к решению тех или иных задач общественно-политической жизни.

Можно с уверенностью утверждать, что в странах Центральной Азии в краткосрочной и среднесрочной перспективе нет объективных предпосылок для создания исламского государства. Внутренние и внешние факторы выступают сегодня в качестве естественных препятствий на пути введения исламской формы правления на данном историческом этапе.

В результате детального изучения теоретической модели исламской формы правления и природы власти, сложившейся в рамках классического идеала исламского государства, мы пришли к заключению, что характерный для ислама принцип слияния светского и духовного начал власти означает обязанность правителя следить за функционированием и исполнением всех сторон жизни в соответствии с установленными нормами шариата. На практике этот принцип должен осуществляться через соединение различных функций власти (исполнительной, судебной) и различных теорий о её природе (общинной, сакральной). В истории мы наблюдаем периоды как распада единства власти, так и периоды сознательного объединения двух её начал – светского и духовного. Немаловажно также подчеркнуть объективную необходимость переосмысления самих терминов, связанных с понятием «власть», и «общинных» традиций в исламе.

Литература

1. Абазов Р. Исламское возрождение в центральноазиатских новых независимых государствах // Политические исследования. – 1995. – №23. – С.25-29.
2. Абаиши С. Исламский фундаментализм в Центральной Азии: причины распространения, прогнозы на будущее // Центральная Азия и Кавказ. – 2002. – №2(20). – С. 33-40.
3. Джекшепкулов А. Новые независимые государства Центральной Азии в мировом сообществе. – М., 2000. – С. 111-120.
4. Идентичность и конфликт в постсоветских государствах: сб. статей / под ред. М.Б.Олкотт, В.Тишковой, А.Малашенко. – М., 1997. – 257 с.
5. Lutfu Tokatlioglu. Introduccion a la historiadel Imperio Otomano. – Ankara-Turkia, 1999.

СПЕЦИФИКА РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ (НСР ДО 2030) ТАДЖИКИСТАНА В УСЛОВИЯХ СТЫКОВКИ С ДРУГИМИ МЕЖДУНАРОДНЫМИ СТРАТЕГИЯМИ СОВРЕМЕННОСТИ

Мамадазимов Абдугани

**Кандидат политических наук,
ведущий научный сотрудник отдела СНГ
Институт по изучению проблем государств Азии и Европы
АН Республики Таджикистан**

Республика Таджикистан сразу после получения политического суверенитета столкнулось с жестким гражданским противостоянием, главной причиной которого было мощное исламское движение, которое не только составляло конкуренцию национальному пробуждению, но и предложило исламскую модель развития страны. Жесткая конкуренция между светской и исламской моделями развития нового суверенного государства не только не способствовала дальнейшему прогрессу страны, но и отбросила её на десятилетия назад. Светский путь развития молодого государства взяло верх в ходе данного противостояния.

Поэтому Таджикистан среди других стран региона приступил к разработке и реализации своих государственных программ по модернизации, пожалуй, с определенной задержкой. Сама логика постконфликтного восстановления страны актуализировала вопросы устранения последствий гражданского противостояния и улучшения условия жизни граждан, т.е. возврата к довоенному уровню развития. После окончательной нормализации общественно-политической обстановки в республике (2005 г.) политическое руководство страны инициировало разработку долгосрочной социально-экономической программы – Национальной стратегии развития (НСР) Республики Таджикистан на период до 2015г., в рамках которой были разработаны среднесрочные стратегии по сокращению бедности в Республике Таджикистан на срок по три года каждая [5]. Эта НСР до 2015 г. была разработана при содействии специалистов МВФ, соответственно по его методикам и программам

помощи, что является объектом дискуссий и критики среди специалистов [6]. В рамках данной долгосрочной программы были разработаны и реализованы две среднесрочные программы – Стратегия сокращения бедности (ССБ) на 2007-2009 гг. и 2010-2012 гг. Главные итоги реализации этих среднесрочных программ таковы: уровень бедности в Таджикистане был сокращен с 64% (2003) до 37% в 2012 году и соответственно 31% в 2016 году [7]. Таким образом, данная стратегия (НСР), в основном, была ориентирована на проблему снижения бедности и повышение уровня жизни населения, поэтому говорить о модернизации страны было бы преждевременно. Именно ее (НСР до 2015) относительно успешное завершение дало возможность приступить к разработке и поэтапной реализации государственной программы по модернизации суверенного Таджикистана [8].

1 декабря 2016 года национальный парламент Таджикистана принял программу модернизации страны – новую Национальную стратегию развития (до 2030) с общим объемом инвестиций в размере 118,1 млрд. долл. США – колоссальной суммы в условиях небольшой национальной экономики. Разработчики данной государственной программы модернизации взяли за основу следующие стратегические цели развития:

- а) обеспечение энергетической безопасности и эффективное использование электроэнергии;
- б) выход из коммуникационного тупика и превращение страны в транзитную страну;
- в) обеспечение продовольственной безопасности и доступа населения к качественному питанию;
- г) расширение продуктивной занятости [9].

Достижение этих стратегических целей выполнимо, по мнению разработчиков, как минимум, двумя подходами:

1) индустриальность, превращение Таджикистана из аграрной в индустриально-аграрную страну путем повышения эффективности использования национальных ресурсов;

2) инновационность, устойчивое развитие на основе нововведений во всех сферах социально-экономической жизни страны.

Правительственные структуры, ответственные за разработку и реализацию данной программы модернизации страны, для решения этих трех основных задач допускают три альтернативные сценария:

- (1) инерционный,
- (2) индустриальный и
- (3) индустриально-инновационный.

Первый – инерционный сценарий со стороны разработчиков НСР спрогнозирован на предположении о том, что сохраняется аграрно-индустриальная модель развития, принципиальные инфраструктурные проблемы решаются постепенно, высокая зависимость от внешних шоков и импорта товаров не изменяется. Экономический рост при данном сценарии стимулируется потребительским и инвестиционным спросом на основе внешних источников финансирования, включая денежные переводы мигрантов. При этом доля аграрного сектора в ВВП будет преобладать над промышленностью до конца прогнозируемого периода. Среднегодовые темпы роста ВВП по этому сценарию предположительно снизятся с 6-7% до 4-5% в течение всего прогнозируемого периода, объем ВВП за весь прогнозируемый период возрастет в 2 раза, его объем на душу населения увеличится всего в 2 раза [9].

А второй – индустриальный сценарий развития предполагает успешную реализацию действующих или уже начатых энергетических и инфраструктурных проектов, рациональное использование земельноводных, энергетических и других ресурсов, а также восстановление существующих и ввод в действие новых производственных мощностей в промышленности и сельском хозяйстве. Согласно этому сценарию, общий объем промышленного производства увеличится в 4,2 раза, в том числе добывающая промышленность в – 5,7 раза, обрабатывающая промышленность – в 4,3 раза, производство и распределение энергии, воды и газа – в 2,9 раза. Темпы роста ВВП составят 6-7%, объем ВВП за весь прогнозируемый период возрастет в 2,6 раза, его объем на душу населения увеличится в 2 раза [9].

А третий – индустриально-инновационный сценарий предполагает создание основ инновационного развития экономики страны прежде всего на базе проведения реформ в системе образования и

подготовке современных кадров для отраслей экономики. Данный сценарный вариант возможен при формировании инновационных подходов при решении экономических и социальных вопросов, усилении институциональной базы развития, совершенствовании правовой системы и усилении защиты прав собственности, включая интеллектуальную, что будет благоприятствовать росту как внутренних частных, так и прямых иностранных инвестиций. Среднегодовые темпы роста ВВП по этому сценарию предположительно составят 8-9%, объем ВВП за весь прогнозируемый период возрастет в 3,5 раза, а ВВП на душу населения – в 2,7 раза [9].

В данной Стратегии допускается возможность перехода от одного типа сценария к другому. Однако, на наш субъективный взгляд, тенденции экономического развития страны второго года после ее официального принятия (конец 2018 г.) свидетельствуют о том, что мы пока двигаемся в низшем пороге второго (индустриального) типа сценария реализации НСР. Этот взгляд подтверждается также аналитиками Всемирного Банка, в июньском обзоре которого «Глобальные экономические перспективы» прогнозируется рост ВВП Таджикистана на уровне 6,1% в 2018 г., а в 2019-2020 гг. он замедлится до 6%.

Как вытекает из данного скрупулезного анализа НСР (до 2030) как программы модернизации Республики Таджикистан, она является сугубо национальной программой, не заимствованной извне или не скопированной из успешных зарубежных образцов. Четыре стратегические цели: энергетическая безопасность, продовольственная независимость, превращение республики в транзитную страну и индустриализация страны – вытекают сугубо из внутренних реалий (природно-климатической, географической и социально-экономической и иной). Она, несомненно, учитывает международные обязательства страны по Повестке дня на XXI век и Целям устойчивого развития (ЦУР), одобренным 70-й сессией Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре 2015 г., т.е. прослеживается согласование позиций как в процессе разработки, так и реализации со структурами ООН, включая их финансовые институты, активно функционирующие в республике.

Дальнейшая успешная реализация НСР зависит от следующих факторов:

- успешное продолжение строительства Рогунского гидроузла – кровеносной артерии всей национальной экономики (внутренний фактор) и её успешная стыковка с международными стратегиями (внешний фактор).

Из множества международных стратегий, реализуемых в мире в настоящее время, к нам прямое отношение имеют следующие:

1. Российский проект – Евразийский Экономический союз (ЕАЭС);

2. Китайский мегапроект «Инициатива Пояс, Путь» (особенно его первая часть «экономический пояс шелкового пути»);

3. Индийский «ход конем» в Центральную Азию в рамках крупного инфраструктурного проекта «Юг-Север»;

4. Наследие американского проекта «Большая Центральная Азия» (CASA-1000);

5. Стратегия ЕС по отношению Центральной Азии (первая 2007-2013 гг., новая 2019- 2024);

6. Союз персоязычных государств (РТ, ИГА и ИРИ)

7. Проект тесной Центральноазиатской кооперации (выступление президента Узбекистана Шавката Мирзиёева в ГА ООН, сентябрь 2017 г.).

1. Евразийский экономический союз, созданный в лоне СНГ, является самым дискутируемым проектом как внутри страны, так и в постсоветском пространстве. Многие из публикаций посвящены благам, которые получит Таджикистан при вступлении в данную региональную организацию. На наш субъективный взгляд, от вхождения в ЕАЭС выигрывают во многом наши трудовые мигранты, которые не будут приобретать патенты на трудовую деятельность в России. Т.е. может присутствовать некоторое несоответствие, с точки зрения национальных интересов, при вхождении в состав ЕАЭС:

- 1.1. Периферийное местонахождение Таджикистана в составе ЕАЭС;

1.2. Большая вероятность появления препятствий для выхода на южном направлении:

1.2.1 Для выхода к портам Индийского океана (через Афганистан, Иран и Пакистан);

1.2.2. Для сбыта таджикской электроэнергии в странах Южной Азии.

Поэтому правильно было бы поставить вопрос о создании зоны свободной торговли со странами ЕАЭС, а не вхождении в эту организацию.

2. В сентябре 2017 г. политическое руководство РТ и КНР (в рамках участия в форуме БРИКС+) объявило о стыковке китайского мегапроекта «Инициатива Пояс, Путь» и НСР Таджикистана. В настоящее время данная стыковка дает реальные результаты, так как успешная реализация нашей национальной стратегии идет в тандеме с созданием крупных промышленных объектов, в основном в рамках данного китайского мегапроекта. Однако чрезмерная зависимость от китайских инвестиций тревожит как национальных, так и зарубежных экономистов [1].

3. Индия, показывающая стабильно высокий рост ВВП в последние годы (не ниже 8%), в начале текущего года продемонстрировала свой серьезный интерес к вхождению в наш регион. Данный индийский «ход конем» в Центральную Азию, минуя Пакистан с моря и через Иран, несколько оживит инициированный ею инфраструктурный проект «Юг-Север».

Индийский «ход конем» в Центральную Азию (Мумбаи – Чобакхор (ИРИ) – Самарканд – столица ЦА) имеет много аспектов:

3.1. Миротворческий (регулирование афганского кризиса с активным включением соседних с ИГА государств);

3.2. Инфраструктурный (создание сети наземных коммуникаций для выхода к портам Индийского океана);

3.3. Торгово-экономический (создание торговых домов, совместных предприятий в сферах фармацевтики, переработки сельхозпродукций, ювелирной и цифровой экономики);

3.4. Геостратегический (превращение стратегического треугольника «Россия – США – Китай» в четырехугольник «Россия – КНР – США – Индия»).

4. Хотя США в последние годы администрации Барака Обамы отошли от проекта «Большой Центральной Азии», предложенного известным политологом Фредериком Старром [3], предусматривающего привязки Афганистана к нашему региону, к формуле «5+1», принятой многими внешними игроками (Япония, Южная Корея, ЕС), свидетельством чего является встреча госсекретаря США Джона Керри с пятью коллегами из стран Центральной Азии (октябрь 2016 г., г.Самарканд) [4], они оставили добротное наследие Таджикистану виде крупного моста через реку Пяндж, переходящее в практическую плоскость крупного проекта CASA-1000.

Необходимо учесть, что установление мира и постконфликтное восстановление Афганистана среди прочего даст Таджикистану возможность принять максимальное участие в данном многомиллиардном проекте.

5. В 2005 г. ФРГ инициировала разработку Стратегии ЕС по отношению к Центральной Азии, которая была принята Европейским Союзом в 2007 г. (2007-2013 гг. для реализации) и охватывала следующие аспекты:

- права человека, правовые реформы, надлежащее государственное правление и демократизация;
- вопросы молодежи и образование;
- экономическое развитие, торговля и инвестирование;
- энергетика и транспорт;
- окружающая среда и водные ресурсы.

На наш взгляд, в реализации первой стратегии просматриваются два недостатка:

5.1. Выбор большего количества аспектов для сотрудничества между ЕС и странами ЦА при недостаточном финансировании (750 млн. евро);

5.2. Потребительский подход стран Центральной Азии к данной Стратегии ЕС.

Новая Стратегия ЕС по Центральной Азии будет принята в июне 2019 г., и в ней будут учтены недостатки прежней Стратегии. Данная Стратегия ЕС по отношению Центральной Азии, несмотря на неоднозначность её предназначения и оценки реализации, несколько сблизила регион, и в частности Таджикистан, с ЕС.

6. Во времена теплых отношений Таджикистана с Ираном в годы президентства Махмуда Ахмадинежада была инициирована идея создания Союза персоязычных государств (в составе Таджикистана, Афганистана и Ирана), что заложило бы основу совместной реализации мягкой силы этих государств, концентрированной в их культуре. В марте 2008 г. в Душанбе было подписано Соглашение о создании Экономического совета персоязычного союза (РТ, ИРА и ИРП) [2].

Несмотря на временное ухудшение таджикско-иранских отношений, данный союз имеет большой неиспользованный потенциал в следующих направлениях:

6.1. Инфраструктурном: строительство железной дороги между Таджикистан-Афганистан-Иран (выход РТ к портам Индийского океана);

6.2. Торгово-экономическом: создание новых или восстановление старых совместных предприятий в различных сферах экономики;

6.3. Реализация «мягкой силы»: распространение Навруза, таджикской поэзии, культурного наследия и т.д.

7. Выдвижение проекта тесной центральноазиатской кооперации президентом Республики Узбекистан Шавкатом Мирзиёевым в Генеральной Ассамблее ООН (сентябрь 2017 г.) заложило новые положительные предпосылки для региональной кооперации. Перспективы данного проекта для таджикско-узбекских отношений:

- снятие неформальных барьеров на границе;
- реализация совместных проектов между странами региона;
- обеспечение в перспективе упрощенного доступа товаров, услуг, капиталов для экономик двух стран;
- возможный переход от кооперации к интеграции республик ЦА.

Проект тесной центральноазиатской кооперации, на наш взгляд, является самым оптимальным проектом, отвечающим национальным интересам Таджикистана и позволяющим в перспективе создать единый рынок Таджикистана и Узбекистана.

Несомненно, реальная жизнь несколько разнообразнее от тех конструкций, схем и стратегий, которые мы проанализировали выше. Но одно ясно, что политические тренды и процессы в Центральной Азии приобретают новое качество.

Литература

1. Мендкович Никита. Доминирование Китая в Таджикистане. URL: <https://regnum.ru/news/1875095.html>; Панфилова Виктория. Таджикистан становится сырьевым придатком Китая // Независимая газета .Danny Anderson. Risky Business: A Case Study of PRC Investment in Tajikistan and Kyrgyzstan. URL: <https://jamestown.org/program/risky-business-a-case-study-of-prc-investment-in-tajikistan-and-kyrgyzstan>
2. Панфилова Виктория. Тройственный союз // Независимая газета. – 2008. – 21 марта.
3. S.Frederick Starr. A Partnership for Central Asia. URL: www.foreignaffairs.com/articles/asia/2005-07-01/partnership-central-asia
4. <http://nm.tj/politics/35073-gossekreter-ssha-dzhon-kerri-posetit-dushanbe.html>
5. http://www.mts.tj/ru/images/stories/img_text/strateg_dokumenti_prog/Obshebasonalnyi_prog/%D0%91%D0%B5%D0%B4%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C%202010-12_Russ.pdf
6. <https://cyberleninka.ru/article/v/natsionalnaya-strategiya-razvitiya-respubliki-tadzhikistan-problemy-realizatsii-i-perspektiv>
7. <http://www.vsemirnyjbank.org/ru/country/tajikistan/overview>
8. <https://cyberleninka.ru/article/v/natsionalnaya-strategiya-razvitiya-respubliki-tadzhikistan-problemy-realizatsii-i-perspektivy>
9. http://www.gki.tj/nsr2030_ru.pdf

ПРОГРЕССИВНАЯ МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ КЫРГЫЗСТАНА

Суюнбаев Мурат Насирдинович
академик РАЕН

Профессор кафедры международных отношений
Кыргызско-Российский (Славянский) университет
имени Бориса Ельцина (КР, г. Бишкек)

Конкурентоспособная модель развития Кыргызстана определяется, на наш взгляд, в том числе и несколькими ее существенными и сущностными факторами, которые будут рассмотрены нами в следующих разделах. На развитие Кыргызстана влияют ограничения, которые можно рассматривать как «налоги» или как инвестиционные барьеры.

1.1. «Налог» на горы и на изолированность. Внешняя и внутренняя изолированности являются фактором отсталости. Если коммуникации (главным образом морские) – это центр мировой экономики, то Кыргызстан находится на геоэкономической окраине. В Кыргызстане в районе перевала Торугарт (граница с Китаем) находится географический **центр Евразии** – малоизвестный факт. Т.е. **Кыргызстан – это страна, которая находится на самом большом удалении от Мирового океана** (от 1700 до 6530 км).

Изолированность из-за горных условий является одной из причин отсутствия инвестиций. А инвестиций в горные районы нет, в том числе и потому, что нет дорог, чтобы привезти оборудование, материалы и вывезти готовую продукцию; нет средств связи, чтобы получать коммерческую информацию, проводить платежи.

Из-за горных условий только 53,5% территории занято сельскохозяйственными угодьями, почти 9/10 которых – пастбища. Остальное – скалы, ледники и т.п. То есть для земледелия пригодно крайне мало территории – всего 5,35% – это большая часть так называемой «экономически эффективной территории». Это примерно то же, как если бы у вас было здание в 100 м², где площадь производственных помещений составляла бы 5,35 м², а все остальное были бы коридоры, лестницы, балконы, подвалы и т.п.

Чем выше в горах живут сообщества, тем больше они отстают в развитии. Разрыв в пространстве ведет к разрыву во времени, а это и есть отсталость. Время – деньги. Поэтому можно сказать, что для Кыргызстана его «вязкое» пространство – деньги (вернее издержки).

Если принять стоимость самых дешевых морских перевозок за единицу, то стоимость железнодорожного транспорта дороже в 4 раза, а стоимость автомобильного дороже железнодорожного еще в 15 (в горах в 20) раз. Поэтому стоимость 90% перевозок в Кыргызстане (автомобильных) **в 60-80 раз дороже** большей части мировых (морских) перевозок. Уже только это серьезно влияет на конкурентоспособность нашего бизнеса.

1.2. «Налог» на климат. Удаленность от Мирового океана определяет экстремальные температуры – высокие летом и низкие зимой, очень резкоконтинентальный и засушливый климат, переходящий в горах в субарктический и арктический. С высоты 2700-2800 м безморозный период отсутствует. А при отрицательных температурах с каждым градусом стоимость обустройства рабочего места растет на десятки процентов.

Резкоконтинентальный климат predeterminedил кочевую экономику. Хозяйственные (кочевые) традиции сделали животноводство в КР одной из ведущих сельскохозяйственных отраслей. Однако производительность труда чабана остается практически такой же, как 1 тысячу и 2 тысячи лет назад, потому что кочевое скотоводство, в отличие от других сфер деятельности, практически не поддается модернизации: механизации, химизации и т.п. Пастбища (9/10 сельскохозяйственных угодий) дают менее половины продукции крестьян. Это исторически и predeterminedило, что экономики наших соседей росли, а мы за счет кочевой экономики топтались на месте. В советское время дотации из союзного бюджета маскировали эту нашу геоэкономическую слабость.

Природные особенности КР определяют низкую продуктивность связанного с риском богарного и полубогарного земледелия (урожай в 3-15 раз ниже, чем в других странах мира).

В сельской местности у нас живет 2/3 населения, а зарабатывают они главным образом в вегетационный период (в среднем полгода).

В вегетационный период зарабатывают и многие горожане. Т.о. резкоконтинентальный климат обусловил скрытую сезонную неустойчивость развития КР: 2/3 населения расходует средства весь год, а зарабатывает их сезонно.

Вызовы развития. Все вышеуказанные факторы приводят к тому, что в Кыргызстане экономическая плотность территории (ВВП / площадь страны) в несколько сотен раз меньше, чем в Западной Европе. Малый объем внутреннего рынка в КР исключает возможность становления эффективной экономической структуры, нацеленной преимущественно на внутренний спрос. Без развития производства устойчивое развитие невозможно. Мы можем развивать на внешней базе третичный и четвертичный сектора экономики и малую индустриализацию – ремесла.

Т.о. с учетом малых городов у нас 3/4 населения (900 тысяч семей) занято сельской (сезонной) трудовой активностью – фактически сезонно безработные. И найти приемлемую для них и востребованную на рынке дополнительную сезонную занятость является самой важной задачей модели развития.

Кыргызстан является и бедной, и неразвитой страной. Имеющаяся модель развития Кыргызстана не позволяет решать проблемы ни экономического развития, ни сезонной безработицы. Технологическое отставание велико и будет расти.

Развитие любой сферы деятельности, в т.ч. «большой» промышленности, требует соответствующих навыков населения – человеческого капитала (знания и умения людей).

Самое главное – культурное наследие Кыргызстана не капитализируется¹, как если бы на горных реках не строились ГЭС

Основы стратегии изменения модели развития. Если кажется, что не хватает ресурсов для развития, - это означает лишь то, что не задействованы главные ресурсы - культурные: интеллектуальные и ментальные, конкурентоспособные именно в этих ландшафтах. Надо не догонять первого верблюда (развитые страны), а «развернуть караван».

¹ Преобразование средств и ресурсов в добавочный капитал.

Для прогресса важнее развивать сильные стороны, чем бороться со слабостями. Технологии ремесел не отличаются новизной – и в этом их сила. Спрос на handmade (эксклюзивное рукоделие) растет и будет только усиливаться. "Отсталость" технологии ремёсел будет со временем только усиливать конкурентоспособность продукции.

По инерции старинность рассматривается негативно, исключительно как отсутствие ценностей модерна. Однако такая точка зрения является устаревшей. Классика – это ведь и есть старинность. Старинность является не препятствием, а отправной точкой для создания оригинальной модели развития. Старинность является не только фактором отсутствия модерновости, но и уникальным ресурсом гигантского значения.

Предлагаемая модель развития представляет возможности полноценного развития за счёт соединения бережно сохраняемых традиционных основ культуры и истории и одновременного введения новых культурных технологий.

Первичный сектор – присваивающая экономика. Собира-тельство. Имеется в виду сбор естественных лекарственных форм: ягод, трав, листьев, соцветьев, коры, кореньев, и т.д., включая мёд, – в Японии он продается в аптеках. Последние десятилетия мир помешан на нехимических медикаментах. Кроме того это естественные красители для войлока и кож, натуральное мыло и парфюмерия, поделочные и полудрагоценные камни и просто дикие глыбы камня объемом порядка 1-10 м³ для украшения приусадебного участка. Каждое ущелье в пределах транспортной доступности будет «месторождением». В Европейской части России и некоторых других странах красивые дикие камни имеют спрос среди состоятельных граждан.

Добыча полезных ископаемых требует осторожного подхода. Более приемлема малая, старательская, но повсеместная добыча полезных ископаемых, в том числе в интересах тех же ремесел: суглинков для изготовления керамики и гончарных изделий, сбор поделочных камней, диких глыб и т.д.

Малые горные предприятия в мире приносят большой доход. В 30 странах мира малое горное предпринимательство является ос-

новным источником дохода для 13 млн. человек. Геологи за 70 лет открыли десятки тысяч мелких месторождений.

Мелкие месторождения как раз чаще всего находятся в компетенции местных самоуправлений, фактически местных сообществ – вероятность конфликтов сводится к минимуму. Старательство – само, по сути, и есть горное ремесло.

Вторичный сектор. *Ремесла* – это мелкие ручные производства, основанные на применении простых орудий труда, личном мастерстве, позволяющем производить высококачественные, часто высокохудожественные изделия, являющиеся предметами культуры.

С возникновением ремесла на заказ, и особенно на рынок, связано появление и развитие городов как ремесленно-торговых центров. Домашнее ремесло нередко называют домашней промышленностью, то есть производством несельскохозяйственной продукции – как раз то, что нужно. Домашнее ремесло распространено и сейчас для производства таких товаров, как предметы роскоши. Примером в наши дни может быть изготовление ювелирных украшений, мебели по индивидуальным заказам или пошив одежды дизайнером. В большинстве стран сохраняются народно-художественные ремёсла, связанные с обслуживанием туризма и с экспортом. Народные художественные промыслы необходимо восстанавливать, сохранять и развивать.

Издавна человечество знало следующие ремёсла: кузнечное дело, гончарное производство, плотницкое дело, столярное ремесло, портняжное дело, печное, пекарное, ювелирное, прядильное, ткацкое, скорняжное, шорное, сапожное, кожевенное и многие другие. Сюда нужно добавить местную специфику: войлок, производство юрт, чеканка, технологии уникальных продуктов питания: кумыс, бозо, чалап, максым, сүрсүтүлгөн эт (вяленое мясо), гүлазык – «консервы» и витаминно-минеральная добавка, недорогие варенья кисломолочной (сүзмө) консервации и многое другое.

Рога животных исторически часто служили сосудами для жидкостей, особенно вина. Из рога изготавливались различные предметы обихода: гребни, мундштуки, пуговицы и др. А это прикладные предметы массового спроса.

Этническое разнообразие позволяет задействовать практически весь спектр ремесел, в том числе те, где кыргызы не сильны: ювелирное дело, чеканка, печное дело и т.д.

Глобализация и Интернет-магазины открывают для ремесел мировой рынок. По Интернету из любой точки мира получается заказ (модель, размер, цвета), через Интернет-магазины отправляется заказ, по международной системе денежных переводов получается оплата. «Налог» на климат преодолевается надомным характером большинства ремесел – им чаще всего не требуются специальные производственные помещения – хватает одного из жилых помещений и сарая в качестве склада.

Ремесла не нуждаются в массивных инвестициях, но при этом на единицу инвестиций создают намного больше рабочих мест, чем тяжелая промышленность.

Таким образом, жители сел (и малых городов) в вегетационный период (летом) заготавливают сырье, а в холодный период занимаются переработкой сырья.

Ремесла позволяют более активно задействовать потенциал домохозяек – на работу «ходить» не надо – вот она в соседнем помещении. Хотя вообще-то в процессе индустриализации 20 века мужские ремесла пострадали сильнее. Это было связано с тем, что женщины на селе в основной массе были домохозяйками. Кроме того, согласно обычаю, мать должна была приготовить своим дочерям приданое (сеп), где женская ремесленная составляющая (шырдак, одеяла и т.д.) преобладала. И сейчас в сфере ремесел женщины доминируют. Мужские ремесла ждут своего ренессанса: кузнечное и ювелирное дело, чеканка, выделка кож и шкур, совместное с женщинами изготовление юрт.

Кыргызские ремесла, особенно женские, являются самыми развитыми в регионе, но до массовости, предлагаемой нами, им еще далеко. 900 тысяч семей – это потенциал для развития такого же количества ремесел. Каждый такой микробизнес потребует инвестиций примерно в 1 000 долларов и менее. Эта потребность легко может быть покрыта личными накоплениями, переводами мигрантов, кредитными союзами и кооперативами, т.е. главным образом за счет ресурсов граждан Кыргызстана.

Денежные переводы мигрантов превышают 400 млрд. долларов – это в 3-4 раза больше всей донорской помощи. Паритетное соинвестирование: мигранты – правительство – расширяет возможности для инвестирования¹.

Ремесла станут альтернативным, доступным и адекватным объектом инвестирования, воспроизводства и накопления.

Должна быть разработана Национальная стратегия и План действий по поддержке ремесел. В первую очередь это нормативно-законодательная база (включая стандарты), поиск и поддержка уникальных мастеров, подготовка из них тренеров, подготовка обучающих материалов, проведение тренингов и конкурсов-смотров, организация торговли через Интернет продукцией ремесел. За исключением последнего компонента, это называется «инвестиции в человеческий капитал». А инвестиции в человеческий капитал являются не просто основным объяснением современного экономического роста – они являются единственным объяснением этого роста [2].

Такая малая индустриализация приобщит жителей сел к более современным секторам экономики, снизит безработицу и миграцию и, оставляя людей на селе, приблизит экономику к постиндустриальной стадии. И, таким образом, в отличие от большой индустриализации, позволит избежать сокращения населения, весьма опасного для маленького Кыргызстана, потому что рождаемость обеспечивается главным образом сельскими жителями, а при большой индустриализации их количество резко сокращается.

По мере развития, ремесла могут переходить в категорию кустарных производств (цехов) и в обычную промышленность. Такая «средняя» индустриализация в Кыргызстане предпочтительна в пищевой и швейной промышленности в малых и средних городах.

3. Третичный сектор. Надо обратить внимание на традиционные виды охоты: с ловчими птицами, тайганами и восстановлением пород животных и птиц для неё.

Французский историк 20 века Фернан Бродель пишет, что в Антверпене, так же как и в Венеции, Генуе и других средневековых

¹ Данные профессора К.Ньюлэнд (Институт миграционной политики США) на встрече в Бишкеке 28.07.14.

городах Европы, третичный сектор (торговля и финансы) развился не после вторичного (как обычно считается), но предшествовал ему [1]. Т.е. не все развивается так поступательно и последовательно, как это обычно представляют.

Это значит, что попасть в постиндустриальный этап, минуя стандартный индустриальный, – в принципе возможно. Но для этого цели страны должны быть амбициозными, а руководители – креативными.

4. Четвертичный сектор. *Культурные товары* (ремесла в своей другой ипостаси – интеллектуальной собственности) *и услуги* (*этнографический туризм и т.п.*).

Инновационные ремесла, например войлок в сочетании с шелком, войлочные панно и аксессуары (сумки, украшения) – это и есть проявления интеллектуальной собственности, требующие капитализации через авторские отчисления. Ремесла как малая индустриализация – это воспроизведение классических стандартных образцов, а как креативная экономика – это создание инновационных нестандартных образцов.

Продукция ремесел, с одной стороны, должна быть ближе к категории «культурные товары», а с другой – дальше от категории «сувениры». Спрос на утилитарную, но эксклюзивную продукцию выше, чем на просто сувенирные изделия, которые, как правило, приобретаются туристами на месте, что и ограничивает их рынок.

Научные исследования: разработчики программных продуктов – это сейчас главным образом, и есть ремесленники (потому что «промышленность» в этой сфере – это научно-исследовательские институты). А кыргызстанские IT-специалисты считаются самыми лучшими в регионе.

Любое производство чего-то дизайнерского можно понимать, как создание крафтовой (ремесленной) продукции. В принципе, любое небольшое производство можно притянуть к крафту. Это красивое слово притягивает покупателей – каждый ведь хочет иметь что-то «не как у всех».

Необходимо нормативно определить, к какому сектору экономики относятся ремесла, каков вклад ремесел в ВВП.

Ремесла, в силу своей раздробленности, отличаются высокой

трудоемкостью и по мере своего развития обеспечивают занятость. Это позволит не только решить проблему безработицы, но и вернуть мигрантов.

Предлагаемая модель развития уже имеет серьезные ростки в стране (их нужно лишь взрастить). Вместе с тем, эта модель не оторвана от мировых трендов – она ближе всего к концепции УЧР (развитие людей и обеспеченность возможностями). Предлагаемая модель имеет не столько экономический, сколько социальный акцент – а это не недостаток, а достоинство.

Литература

1. БродельФ. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, 15-18 вв. Т.3. Времямира. – М.: Весьмир, 2007. – 752 с.
2. Кларк Г. Прощай, нищета! Краткая экономическая история мира. – М.: Институт Гайдара, 2012. – 304 с.

ОБЩИЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРЕНДЫ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В КОНЦЕ ВТОРОЙ ДЕКАДЫ XXI ВЕКА

Майтдинова Гузель Майтдиновна

**Доктор исторических наук,
профессор кафедры Зарубежного регионоведения и внешней политики
Российско-Таджикский (Славянский) университет
директор Центра геополитических исследований РТСУ**

В конце XX века в постсоветской Центральной Азии сформировалась новая подсистема международных отношений, сложились международно-правовые основы сотрудничества новых государств. С момента провозглашения своего суверенитета новые государства региона руководствовались принципами Вестфальской системы международных отношений: взаимного признания суверенитета, территориальной целостности, приоритета международного права в межгосударственных отношениях. Во второй половине 1990-х гг. завершилась трансформация прежних межреспубликанских связей в международные отношения, и в регионе утвердилась новая подсистема международных отношений. К началу XXI века новые акторы Центральной Азии определили свои национальные интересы, стратегические внешнеполитические цели и задачи. В конце второго десятилетия XXI века новые центральноазиатские государства активизировали внутрирегиональное сотрудничество, появилась тенденция к ускорению урегулирования застарелых этнотерриториальных и коммуникационных проблем. В постсоветской Центральной Азии, наряду с тенденцией к усилению внутрирегиональной экономической интеграции, наблюдается фрагментация по цивилизационному принципу (тюркский и иранский миры), а также формирование стратегического треугольника Казахстан–Узбекистан–Туркменистан – стран, обладающих энергоресурсами, транзитными коммуникационными возможностями (а Казахстан и Туркменистан и морскими портами).

Спустя свыше четверти века с момента становления новых постсоветских государств новые центральноазиатские акторы стали оказывать заметное влияние на развитие международных отношений на региональном и глобальном уровнях. Геополитическому сдвигу в Центральной Азии способствовало упрочение государственности новых акторов, более активная их роль в решении глобальных и региональных проблем, тесная интеграция в мировое сообщество, активизация региональных двусторонних и многосторонних отношений и, что очень важно – *определение своих национальных стратегий развития*. Уже существует тенденция к формированию в Центральной Азии нового полюса развития и возрастает значение новых центральноазиатских государств в геополитической динамике Азии и в мире в целом. Свидетельство избрание Республики Казахстан непостоянным членом Совета Безопасности ООН на 2017-2018 годы и Председательство Казахстана в Совете безопасности ООН; принятие Генеральной Ассамблеей ООН в конце июня 2018 г. резолюции "Укрепление регионального и международного сотрудничества по обеспечению мира, стабильности и устойчивого развития в Центральноазиатском регионе", разработанной всеми постсоветскими государствами Центральной Азии, в которой впервые зафиксирована консолидированная позиция всех пяти государств по основным проблемам региона. Кроме того, глобальные водные инициативы Таджикистана являются еще одним свидетельством роста роли и значения этих государств в мире, упрочения позиций новых государств Центральной Азии в мировом сообществе. Глобальная водная инициатива Таджикистана об объявлении 2018-2028 гг. международным десятилетием «Вода для устойчивого развития», принятие соответствующей резолюции ООН еще более укрепляют позиции таджикского государства в мировом сообществе.

Общим трендом развития Центральной Азии в 2018-2019 гг. является стремление к более тесной региональной интеграции постсоветских государств Азии, исходя из понимания ими того, что реализация национальных стратегий зависит от укрепления сотрудничества и предсказуемости развития геополитической ситуации в регионе. В достаточно сложной геополитической динамике Цен-

тральной Азии Таджикистан на ближайшие 15 лет обозначил высшими стратегическими целями: обеспечение энергетической безопасности; выход из коммуникационного тупика и превращение страны в транзитную страну; обеспечение продовольственной безопасности и доступа населения к качественному питанию; расширение продуктивной занятости населения. Еще в 2016 году в Таджикистане была принята Национальная стратегия развития на период до 2030 года (НСР-2030) в соответствии с долгосрочными целями и приоритетами развития страны. Данный документ был подготовлен с учетом изменений, произошедших за последние годы в стране и в мире. НСР-2030 планируется реализовать в процессе трех среднесрочных пятилетних этапов: первый этап – период перехода к новой модели экономического роста (2016-2020 гг.); второй этап – период ускоренного развития, основанного на инвестициях (2021-2025 гг.); третий этап – период завершения ускоренной индустриализации и создания потенциала для развития на основе знаний и инноваций (2026-2030 гг. [10]. В НСР-2030 подчеркивается, что интенсивно изменяющаяся геополитическая, геоэкономическая и технологическая картина современного мира ставит перед Таджикистаном задачу превентивного и устойчивого экономического развития и мер по обеспечению национальной безопасности [6]. В результате реализации НСР-2030 Таджикистан определяет цель – стать индустриально-аграрной страной. Ускоренное развитие гидроэнергетических мощностей и реализация международных и региональных транспортно-коммуникационных проектов, позволит Таджикистану в ближайшем будущем стать региональным лидером в производстве и транзите дешевой и экологически чистой энергии, а также расширить транзитные возможности страны. Поэтому современная геополитика Республики Таджикистан направлена на снижение уязвимости экономики страны от потенциальных внешних угроз, поиск и разработку эффективных механизмов и внутренних источников устойчивого экономического развития, что позволит в перспективе перейти от аграрно-индустриальной к индустриально-аграрной экономике [10]. В ноябре 2018 года в своем обращении к парламенту Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон констатировал, что за последние годы в результа-

те строительства международных автомагистралей и присоединения Таджикистана к дорогам Китайской Народной Республики, Исламской Республики Афганистан, Кыргызской Республики, открытия железной дороги и 16 пограничных пунктов с Узбекистаном таджикское государство вышло из коммуникационного тупика, и тем самым страна *реализовала вторую геостратегическую цель*. Президент Таджикистана в своем обращении объявил *об ускоренной индустриализации страны, которую обозначил четвертой национальной целью* [8].

В настоящее время Таджикистан реализует первую пятилетку своей Стратегии развития, в процессе которой он пройдет вторичную индустриализацию. Вторичная индустриализация Таджикистана будет делать акцент на ускоренное развитие электроэнергетики, производства стройматериалов, строительства, черной и цветной металлургии, химической промышленности, в том числе производства минеральных удобрений. Уже в ближайшем будущем продукция этих отраслей будут не только восполнять потребности населения внутри страны, но и станут объектами экспорта в другие страны. Таджикистан, в соответствии со своей Стратегией развития, взял курс на вторичную индустриализацию страны, и ему необходимы высокие технологии, качественная рабочая сила, морские и сухопутные коммуникации, но главное – нужна долговременная стабильность для развития. Вторичная индустриализация подразумевает в Таджикистане расширение отраслей промышленности с использованием своих сырьевых возможностей и превращение индустрии в основную производительную силу, урбанизацию населения, модернизацию сельского хозяйства, коренное обновление системы образования и науки. Таджикистан, приступая к вторичной индустриализации, имеет уже основы индустрии, образования и науки, созданные еще в советский период. Страна может выступить индустриальной моделью для индустриализации Афганистана, учитывая геополитическое соседство и тесную экономическую и политическую связь двух стран. В этих условиях приоритетом во внешней политике Таджикистана является сотрудничество с государствами Центральноазиатского региона и традиционными стратегическими партнерами – Россией, Узбекистаном, Казахста-

ном, Китае, а также с другими союзниками по ОДКБ, партнерами по ШОС, с глобальными, региональными организациями и другими внешними акторами. При этом с Россией, Казахстаном, Кыргызстаном, Беларуссией установлен более высокий союзнический уровень взаимодействия в рамках ОДКБ. Следует подчеркнуть, что с Россией ещё в апреле 1999 г. подписан «Договор о союзническом взаимодействии между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан, ориентированном в XXI век», заложивший основу союзнических отношений. Во внешней политике Таджикистан, следуя своей внешнеполитической концепции, на ближайшие годы акцентировал внимание на повышении взаимодействия с государствами Центральной Азии, решении застарелых двусторонних проблем, укреплении сотрудничества с глобальными и региональными финансовыми институтами. Таджикистан считает необходимым формирование центральноазиатского рынка с учетом стратегических направлений приоритетного развития государств региона.

В условиях реализации новой Стратегии развития Таджикистана геополитическая обстановка в Центральной Азии, сохраняя свою напряженность в связи с афганским фактором, динамично развивается в сторону более тесной экономической интеграции и укрепления политических связей. В 2018-2019 гг. новая политика открытости Узбекистана внешнему миру уже заметно влияет на геополитическую динамику в Центральноазиатском регионе. Интенсификация реализации своей новой доктрины внутренней и внешней политики Узбекистаном, действенные меры, принятые страной по решению застарелых проблем двусторонних отношений государств, граничащих с Республикой Узбекистан, привели к «разрядке напряженности» в постсоветской Центральной Азии. Геополитическим прорывом в регионе можно считать укрепление таджикско-узбекских отношений после разрешения пограничных и минных проблем, смягчения транспортного и визового режима, повышения уровня экономического сотрудничества и улучшения гуманитарного взаимодействия.

На современном этапе отмечается тенденция к повышению уровня казахско-узбекского взаимодействия для обсуждения актуальных проблем двусторонних и региональных отношений. Актив-

ная позиция Узбекистана в решении своих внешнеполитических задач в регионе и региональные инициативы казахстанского лидера повысили роль и влияние Казахстана и Узбекистана на региональные процессы.

Вносят перемены в геополитическую структуру региона активные контакты Узбекистана по линии Туркменистан-Казахстан. Активизация взаимодействия Узбекистана-Казахстана-Туркменистана по укреплению экономического и политического сотрудничества свидетельствует о формировании в регионе стратегического треугольника государств, обладающими запасами энергоресурсов, транзитными возможностями. Для Узбекистана важно взаимодействие с Туркменистаном и Казахстаном, обладающих морскими портами в Каспийском море. Знаковым событием в центральноазиатской геополитике является формирование нового формата взаимодействия во время встречи глав государств Таджикистана, Узбекистана, Кыргызстана, Казахстана и главы парламента Туркменистана в марте 2018 года в Астане. Астанинское геополитическое взаимодействие важно для координации действий по решению внутрирегиональных проблем: всеобщей безопасности, борьбы с наркотрафиком, нелегальной миграции, международной торговлей, трафика оружия, контрабанды, организованной преступности, терроризма и т.д. Кроме того, в регионе существуют проблемы, для обсуждения которых необходима политическая площадка: это проблемы регулирования пограничных вопросов, стандарты качества, образовательные стандарты и признание дипломов, водные и экологические проблемы, проблемы торговли и экономического взаимодействия, гуманитарное сотрудничество и др. В условиях нарастания новых угроз безопасности государств региона необходимы консолидированные действия для недопущения дестабилизации обстановки в регионе, учитывая, что внешние силы вступают в острую конкурентную борьбу за ресурсы, за контроль над коммуникациями, рынками вооружений и ведут активное информационное давление, не учитывая *интересы и право на развитие новых государств Центральной Азии*. Для центральноазиатских государств астанинский формат необходим для сближения позиций и снятия напряжения по наиболее острым региональным проблемам,

и он будет служить гарантом региональной стабильности, что также важно для внешних союзников и партнеров государств Центральной Азии. Астанинский формат, видимо сохранится в форме форума для обсуждения региональных проблем, но пока, учитывая существующие противоречия между новыми государствами, нерешенные проблемы двусторонних отношений, сложно рассчитывать на более тесную внутрорегиональную интеграцию [4, с.13], несмотря на то, что во внешнеполитических стратегиях новых государств четко обозначен приоритет Центральноазиатского региона во взаимодействии.

Важные геополитические перемены в Центральной Азии будут вносить открытие морского порта в Туркменбаши и использование потенциала порта Актау в Каспийском море новыми государствами для выхода к морским коммуникациям по маршрутам Актау (или Туркменбаши) – Баку – и далее или же через иранский город Бендер-Энзели к Каспийскому морю транзитом через Иран в порт Чабахар. Как известно, к межправительственному соглашению о международном транспортном коридоре "Север-Юг" из центральноазиатских государств присоединились Казахстан, Таджикистан Кыргызстан [9], учитывая важность этого проекта для этих стран, не имеющих выхода к южным морским коммуникациям. С другой стороны, важны эти порты для меридиональной интеграции государств Центральной и Южной Азии для доступа к южным морским коммуникациям, для транзита и торговли между странами региона: через территорию Ирана в порт Чабахар (минуя конфликтный Афганистан) для выхода в Оманский и Персидский заливы. Подписание в октябре 2018 г. в Тегеране Ираном, Индией и Афганистаном соглашения о транзите товаров через порт Чабахар заложило международно-правовую основу сотрудничества [1], к которому могут присоединиться и постсоветские государства Центральной Азии. Важнейшей задачей регионального развития уже в ближайшем будущем является подготовка к созданию зоны свободной торговли в Центральной Азии, включающей, помимо ЕАЭС, также Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан, Афганистан, Иран, Пакистан, Индию.

Сложная геополитическая обстановка в Центральной Азии стимулирует становлению новых форматов взаимодействия в регионе. Наряду со стремлением к интеграции центральноазиатских государств, появляются тенденции к формированию новых платформ взаимодействия внешних акторов, имеющих интересы в регионе. Наравне с «традиционными» платформами сотрудничества в постсоветской Азии – СНГ, ЕАЭС, ОДКБ, ШОС, ОИС и др. появляются новые форматы, например США + 5 государств ЦА, или же в 2018 г. появилась тенденция к формату Индия + 5 государств ЦА, о чем свидетельствует форум пяти государств Центральной Азии и Индии в Самарканде. Знаковым событием 2018 года является налаживание диалога Китая – России – Ирана – Пакистана по проблемам региональной безопасности и стабилизации Афганистана, исходя из понимания того, что стабильность Пакистана и Афганистана – путь к стабильности не только Центральной Азии, но и всей Евразии. В условиях дестабилизирующей деятельности ИГИЛ, Талибан, частных военных кампаний в Афганистане, Пакистан стремится более тесно сотрудничать с приграничными государствами по стабилизации региональной ситуации [4, с.19]. Другой формат взаимодействия – ЕС + постсоветские государства ЦА. ЕС готовится к принятию в 2019 г. своей обновленной Стратегии ЕС для Центральной Азии, где основной акцент, видимо, будет сделан на «мягкую безопасность» (снижение бедности, содействие экономическому развитию, поддержке сельской местности, решению экологических, миграционных, этнополитических и гендерных проблем, развитию образования и науки и т.д.). Геополитическая обстановка в постсоветской Азии диктует *создание еще одного формата взаимодействия – Россия+ Центральная Азия*. Несмотря на то, что российская сторона активно взаимодействует в двустороннем и на глобальном, региональном многостороннем форматах (в рамках СНГ, ЕАЭС, ОДКБ, ШОС), однако не все центральноазиатские государства представлены в той или иной степени в вышеуказанных региональных организациях. Например, Узбекистан не участвует в ОДКБ и ЕАЭС, Таджикистан не является членом ЕАЭС, Туркменистан не включен ни в одну из перечисленных региональных организаций в силу своего нейтрального статуса. Между тем, в регионе

существуют множество проблем, которые требуют совместной координации государств Центральной Азии с Россией. Еще одной тенденцией может стать формирование переговорной платформы на базе Шанхайской организации сотрудничества по сближению позиций и для выработки скоординированной политики «ядерной четверки» ШОС (Россия, Китай, Индия, Пакистан) по поддержанию стабильности в Центральной Азии. «Ядерная четверка» ШОС + государства ЦА + США (формат 4+6+1) могут составить еще один формат взаимодействия по поддержанию центральноазиатской безопасности, но при этом взаимодействие в рамках контактной группы Афганистан – ШОС требует усиления деятельности.

В настоящее время в Центральной Азии активизировался диалог центров силы – Китая, России и США по многим аспектам геополитических проблем региона. В структуре межгосударственных отношений заметна тенденция к координации действий по центральноазиатским проблемам России, Китая и США на фоне усиления новых глобальных угроз и вызовов. Для России постсоветская Центральная Азия является одним из ключевых звеньев в борьбе с международным терроризмом в непосредственной близости от российских границ [7]. Россию с государствами Центральной Азии связывают длительные исторические отношения, общее советское прошлое, тесный формат взаимодействия в рамках СНГ, ШОС, союзнические отношения с Кыргызстаном и Казахстаном в рамках ЕАЭС, а с Таджикистаном, Кыргызстаном, Казахстаном у России имеются военные союзнические отношения. Кроме того, между Таджикистаном и Россией, как выше было указано, еще в апреле 1999 г. установлен более высокий уровень взаимодействия на основе договора о союзничестве. В отношениях с Таджикистаном Россия, развивая экономическое и гуманитарное сотрудничество, приоритет отдает взаимодействию в сфере безопасности, учитывая угрозы, исходящие из южных рубежей. С другой стороны, объем инвестиций России в экономику Таджикистана составляет \$1,6 млрд, а за 2018 г. товарооборот между странами вырос на 28% (около \$1 млрд.). Для сдерживания внешних военных угроз очень важно присутствие в Таджикистане 201 военной базы России.

Вызовы, вызванные экономическим положением стран постсоветской Азии в условиях кризиса, в существенной мере трансформировались в угрозы национальной безопасности России. В связи с этим роль России в решении проблем стабилизации социально-экономической обстановки в постсоветской Азии резко возрастает [5]. С другой стороны, западные санкции все больше отражаются на экономике не только самой России, но и влияют на развитие новых государств постсоветского пространства, с которыми имеются тесные экономические связи и сложные проблемы, связанные с трудовыми мигрантами.

Американская Стратегия национальной обороны, принятая в начале 2018 г., объявила главной проблемой национальной безопасности США «межгосударственную стратегическую конкуренцию, а не терроризм» и говорит о «долгосрочной стратегической конкуренции» между Соединенными Штатами и их главными противниками – Россией и Китаем. Эта политика совпадает с позицией Стратегии национальной безопасности и подкрепляется другими ключевыми стратегическими документами США [2]. Одним из водоразделов «стратегической конкуренции» США, Китая и России в Центральной Азии проходит в Афганистане, где внутривластная обстановка все более обостряется в связи с транзитом власти. В этой конкурентной борьбе присутствуют Индия, Пакистан, Иран, Саудовская Аравия и др. За каждым из этих акторов здесь стоят геополитические партнеры. Геополитическая «конкуренция» стратегических соперников на Ближнем Востоке будет влиять непосредственно на процессы в Центральной Азии, например через афганский фактор. Выступая 5 ноября 2018 года в Российско-Таджикском (Славянском) университете министр иностранных дел России С.В.Лавров подчеркнул, что Россия и Китай являются стратегическими партнерами и в Центральной Азии будут поддерживать партнерские российско-китайские отношения. Он также отметил, что в рамках ЕАЭС Россия поддерживает сопряжение китайского проекта «Один пояс – один путь» в Центральной Азии. Китай и Россия являются партнерами по ШОС новых государств Центральной Азии (кроме Туркменистана), а с Россией в союзнических отношениях находятся Кыргызстан, Казахстан и Таджикистан. При

этих обстоятельствах обострение конкурентной борьбы будет влиять в долгосрочной перспективе и на развитие новых государств Центральноазиатского региона.

Несмотря на заявления США о выводе войск из Афганистана, их позиции серьезно укреплены в этой стране. В соответствии с американо-афганским соглашением о сотрудничестве в сфере безопасности, заключенным в рамках американской концепции "разворота к Азии", США и их натовские партнеры получили возможность установить свое военное присутствие в Афганистане в стратегически важных точках. США в новых геополитических реалиях Центральной Азии пытается найти новую модель своего присутствия в постсоветских государствах. С одной стороны, США резко снижают финансирование центральноазиатских проектов политического, гуманитарного и социально-экономического характера. В сфере безопасности США, наоборот наращивает свои расходы. Например, за последние несколько лет США и НАТО вложили более 500 миллионов долларов в реконструкцию старых и строительство новых пограничных застав и постов на таджикско-афганской границе [3].

С 2018 года более активную позицию в Центральной Азии заняла Индия. В настоящее время Индия – один из значительных акторов в подсистеме международных отношений Центральной Азии. В 2018 году появилась тенденция к формированию формата Индия+ 5 государств ЦА, о чем свидетельствует форум пяти государств Центральной Азии и Индии в Самарканде. Знаковым событием 2018 года является налаживание диалога Китая-России-Ирана-Пакистана по проблемам региональной безопасности и стабилизации Афганистана, исходя из понимания того, что стабильность Пакистана и Афганистана – путь к стабильности не только в Центральной Азии, но и во всей Евразии. В недавнем прошлом Индия запустил проект "Расширение связей с Центральной Азией" и выступила с инициативой "Нового Шелкового пути индийской внешней политики", которые направлены на усиление взаимодействия в регионе. Главной причиной ограниченного присутствия индийского фактора в новых государствах являются естественные транспортные и коммуникационные препятствия, так как Индия не граничит ни с одной из новых государств, а государства ЦА не имеют выхода к океану и раз-

витой инфраструктуры, поэтому новыми государствами, а теперь и Индией придается огромное значение строительству коммуникаций в южном направлении. Саммит в Самарканде в 2018 г. глав внешнеполитических ведомств Индии и центральноазиатских государств свидетельствует о том, что индийская сторона желает строить свои отношения с новыми акторами региона на отдельной самостоятельной платформе.

В последнее время в СМИ муссируется тезис о том, что в Индия в Центральной Азии вступает в конкурентную борьбу с КНР, Россией и США. Для понимания центральноазиатской политики Индии следует обратить внимание на то, что в индийском внешнеполитическом курсе сохраняется установка по сохранению равноудаленности от основных мировых центров силы и она придерживается принципа «стратегической автономности». Сохранение Индией независимого внешнеполитического курса позволяет балансировать между Китаем, США, Россией, ЕС, Японией и др. Внешнеполитические цели Индии нацелены на реализацию своих политических и экономических интересов, а также на укрепление своих позиций в «четырёхугольнике «Россия–Китай–США–Индия». В объявленных еще в 2013 году пяти принципах внешней политики Индии подчеркивается необходимость более глубокой интеграции Индии в мировую экономику и поддержания стабильных и долгосрочных отношений со всеми ключевыми игроками на международной арене, а также построение внешнеполитического курса не только на основе национальных интересов, но и ценностей. Во внешнеполитической стратегии Индии на XXI век подчеркивается, что Индия не должна быть втянута в противостояние между Китаем и США, так как это помешает не только ее экономическому развитию, но и ухудшит и без того сложные индийско-китайские отношения, а также отразится на региональной стабильности. При этих обстоятельствах в Центральной Азии Индия будет стремиться уравновешивать влияние других держав и не позволять им ущемлять ее интересы. Индия будет взаимодействовать в двустороннем формате и в рамках системы договоренностей с другими центрами силы в Центральноазиатском регионе во избежание нежелательного влияния и будет стремиться создать благоприятные условия для реализации своих интересов.

Во внешней политике Таджикистана Индия занимает важное место. Таджикистан связывает с Индией не только партнерство в рамках ШОС, но и географическая близость. С другой стороны, именно географическое положение двух государств, наличие природных барьеров и в связи с этим отсутствие регулярных коммуникаций, сложная геополитическая обстановка в буферной зоне мешают более интенсивному взаимодействию двух стран. Таджикистан и Индия расширяют сотрудничество в области безопасности, здравоохранения, образования, науки, фармацевтики, строительной промышленности, реконструкции коммуникаций, аэропорта Айни и др. Но имеется нереализованный потенциал в области информационно-коммуникационных технологий, ювелирной промышленности, в создании туристической инфраструктуры, в строительстве киногородка, создании филиала киноинститута и др.

Между тем, в условиях транзита власти в Афганистане на таджикско-афганском, узбекско-афганском и туркмено-афганском приграничье усиливаются военные угрозы безопасности новых государств, которые будут влиять на региональную стабильность и на реализацию национальных стратегий развития новых государств. Таджикистан, имеющий границу с Афганистаном протяженностью почти 1400 километров, исходя из понимания того, что он охраняет не только свою национальную безопасность, но и поддерживает стабильность геополитического пространства далеко за рамками своих границ, противодействуя распространению наркотиков, оружия, терроризма и экстремизма, незаконной миграции, постоянно призывает мировое сообщество к решению афганской проблемы. Афганский фактор серьезно влияет на осуществление многих экономических, коммуникационных и энергетических проектов постсоветских государств Центральной Азии. В этих условиях уровень сотрудничества с ведущими внешними акторами (Россией, Китаем и США) новых государств Центральной Азии зависит от степени вовлеченности их в интеграционные структуры на постсоветском пространстве (СНГ, ОДКБ, ЕАЭС) и ШОС, в рамках которых они имеют союзнические обязательства и партнерские отношения; или же уровень взаимодействия диктуют тактические интересы, связанные с решением актуальных проблем безопасности.

Сложная военно-политическая обстановка в Афганистане – одно из основных препятствий на пути реализации национальных стратегий развития и восстановления геополитической целостности региона, наиболее приоритетного совместного интереса центральноазиатских государств, связанного с обеспечением альтернативными и взаимодополняющими транспортными коммуникациями. В Центральноазиатском регионе в настоящее время реальны не только нетрадиционные вызовы и риски региональной стабильности, но и также актуализируются военные угрозы национальной безопасности. В этих условиях огромное значение приобретает сотрудничество России, Китая, Пакистана, Индии, Ирана, новых государств Центральной Азии не только по обеспечению стабильности в Афганистане, но и по налаживанию интеграционных процессов в регионе в целом. Было бы целесообразно для реализации национальных стратегий развития центральноазиатских государств и воплощения в жизнь насущных экономических проектов наладить сотрудничество ШОС с ЦАРЭС. Если наладить взаимодействие четырехугольника ШОС – ЦАРЭС – ЕАЭС – ОПОП, то мультипликативный эффект может быть более результативным. По опыту Индии, транспортные коридоры Центральной Азии необходимо трансформировать в коридоры развития – индустриальные, энергетические и т.д. Присоединение к ШОС Индии и Пакистана дополняет проект ОПОП вертикальным транспортным коридором Индийский океан – Центральная Азия.

Таджикистан в настоящее время нуждается во вторичной индустриализации, и ему необходимы высокие технологии, качественная рабочая сила, морские и сухопутные коммуникации, но главное – нужна долговременная стабильность для развития. На пути реализации конкретных проектов развития Таджикистана стоят афганский фактор и существующие в регионе этнополитические проблемы. Реализация предлагаемых таджикской стороной проектов (таких, как строительство железнодорожной ветки Туркменистан-Афганистан (Мазори Шариф) – Таджикистан, газопровода по данному маршруту, а также ускорение строительства энергетического проекта ЛЭП CASA-1000 и Рогун – Мазори-Шариф – Герат – Мешхед, которые могли бы соединить электрические сети Кыргызстана,

Таджикистана, Афганистана и Пакистана) стала бы серьезным шагом в сторону развития Северного Афганистана, способствовали бы укреплению регионального взаимодействия и обеспечению безопасности, однако современная геополитическая динамика Афганистана не содействует эффективной реализации вышеуказанных проектов.

В реализации национальных стратегий развития новых государств Центральной Азии важно участие всех государств ШОС, а также их сопряжение с ЕАЭС и ОПОП. Такие сетевые проекты, как связь, информационные технологии, укрепление банковской сферы, строительство коммуникаций и энергетических объектов, модернизация промышленности, сотрудничество в гуманитарной области, заложенные в стратегии реализации ОПОП, сопряжение китайской инициативы ОПОП с национальными стратегиями развития новых государств, с евразийскими интеграционными проектами, будут способствовать созданию еще одного экономически развитого центра в мире.

Общим трендом развития Центральной Азии начала 2019 года стала актуализация внутрирегиональной интеграции. В постсоветских государствах Центральной Азии заметно снизились угрозы внутренней дестабилизации, но на реализацию национальных интересов существенно влияют внешние угрозы и вызовы, особенно афганский фактор. Структурные изменения, происходящие в системе геополитических отношений Центральной Азии в 2018 – начале 2019 г., свидетельствуют о том, что регион вступает в новый этап своего развития – этап регионализации с определением приоритетов развития и корректировкой векторов внешнеполитического взаимодействия.

Литература

1. Индийская компания приступила к управлению портом Чабатар. URL: <http://casp-geo.ru/indijskaya-kompaniya-pristupila-k-upravleniyu-portom-chabahar/>
2. Кевин Риан. Что означает для России новая Стратегия национальной обороны США. URL: <http://go.carnegieendowment.org/HP0001y0Vykh5Vd0naP00fo>

3. Латифов Д.Л. Таджикистан в геополитических интересах ведущих держав в Центральной Азии // Россия и государства Центральной Азии: политические, экономические и гуманитарные аспекты евразийской интеграции: материалы Междунар. конф. – Душанбе, 2014. –С.109-110.
4. Майтдинова Г.М. Геополитическая динамика Центральной Азии: новые подходы и стратегические ориентиры. – Бишкек, 2018. –С.13.
5. Матвеев В.А. Роль России в решении проблемы стабилизации социально-экономического положения в центральноазиатском регионе // Мировые державы в Центральной Азии. –С.214. URL:<http://go.carnegieendowment.org/VhP7001oza0V000PndyyyV0> (дата обращения 3.04.2018).
6. Национальная стратегия развития Республики Таджикистан на период до 2030 года. URL: http://www.gki.tj/nsr2030_ru.pdf
7. Политика мировых держав в Центральной Азии и ее влияние на перспективы развития ШОС//Мировые державы в Центральной Азии. –М., 2011. –С.22-23; Майтдинова Г.М. Международное сотрудничество в Центральной Евразии по обеспечению региональной безопасности: противодействие новым угрозам, механизмы, векторы взаимодействия // Проблемы модернизации и безопасности государств Центральной Азии и Российской Федерации в новых геополитических реалиях: материалы Междунар. конф. (г.Душанбе, 9.11.2010 г.). – Душанбе, 2011. –С.221-222.
8. [Послание Президента Республики Таджикистан Маджлиси Оли Республики Таджикистан.](http://www.president.tj/ru/node/19089) 26.12.2018. URL: <http://www.president.tj/ru/node/19089>
9. Россия, Индия и Иран хотят создать альтернативу Суэцкому каналу. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1541050320>
10. Саидмуродов Л.Х. Стратегические ориентиры развития национальной экономики Таджикистана. URL: [http://www.irbis-nbu.gov.ua/cgi-bin/irbis_nbu/cgiirbis_64.exe?I21DBN=LINK&P21DBN=UJRN&Z21ID=&S21REF=10&S21CNR=20&S21STN=1&S21FMT=ASP_meta&C21COM=S&2_S21P03=FILA=&2_S21STR=Nvdau_2017_24\(3\)_6](http://www.irbis-nbu.gov.ua/cgi-bin/irbis_nbu/cgiirbis_64.exe?I21DBN=LINK&P21DBN=UJRN&Z21ID=&S21REF=10&S21CNR=20&S21STN=1&S21FMT=ASP_meta&C21COM=S&2_S21P03=FILA=&2_S21STR=Nvdau_2017_24(3)_6)

ВЛИЯНИЕ АФГАНСКОГО ФАКТОРА НА РЕАЛИЗАЦИЮ НАЦИОНАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ТАДЖИКИСТАНА

Майтдинова Гузель Майтдиновна

**Доктор исторических наук,
профессор кафедры Зарубежного регионоведения и внешней политики
Российско-Таджикский (Славянский) университет
директор Центра геополитических исследований РТСУ**

Генеральная Ассамблея ООН на пленарной сессии в конце июня 2018 года приняла резолюцию "Укрепление регионального и международного сотрудничества по обеспечению мира, стабильности и устойчивого развития в Центральноазиатском регионе". Это первый документ подобного рода, принятый ООН, в котором была зафиксирована консолидированная позиция постсоветских государств Центральной Азии по актуальным проблемам региона, начиная от вопросов, связанных с использованием воды, заканчивая потенциальными угрозами современности. Особое значение в резолюции придается совместным усилиям центральноазиатских государств, направленным на содействие мирному процессу и социально-экономическому развитию в Афганистане, учитывая влияние афганского фактора на реализацию стратегических планов новых государств.

Основу для активизации регионального сотрудничества создают общие интересы, такие как борьба с террористическими сетями, организованной преступностью и с наркоторговлей, а также общая заинтересованность в развитии Афганистана.

В условиях геополитической трансформации региона существуют тенденции к укреплению интеграционных процессов на постсоветском пространстве (СНГ, ОДКБ, ЕАЭС) с учетом исторических традиционных связей. С другой стороны, появляются новые форматы взаимодействия – возник форум «Душанбинская четверка» (Таджикистан, Россия, Афганистан, Пакистан) для реализации стратегических национальных интересов участников в области эко-

номики, энергетики, коммуникаций. «Душанбинская четверка» может расширяться за счет Индии и Китая и превратиться в «шестерку», учитывая совпадение стратегических задач заинтересованных сторон. Форматы моделей интеграции и коммуникационных стратегий государств ШОС выходят далеко за пределы традиционного постсоветского пространства, способствуя ускорению интеграционных процессов двух регионов – Южной и Центральной Азии. В этом процессе роль Таджикистана как транзитного государства должна усилиться.

В свете нарастания военных и нетрадиционных угроз региональной безопасности, исходящих из Афганистана, активизировалась превентивная деятельность ОДКБ в зоне своей ответственности. ОДКБ усилила свою деятельность в афганском векторе, учитывая, что организация является единственным наднациональным фактором обеспечения суверенитета, безопасности, территориальной целостности его участников на евразийском пространстве. В рамках ОДКБ уже сейчас наращиваются совместные усилия по противодействию новым вызовам и угрозам коллективной безопасности. Всё более укрепляется таджикско-афганская граница. Белоруссия, Армения, Россия, Казахстан оказывают техническую помощь по укреплению границы. Усиливается военная (силовая) составляющая ОДКБ, куда входят сформированные на коалиционной основе Коллективные силы оперативного реагирования и Миротворческие силы, а также региональные группировки сил и средств коллективной безопасности, в том числе и КСБР ЦАР. Активно развивается взаимодействие специальных подразделений в целях пресечения преступлений в сфере современных информационных технологий. В рамках системных шагов ОДКБ по противодействию незаконной миграции и торговле людьми проводятся скоординированные оперативно-профилактические мероприятия и специальные операции по противодействию незаконной миграции. Проводятся мероприятия ОДКБ по противодействию вызовам и угрозам, исходящим с территории Афганистана, которые предусматривают практические меры по формированию "поясов" антинаркотической и финансовой безопасности вокруг Афганистана, привлечение представителей правоохранительных органов ИРА к участию в анти-

наркотической операции "Канал", подготовку кадров для афганских антинаркотических структур. В Таджикистане в Высшем офицерском колледже, созданном ОБСЕ, совместную подготовку получают офицеры афганских и таджикских погранслужб. Создана диалоговая площадка для обмена мнениями по проблемам региональной безопасности между ЕАЭС, ОДКБ, СНГ и ШОС, что позволяет координировать усилия между региональными организациями для поддержания стабильности государств Евразии.

В этой геополитической ситуации снизилась практическая роль ШОС в региональных процессах, хотя роль ШОС в изменяющихся геополитических условиях должна усиливаться. В настоящее время практически все государства-члены ШОС и государства ЕАЭС ищут пути возможного сопряжения с концепцией «Один пояс – один путь». Реализация проектов ОПОП на пространстве ШОС будет способствовать модернизации государств и взаимовыгодному сотрудничеству в широком ареале. Для соразвития новых государств важны проекты экономического развития стран Центральной Азии. Возможно, для реализации геоконцепции ЭПНШП необходимы создание совместных Стратегических программ реализации китайского геопроекта в государствах Центральной Азии, разработка механизмов реализации планируемых задач. Таджикистан одним из первых приступил к созданию программы реализации ОПОП. Эксперты полагают, что одним из основных направлений экономического сотрудничества должна стать проектная деятельность в сфере транспорта, промышленности, новых технологий, сельского хозяйства. Еще одним важным направлением деятельности является поддержка инновационных проектов, в которых заинтересованы национальные экономики государств ШОС, совместная разработка технологий и их коммерческая реализация на рынках стран ШОС и за их пределами, а также создания транснациональных корпораций базирования ШОС [3].

Недавно принятая американская Стратегия 2018 года объявляет главной проблемой национальной безопасности «межгосударственную стратегическую конкуренцию, а не терроризм» и говорит о «долгосрочной стратегической конкуренции» между Соединенными Штатами и их главными противниками – Россией и Китаем.

Эта политика совпадает с позицией Стратегии национальной безопасности и подкрепляется другими ключевыми стратегическими документами США [2]. Эти обстоятельства заставляют Китай и Россию более тесно укрепить сотрудничество.

Один из водоразделов «стратегической конкуренции» США, Китая и России проходит в Афганистане, где внутривосточная обстановка все еще остается сложной. В этой конкурентной борьбе присутствует Индия, Пакистан, Иран, Саудовская Аравия и др. За каждым из этих акторов здесь стоят геополитические партнеры. В начале 2018 года в Афганистан стягиваются боевики ИГИЛ с Ближнего Востока, с другой стороны создаются новые бандформирования из различных этнических групп, все чаще возникают боестолкновения между Талибан и боевиками ИГИЛ, переход новой стратегии Аль-Каиды к террористической активности в информационном пространстве. Геополитическая «конкуренция» стратегических соперников на Ближнем Востоке будет влиять непосредственно на процессы в Центральной Азии, например через афганский фактор. Между тем, среди основных задач политики России на афганском направлении остается борьба с наркотрафиком и трансграничной преступностью. Это побуждает руководство России проявлять инициативу в вопросе формирования многостороннего режима противодействия угрозам, исходящим из Афганистана. По вопросу о перспективах усиления «талибанизации» ситуации в Афганистане российское руководство проявляет сдержанность. Россия не только не готова использовать силу, чтобы воспрепятствовать талибам, но и не торопится осуждать перспективу их возможного возвращения к власти. Задачи России в Афганистане – способствовать усилению пророссийских сил на севере и северо-востоке страны, использовать потенциал сотрудничества с государствами ШОС и ОДКБ по противодействию экстремистам, избегать военного вовлечения в урегулирование ситуации и продолжить поиск путей равноправного сотрудничества НАТО и ОДКБ [6]. Знаковым событием 2018 г является налаживание диалога Китая, России, Ирана, Пакистана по проблемам региональной безопасности и стабилизации Афганистана, исходя из понимания того, что ста-

бильность Пакистана и Афганистана – путь к стабильности не только в Центральной Азии, но и во всей Евразии.

Между тем, у южных рубежей постсоветской Азии, на таджикско-афганской, узбекско-афганской и туркменско-афганской границах, усиливаются военные угрозы безопасности новым государствам, что отражается на темпах реализации национальных стратегий и совместных проектов с партнерами. Наиболее тревожной тенденцией в 2018 г. является транзит членов террористической организации ИГИЛ (запрещенной в РФ) из Ирака и Сирии в Афганистан. Современные геополитические тенденции указывают на эскалацию военной напряженности в трансграничном Амударьинском регионе (на прилегающих к Таджикистану территориях) и возможности создания здесь военного плацдарма для последующего ведения военных операций. Для США владение стратегическими преимуществами в Афганистане – в центре Центральной Азии важно для сдерживания трех центров силы (Ирана, Китая и России), противодействия расширению не контролируемых ими интеграционных процессов – ШОС, ОДКБ, ЕАЭС и ограничения реализации геоконцепции Экономический пояс Нового Шелкового пути. Очевидно, здесь реализуется стратегический план по установлению всеобъемлющего контроля над Центральноазиатским регионом.

Осуществление возможных силовых сценариев в Центральной Азии будет создавать прямые угрозы реализации национальных стратегий и безопасности всех постсоветских государств Центральной Азии. В этих условиях важны консолидированные усилия заинтересованных в центральноазиатской стабильности государств в рамках глобальной и региональных организаций, а также реальное укрепление интеграционных процессов.

Развитие внутрирегионального политического, экономического и гуманитарного взаимодействия Таджикистана, Узбекистана, Кыргызстана, Казахстана, Туркменистана, сотрудничество в рамках ШОС, ОДКБ, СНГ, ЕАЭС, ОИС и др., сотрудничество с внерегиональными акторами в двустороннем и многостороннем форматах, эффективная реализация национальных стратегий развития, усиление гуманитарного сотрудничества дадут возможность Централь-

ноазиатскому региону в стратегическом будущем стать одним из полюсов мирового развития.

Между тем, в настоящее время в Афганистане укрепляются позиции США. В соответствии с американо-афганским соглашением о сотрудничестве в сфере безопасности, заключенным в рамках американской концепции "разворота к Азии", США и их натовские партнеры получили возможность установить свое военное присутствие в Афганистане в стратегически важных точках. Девять американских баз будут контролировать западную границу Китая, Пакистана, Ирана, а также Туркменистана, Узбекистана и Таджикистана. Недавно президент США Трамп объявил о новой американской стратегии в Афганистане. Главная идея афганской стратегии Трампа – силой принудить «Талибан» к переговорам. План Трампа предусматривает увеличение не только численности американских военных в Афганистане, но и количества инструкторов по подготовке бойцов афганского спецназа. Согласно заявлениям представителей Минобороны Афганистана, в ближайшие три-четыре года национальный корпус «коммандос» при поддержке инструкторов США и НАТО будет увеличен до 35 тыс. человек. С таким количеством подготовленных бойцов и при мощной воздушной поддержке США рассчитывают на принуждение лидеров боевиков к переговорам. О конечных сроках операции США не объявляют. США заявили о готовности вступить в переговоры с «Талибаном» без предварительных условий. Это означает, что Вашингтон, а значит и официальный Кабул уже не будут требовать от Талибан непрямого признания нынешней Конституции страны, к которой у талибов есть немало претензий. Учитывая заявление Трампа об отказе Америки заниматься дальнейшим экспортом демократии, это похоже на готовность американцев пойти на уступки «Талибану» в вопросе о новом основном законе страны и в принципах организации государственно-политической системы Афганистана. И этот вопрос вполне может стать основой будущих мирных переговоров [1]. Причины реализации планов долговременного пребывания США в Афганистане связаны не только с геополитическими задачами контроля над стратегически важным регионом, но и с сугубо прагматичными ресурсными интересами. Афганистан богат

нефтью, природным газом, железом, медью, золотом, кобальтом, литием, другими металлами – стратегическим сырьем для высокотехнологичного производства. Здесь имеются большие залежи лития, ставшего ресурсом номер один в начавшейся гонке производителей электромобилей. Литий – это теперь важнейший элемент в развитии новейших технологий. Производство алюминия, ракетного топлива, лазерных материалов с КПД до 80 процентов, сплавов, используемых в космонавтике, в военной технике, металлургии и в перспективе в термоядерной энергетике. Кроме того, литий используется в электронике, медицине, в производстве особо прочного стекла и фарфора. Чтобы оградить богатейшие ресурсы от конкурентов, США ввели в Афганистан больше военных, чем в любую другую зону военных конфликтов [4].

В 2005 и 2006 гг. профессор Ф.Старр сформулировал концепцию «Большой Центральной Азии» и «Нового Шелкового пути», которые были поддержаны администрацией США. Эти концепции предлагают рассматривать пять постсоветских центральноазиатских государств, а также Афганистан, Иран, Пакистан и Индию в качестве единого региона, создать единую транспортную и торговую инфраструктуру в обозначенном большом регионе, ключевым звеном которой должен стать Афганистан. В концепции Нового Шелкового пути заложена идея интеграции Центральной и Южной Азии через создание энергетических рынков региона, торговых и транспортных коммуникаций, улучшение работы таможенной и пограничной служб, интенсификацию взаимодействия в области экономики и культуры, установление связей между населением и представителями бизнеса. Помимо инфраструктуры, инициатива «Новый шелковый путь» стремится содействовать повышению региональной экономической интеграции посредством связей между народами.

В предыдущее десятилетие в США доминировала линия на превращение Афганистана в сильное централизованное государство с постоянным американским военным контингентом. Сильный централизованный Афганистан с неизменным американским присутствием должен был кардинально поменять геополитическую расстановку сил в регионе: ослабить Пакистан и Иран, открыть новые

экономические возможности для государств Центральной Азии и стать ядром центральноазиатской интеграции [5]. Между тем, Стратегия национальной обороны 2018 г. обозначила задачи, в силу которых США в обозримом будущем сохраняют военное присутствие в Центральной Азии, на Ближнем Востоке и в Северо-Восточной Азии, и в этой связи планируют закрепить достигнутое в Ираке и Афганистане [2]. Однако обострение сирийской проблемы и острая стадия «конкурентной» борьбы на Ближнем Востоке, видимо, будут серьёзно влиять на геополитическую обстановку Центральной Азии в ближайшем будущем.

Итак:

1. Геополитические процессы, связанные с ближневосточными проблемами и афганским фактором непосредственно влияют на реализацию национальных интересов постсоветских государств Центральной Азии. У южных рубежей постсоветской Азии, на таджикско-афганской, узбекско-афганской и туркменско-афганской границах усиливаются военные угрозы безопасности новым государствам. Наиболее тревожной тенденцией в начале 2019 г. все еще является транзит членов террористической организации ИГИЛ (запрещенной в РФ) из Ирака и Сирии в Афганистан. В начале 2019 г. террористические организации «Талибан» и Исламское государство (ИГ, запрещенное в РФ) меняют тактику и векторы террористической активности. Характерной тенденцией их террористической деятельности в большей мере становится внутриконтинентальная антисуннитская направленность, что является вызовом для новых государств, обладающих большей частью суннитским населением. Современные геополитические тенденции указывают на эскалацию военной напряженности в трансграничном Амударьинском регионе (на прилегающих к Таджикистану территориях) и возможности создания здесь военного плацдарма для последующего ведения военных операций.

2. Реализация национальной стратегии развития Таджикистана будет во многом зависеть не только от внутренних факторов в стране. На пути осуществления конкретных проектов развития Таджикистана в южном векторе геополитики страны проблему создаст сложный афганский фактор. Претворение в жизнь предлагаемых

таджикской стороной проектов (таких как строительство железнодорожной ветки Туркменистан – Афганистан (Мазори Шариф) – Таджикистан, газопровода по данному маршруту, а также ускорение строительства энергетического проекта ЛЭП CASA-1000 и Рогун – Мазори-Шариф – Герат – Мешхед, которые могли бы соединить электрические сети Кыргызстана, Таджикистана, Афганистана и Пакистана), серьезно содействовали бы развитию Северного Афганистана.

3. Транзит власти в Афганистане и усиление внутриафганского конфликтного потенциала будут заметно сказываться на темпах таджикско-афганского сотрудничества. Реализация возможных силовых сценариев в трансграничном Амударьинском регионе будет создавать прямые угрозы исполнению национальных стратегий и обеспечению безопасности всех постсоветских государств Центральной Азии. В этих условиях важны консолидированные усилия заинтересованных в центральноазиатской стабильности государств в рамках глобальной и региональных организаций (особенно ОДКБ в афганском направлении), усиление роли контактной группы Афганистан-ШОС, общественной дипломатии, а также реальное укрепление интеграционных процессов в Центральноазиатском регионе.

К настоящему моменту начата реализация американской оборонной доктрины. «Стратегическая конкуренция» США–России–Китая будет конкуренцией стратегий, здесь будет усиливаться информационная война между конкурентами, в острой фазе конкуренты могут использовать политику устрашения, но самым главным в этом противоборстве будет борьба за общественное мнение. В настоящее время идет конкурентная борьба за формирование будущих политических элит центральноазиатских государств. В борьбе нового поколения главным оружием будут аналитики, эксперты, специальная армия кибервоинов, подготовленных для ведения информационных войн. В этой войне умов объектом будет психология людей, воздействие на нее для формирования необходимого сознания, нужного для заказчика общественного мнения. Готов ли Таджикистан к противодействию информационной войне?

Литература

1. Афганский камбэк: почему новая стратегия США не нравится Москве и Пекину // [ИА "Азия Плюс"](#). URL: [news.tj](#) (дата обращения: 01.09.2017).
2. Кевин Риан. Что означает для России новая Стратегия национальной обороны США. URL: <http://go.carnegieendowment.org/HP0001y0Vykh5Vd0naP00fo>
3. Комиссина И.Н. Размышления после саммита ШОС: новые реалии, новые перспективы // Проблемы национальной стратегии. – 1916. – №1. – С.76-79.
4. Пустовойтова Е. Откуда растут ноги новой стратегии Трампа в Афганистане. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1503867780>
5. Сафранчук И.А. США в Афганистане: официальная линия и альтернативные варианты // Большая игра: политика, бизнес, безопасность в Центральной Азии. – 2014. – №01(34). – С.12-14.
6. Сушенцов А.А. Формирование международного режима противодействия угрозам, исходящим из Афганистана // Ситуационные анализы. Формирование режимов в отношении новых глобальных вызовов и угроз. – М., 2013. – С.132.

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА АФГАНИСТАНА В КОНТЕКСТЕ БЕЗОПАСНОСТИ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОГО РЕГИОНА

Дубовицкий Виктор Васильевич

**Доктор исторических наук,
заведующий отделом истории науки и техники
Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша
АН Республики Таджикистан**

Вопросы безопасности для стран Среднего Востока [1], в который входят и бывшие среднеазиатские республики СССР, приобрели особую остроту с момента развала Советского Союза. Особую актуальность они имеют с момента начала турбулентных процессов в арабском мире (так называемая «арабская весна»), приведших к смене политических режимов и развалу некоторых государств, а также провала операции «Несокрушимая свобода» и вывода из Афганистана в 2014г. основной части войск НАТО.

Обострение внутривосточной ситуации в Афганистане, наблюдаемое последние пять лет, делает необходимым рассмотрение вопросов *стратегической культуры* этой страны, что во многом способно прояснить будущее развитие ситуации в регионе.

Считается, что роль и эффективность военной силы в межгосударственных политических отношениях описываются в концепции стратегической культуры (СК), охватывающей не только военные вопросы, но и финансово-экономическую, административно-политическую и культурно-мировоззренческую сферы жизни государства.

По определению академика РАН А.А.Кокошина, «стратегическая культура выражается в особом, присущем данной стране и ее народу характере поведения вооруженных сил, в способах использования военной силы. СК представляет собой совокупность стереотипов устойчивого поведения соответствующего субъекта при масштабном по своим политическим задачам и военным целям

применении военной силы, в том числе при подготовке, принятии и реализации стратегических решений» [2].

СК является атрибутом не только ВС или даже государственной машины, а всего народа в целом. Это долговременный, весьма инерционный социо-психологический феномен, который часто сохраняется почти в неизменном виде при смене военно-политического руководства, политических систем и политических режимов.

Вместе с тем при определенных условиях вполне возможны радикальные изменения стратегической культуры государства в течение относительно небольшого временного интервала. Импульс таким изменениям могут придать драматические события с травмирующими последствиями, такие как революции, поражение в войне, глубокие экономические и политические кризисы и т.д., то есть события, вызывающие у народа глубокий психологический стресс, запускающие процесс изменения социальной парадигмы, предполагающие поиски компромиссов между разными группами, формирующими новые политико-культурные ориентации. В истории Афганистана последние сорок лет таких факторов было более чем достаточно: ввод в 1979г. советских войск, приведший к длительной и опустошительной войне; гражданская война 1996-2001гг.; военное вторжение США и стран НАТО в 2001г., в «усеченном виде» продолжающееся до сих пор.

Анализ формирования афганской СК должен строиться на историческом и национально-психологическом аспектах. Исторический аспект подразумевает оценку поведения государства в прошлом, что формирует основу для анализа и прогноза современных и будущих возможностей и стратегий поведения на международной сцене. Национально-психологический аспект требует углубленного изучения представлений государств и народа о самих себе как суммы стереотипов, предполагающих предрасположенность к определенному типу поведения в политике и военном деле.

Во-первых, следует отметить, что для формирования СК Афганистана, вооруженные силы которого исторически никогда не обладали высокотехнологическими видами вооружения, а следовательно, не ориентировались на применение передовых форм воен-

ной стратегии, решающее значение имела и имеет культурно-мировоззренческая сфера.

Формированию СК пуштунского государства решающее значение придало создание империи Дуррани. Обращает на себя внимание тот факт, что экспансия пуштунского государства, созданного в 1748г Ахмадшахом Дуррани, была спорадической и происходила на ограниченной территории вследствие соседства с сильными державами (Персия, Великобритания (Британская Индия), Российская империя) и фактически завершилась в период правления Абдурхмахана, т.е. в 1892 г., с изгнанием афганских войск из Горного Бадахшана [3]. Именно с этого времени границы Афганистана приобрели контуры, знакомые нам на современной карте.

Вместе с тем, в период с 1839г. вплоть настоящего времени афганцы вели оборонительные войны против внешнего противника, вторгшегося на их территорию: три англо-афганских войны; боевые действия против советских войск (1979-1989гг.); боевые действия с войсками стран НАТО (с 2001-по н.в.). Одновременно нужно рассматривать два последних конфликта как параллельные гражданские войны. Еще одной гражданской войной можно считать движение Бача Исакао в 1928-1929 гг.

Эти факты заставляют прийти к мнению, что СК пуштунов, связанная в начале их государственной истории с экспансией, под воздействием названных факторов, вызвавших у народа глубокий психологический стресс, запустили процесс изменения социальной парадигмы, сформировавшей новые политико-культурные ориентации. Они связаны с обороной территории собственного государства, отстаиванием его национального суверенитета, что, впрочем, не исключает, в принципе, территориальной экспансии (создание «Пуштунистана»).

Одновременно на формирование СК Афганистана оказывает сильное влияние политизированный ислам. С периода ввода в ДРА советских войски до настоящего времени на территории Афганистана находят приют многочисленные исламистские группировки, политические программы которых выходят далеко за пределы национальных пуштунских интересов. Ярким примером тому является Аль-Каида, борьба с которой формально привела к началу

операции «Несокрушимая свобода» и вторжению войск НАТО. «Пуштунское гостеприимство», несмотря на ультиматум США, не позволило правительству «Исламских эмиратов Афганистана» осенью 2001г. изгнать эту организацию с территории страны, и Афганистан получил новую, самую длительную в своей истории войну с Западом.

С 2014г. мы можем наблюдать создание в ИРА структуры ИГИЛ («Вилоят Хорасан»). В этом факте обращает на себя внимание не столько численность военных формирований этой организации [4], сколько их национальный состав. Значительная часть из них состоит из выходцев из бывшего СССР, в частности стран Средней Азии, с которыми граничит Афганистан. В «сплаве» с политической программой ИГИЛ по созданию всемирного халифата этот факт является серьезным вызовом как для стран региона, так и для России и Китая.

Как можно характеризовать современную афганскую стратегическую культуру? Принципиально важной является особенность афганской СК, которая на протяжении многих веков предусматривала использование вооруженных сил внутри страны вначале исключительно для борьбы с сухопутными силами противника, а с 1919г. – и с военно-воздушными силами. Характерной особенностью СК Афганистана является применение тактики партизанской войны в горно-пустынной местности часто с опорой на тайные базы в пограничных государствах (Пакистан и Иран). Все это ведет к ограниченному использованию тяжелого вооружения и техники и резко увеличивает роль стрелкового и саперного вооружения, мобильных средств связи и разведки. Возрастает также роль физической подготовки военнослужащих, способных вести боевые действия в горно-пустынной местности в условиях длительного отрыва от баз снабжения.

Стратегическая культура пуштунов ориентирована на сохранение независимости государства и неприятие вмешательства в любой внутренний конфликт иностранных войск, даже приглашенных в качестве союзников одной из сторон внутреннего конфликта (как это было в 1979-1989гг с СССР и в 2001 г. по настоящее время с США и НАТО).

Но это касается пуштунов. Другие народы Афганистана не воспринимают такой подход в период войны против иностранного присутствия вплоть до 2001г., когда уровень национального самосознания таджиков, узбеков, хазарейцев и других этносов Афганистана, выросший в период 1979-1989 гг., не позволил им напрямую поддержать США и НАТО в борьбе с Талибаном – по сути дела национальным пуштунским движением. Афганская национальная армия (АНА), сформированная после октября 2001г., по сути дела, не является носителем национальной СК, являясь всего лишь вспомогательным полицейским формированием НАТО. Именно этим и объясняется успешная борьба с ней со стороны движения Талибан, такой культурой обладающего.

Таким образом, говоря об афганском СК как факторе безопасности для ЦАР, можно прийти к выводу, что, не будучи ориентирована на агрессию вне страны, она допускает размещение на своей территории военно-политических организаций разного уровня, как Аль-Каида и ИГИЛ, имеющих вполне конкретные региональные и даже глобальные экспансионистские интересы за пределами Афганистана. Это связано как с идеологией названных организаций, ориентированных на создание халифата в целях превращения планеты в «ахль-иль ислам» (Мир ислама), так и с интернациональным составом этих организаций, не «завязанных» на проблемы передела власти внутри Афганистана.

Обращает на себя внимание, что в составе воинских формирований ИГИЛ на территории Афганистана все более преобладают выходцы из стран Средней Азии и Синьцзяна, непосредственно граничащих с ИГА, имеющих вполне конкретные планы на смену власти на своей родине. По данным правоохранительных органов Таджикистана, в настоящее время (на конец 2018г.) в составе ИГИЛ воевало свыше 1000 граждан РТ. Даже с учетом гибели части из них во время боевых действий в Сирии и Ираке и перехода на нелегальное положение в этих и других арабских странах, значительная часть боевиков – «центральноазиатов» стремится перебраться ближе к границам своих государств, т.е. в Афганистан. По нашим подсчетам, в настоящее время именно они составляют большую часть

из воинских формирований ИГИЛ в северных провинциях ИРА, что создает реальную опасность для государств региона.

Литература

1. Автор пользуется понятием Средний Восток, введенное в российскую геополитику в интерпретации А.Е. Снесарева. См. Снесарев А.Е. Афганистан. – М., 1921. («С политической точки зрения, нужно разуметь под ним, во-первых, Индию, во-вторых, кольцо тех государств, маленьких, несильных, небогатых, которые окружают Индию (это Белуджистан, Афганистан, налегающий над Индией в виде четырехугольника, Памир, Кашгария и затем Тибет); наконец, в-третьих, нужно еще включить лежащий к северу русский Туркестан, который в отношении возможности наступления или угрозы Индии рассматривается англичанами как база»).
2. Цит. по Бартош А. Поединок стратегических культур. Гибридная война превращается в важный элемент международных отношений // Независимое военное обозрение. – 2019. – 08 фев.
3. 12 июня 1892г. в результате столкновения с русскими войсками на Восточном Памире, афганские оккупационные части были вынуждены покинуть территорию Памира и Горного Бадахшана, захваченного ими в 1882г.
4. Численность военных формирований движения Талибан на конец 2018г. оценивалась в 50 тыс. человек. Численность формирований ИГИЛ в Северном Афганистане – 2000-2200 чел. при мобилизационном ресурсе до 3800-4000. (См. Князев А.А. Среднеазиатское радикальное подполье пока не проснулось // Независимая газета. Дипкурьер. – 2018г. – 14 окт.; он же. Талибан берет верх в Афганистане. Конкуренция на рынке террористических услуг пока не грозит выйти за пределы Афганистана // Независимая газет. Дипкурьер. – 2018г. – 15 янв.

НЕОБХОДИМОСТЬ РЕГИОНАЛЬНОГО ДОГОВОРА (СОЮЗА) И СОВМЕСТНОГО МЕЖГОСУДАРСТВЕННОГО КОМПЛЕКСНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ КАК ВАЖНЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ СТРАТЕГИЧЕ- СКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Валамат-Заде Тимур Гафарович

**Заслуженный энергетик СНГ,
эксперт по водным и энергетическим вопросам Центральной Азии**

В Центральной Азии многие годы работают различные интеграционные проекты: СНГ, ЕврАзЭС, Международный Фонд Спасения Арала, ОДКБ, Объединённая электроэнергосистема Средней Азии и России, ВТО и новая организация ЕАЭС. Эти организации во многом способствовали нахождению общих решений, которые были жизненно необходимы в переходный период становления независимых государств Средней Азии, но, как показала многолетняя практика, любое сотрудничество в каком-нибудь отдельном или нескольких секторах экономики, не приводит к существенным сдвигам в межгосударственных экономических отношениях в масштабах региона, а только нивелирует нарастающие проблемы.

Состояние государств ЦА, несмотря на различие в экономическом потенциале, не может удовлетворять современным требованиям, предъявляемым к государствам, в связи с наступившей четвёртой технической революцией, т.к. они в основном остаются поставщиками сырья или слабо переработанной продукции, дешёвой, абсолютно незащищённой рабочей силы и каждая из них имеет очень маленький внутренний рынок, что делает неконкурентным любое индустриальное развитие в условиях нарастания конкуренции со странами-гигантами.

Низкая дополнительно прибавленная стоимость в выпускаемой продукции и недостаточная развитость промышленности ЦА приводят к отсутствию рабочих мест с приемлемым заработком, что, в свою очередь, снижает покупательную способность населения, а это сдерживает развитие экономики в целом.

Вместе с тем Центральная Азия находится в непосредственной близости от четырёх крупнейших, быстроразвивающихся государств мира, обладателей ядерного оружия. С одной стороны – все эти государства нуждаются в сырье, а некоторые и в дешёвой рабочей силе, с другой – отсутствие интегрированной политико-экономической позиции государств ЦА ставит их чаще в положение просителя, а не партнёра, т.к. все развитые государства обладают большими внутренними рынками сбыта и, опираясь на него, борются за внешние рынки сбыта, что способствует их промышленному и техническому развитию, а также доминированию в военной сфере.

Существующий уровень взаимоотношений государств Центральной Азии, количество населения в каждом отдельно взятом государстве не позволяют им занять устойчивые позиции в экономике и промышленности (кроме производства и первичной обработке сырья). В регионе нет ни одного предприятия или объединений, выпускающих заводы, локомотивы, самолёты, оборудование для электростанций ТЭЦ, ГЭС, крупных насосных станций и др.

Естественная жесткая конкуренция сбыта высокотехнологичной и иной продукции на внешних рынках, слегка прикрытая различными договорами и соглашениями, пресекает и будет препятствовать попыткам неразвитых государств создавать свою современную технологию и регулировать поставку сырьевых товаров, сбивая цены, при отсутствии опоры на значительный внутренний рынок.

Это неизбежно ведёт к потере своего внутреннего рынка, установлению внешнего контроля над природными ресурсами, экономикой и населением многих стран.

Жизненная необходимость государств ЦА в современном, рациональном, эффективном, взаимовыгодном совместном использовании водных, энергетических, сырьевых и людских ресурсов очевидна. Точно так же, как индустриализация и техническое развитие региона, которые требуют всестороннего скоординированного подхода к вопросам промышленного, сельскохозяйственного, научно-образовательного, проектно-конструкторского, экологического и экономического развития.

В соответствии с новыми мировыми тенденциями научного и технологического развития мира, на фоне нарастающей мировой политической и экономической нестабильности задержка или отсутствие интеграционных тенденций ЦА, несомненно, приведут в окончательном варианте к отсталости, зависимости, нищете мышления и бытия.

Попытки отдельных государств региона заключать те или иные соглашения или договора между собой и вне несомненно положительны. Но в долгосрочном стратегическом видении не смогут защитить экономические интересы народов ЦА, так как в настоящий момент эти государства являются объектами борьбы за доминирующую позицию между конкурирующими и преследующими свои цели и интересы, региональными и транс- региональными силами.

В данном регионе теоретически может происходить борьба интересов держав, как региональных, так и трансрегиональных: России, Ирана, Турции, Индии, Пакистана, США, ЕС, КНР.

Согласно Хэлфорду Макиндеру, разработавшему в 1904 году теорию Хартлэнда (Heartland), центральный район евразийского континента, не используемый для судоходных целей, представляет собой важную крепость на суше. Государства Центральной Азии, получившие независимость, к моменту возобновления внимания теоретиков на мнение Макиндера, составляли одно из звеньев Советского Союза. Трактую стратегическое значение данного региона, последователи Макиндера были убеждены, что доступ к нему может обеспечить контроль над мировой сушей в целом. Именно по этой причине они считали СССР «кандидатом в мировые державы».

Другая теория, известная как теория границ, или Римланд (Rimland), разработанная в период после Второй мировой войны *Николасом Спайкманом*, главным образом, делает акцент на ключевом значении военно-морских сил, подчеркивая при этом геополитическую важность Центральноазиатского региона ввиду наличия в нём уникальной возможности объединения морской и сухопутной сил.

По теории Сикорского, в случае развертывания полномасштабной мировой войны её судьба может быть определена исключи-

тельно «регионом принятия решений», каковым, по мнению теоретика, является именно Центральная Азия.

А в разработанной Самуэлем Хантингтоном теории столкновения цивилизаций и восстановления мирового порядка цивилизация и культурная самобытность, выражая достижения человечества, являются высшим уровнем ее классификации. Конфронтация цивилизаций, происходящая на уровне линий разрыва, будет способствовать формированию как ее доминирующей позиции в мировой политике, так и последней стадии развития конфликтов нового тысячелетия. Северные, северо-западные и восточные границы Центральноазиатского региона в теории Хантингтона выступают в качестве одной из линий разрыва цивилизаций, представляя ортодоксальные христианские группы цивилизаций на северо-западе, буддийские – на востоке и конфуцианские – на юго-востоке. Так, с точки зрения взаимосвязи с другими цивилизациями в периферийных районах исламского мира, Центральная Азия является уникальным и единственным в своем роде регионом.

После распада Советского Союза стратегическая позиция эллипса Джеффри Кэмпна нашла особое применение в мировой политической литературе, что мотивировалось актуализацией геоэкономических (нефтегазовых) проблем. По мнению Кэмпна, около 70% из подтвержденных запасов нефти, а также более 40% из ресурсов природного газа мирового масштаба находятся в регионе, имеющем форму эллипса и растянувшегося от южной части России и Казахстана до Саудовской Аравии и Объединенных Арабских Эмиратов.

Фактически, энергетическая стратегия «эллипса», включая солидные нефтегазовые ресурсы Персидского залива, в частности крупнейшее в мире месторождение природного газа (Южный Парс и Северный Гунбад), составляющее 19% от общего объема мировых запасов газа, распространяется до Каспийского моря, который после регионов Персидского залива и Сибири, считается одним из важнейших месторождений энергетических ресурсов в мире. Далее «эллипс» включает западные границы Центральной Азии, а также территорию трех государств региона – Туркменистана, Узбекистана и Казахстана.

Значение вышеуказанной теории объясняется тем, что, исходя из геоэкономических интересов, энергетические ресурсы, содержащиеся в центральной части Евразии, представляют собой ценные источники сырья как для восточных, так и для западных стран. Наряду с этим, наличие данных ресурсов должно способствовать расширению импорта энергии, спрос к которой за последний период не только не уменьшился, но более того – увеличился с учетом накопления капитала и роста потребления, что неизбежным образом повлекло рост поставок.

Согласно подтвержденным данным, общий объем запасов нефти в странах Центральной Азии достигает 15-31 млрд. баррелей, а общий объем запасов природного газа – 230-360 триллионов кубических метров, что составляет около 7,2% мировых ресурсов нефти и 7% ресурсов газа. С другой стороны, с учетом динамичного роста мировой экономики, возрастает потребность в углеводородных энергетических источниках. Согласно мировой статистике, норма расхода природного газа, достигшая 95 миллиардов кубических метров в 2003 году, возрастет до 182 миллиардов кубических метров к 2030 году. Ввиду укрепления тенденции экономического роста, наблюдаемого в развивающихся странах, и их потребности в энергоресурсах регион Центральной Азии и его энергетический потенциал следует оценивать как одну из ключевых точек опоры в решении энергетического вопроса [2]. Всё это, не считая даже значительного гидроэнергетического потенциала и солнечного в ЦА. Поэтому убаюкивающая мирная жизнь ЦА на фоне полыхающей войны в Афганистане не должна создавать иллюзию устойчивости в регионе.

Интеграция государств ЦА позволит стабилизировать и, возможно, защитить относительно небольшие народы и государства региона от катастрофической возможности стать районом выяснения отношений крупных региональных игроков, потери суверенитета, национального языка, культуры и создаст каждому государству-участнику максимальные условия для его развития в современном мире. Для этого в ЦА есть все возможности.

Территория государств региона ЦА приблизительно составляет 4 653 тыс. кв.км [3], население 118 млн. человек [4]. Причём дина-

мика роста населения показывает, что в ближайшие 15 лет оно превысит 150 миллионов человек.

Наличие образованного и трудолюбивого населения, навыков и возможностей для развития сельского хозяйства, всех видов энерго-ресурсов и месторождений полезных ископаемых для развития промышленности, в случае разумной политической и экономической защищённости общего регионального рынка ЦА, открывает огромные возможности для развития промышленности и сельского хозяйства региона, достойного трудоустройства населения.

Основы экономического сотрудничества в рамках постсоветской ЦА были заложены в 1993 году, когда Казахстан, Кыргызстан и Узбекистан подписали Договор о создании экономического союза, из которого впоследствии выросло Центрально-Азиатское экономическое сообщество – ЦАЭС (до июля 1998 г. именовавшееся Центрально-Азиатским союзом). В марте 1998 года к этому объединению добавился Таджикистан.

Тогда же на заседании Межгосударственного совета были обозначены приоритетные области экономического взаимодействия: агропромышленный и водно-энергетический комплексы, транспорт. Была декларирована необходимость:

- а) формирования в регионе зоны свободной торговли как первого этапа создания единого экономического пространства;
- б) проведения согласованной политики в аграрном секторе и в деле охраны окружающей среды;
- в) совместных усилий по улучшению экологической обстановки в бассейне Аральского моря.

К середине 2000-х годов стало понятно, что сотрудничество государств ЦА не имеет реальных перспектив в силу растущей зависимости региона от внешних политических и экономических факторов, недостаточности внутреннего ресурсного потенциала и опыта для самостоятельного обеспечения региональной безопасности, а также решения вопросов развития, достижения компромисса в вопросе о региональном лидерстве и т.д.

В декабре 2001 года ЦАЭС было переименовано в Организацию Центрально-Азиатского сотрудничества (ОЦАС). В 2004 году Рос-

сия решила присоединиться к ОЦАС, а в 2005 году ОЦАС слилась с ЕврАзЭС.

Государства ЦА перешли на двусторонний формат взаимоотношений, оставив нерешенными многие общие региональные вопросы. Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев пробовал возродить Центрально-Азиатский союз в апреле 2007 года, его идею поддержал только Кыргызстан, в то время как другие государства были настроены скептически [1].

Приведённые выше материалы показывают, насколько сложно будет добиться консенсуса всех заинтересованных сторон и разъяснения общей пользы как для государств ЦА, так и всех внешних государств-партнёров, так как в сознании многих преобладают стереотипы прошлого. Тот факт, что до сих пор в международных внутрирегиональных отношениях Центральной Азии двусторонние преобладают над многосторонними, а многосторонние обсуждают лишь отдельные направления без комплексного подхода, приводит к тому, что двусторонние отношения, в свою очередь, часто приводят к конфликтности. К примеру, на сегодняшний день такие проблемы, как споры за приграничные участки, вопросы международного взаимодействия, разногласия по поводу использования водных богатств, до сих пор усложняют отношения Киргизии и Узбекистана, Киргизии и Таджикистана, Киргизии и Казахстана, Таджикистана и Узбекистана. Кроме того, несмотря на все попытки создать централизованную региональную организацию, на данный момент не существует ни одного многостороннего регионального объединения, которое бы объединяло только шесть государств Центральной Азии. Сами же эти страны предпочитают вступать в состав многосторонних организаций, где преобладает участие крупных мировых лидеров. Такая ситуация дала основания британскому исследователю Рою Аллисону охарактеризовать центрально-азиатский регионализм как «виртуальный» [5].

Для начала процесса интеграции государств ЦА необходимо общее видение руководителей всех государств. То разделение территории между народами Центральной Азии, которое было осуществлено во времена СССР, необходимо срочно окончательно оформить:

- границы должно быть принятыми в кратчайшие сроки с отдельными взаимными уступками, даже в очень запутанных ситуациях;
- всякое затягивание этих вопросов задерживает экономическое сотрудничество государств региона и их политическое развитие и даёт возможность популистам, используя национал-патриотическую риторику, набирать очки и дестабилизировать ситуацию в регионе.

Это не позволяет всесторонне развиваться промышленности, сельскому хозяйству и решать вопрос занятости населения и повышения оплаты труда населения всех государств региона с учётом быстро изменяющихся требований современной мировой экономики. Ставит все государства Центральной Азии в большую зависимость от внешних экономических и политических воздействий. Сохраняет состояние сырьевого придатка, не способного к саморазвитию и самовоспроизводству. Одновременно подобное состояние является питательной средой для политиков-популистов, что может служить дестабилизирующим фактором как в государствах, так и в целом в регионе, особенно при внешней поддержке.

Всякая задержка с интеграционными процессами в Центральной Азии на фоне быстро изменяющейся экономической и политической ситуации в мире просто недопустима и приведёт в окончательном варианте к упущенным историческим возможностям.

Литература

1. Central Asia Regional Data Review. – 2013. – №7, february.
2. <https://www.geopolitica.ru/article/harakteristika-centralnoy-azii-v-geopoliticheskikh-teoriyah-i-rol-konfliktov>
3. https://www.google.com/search?rlz=1C1GGRV_enTJ751TJ751&q=%D0%9A%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D1%85%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD&stick=H4sIAAAAAAAAAAONgFuLQz9U3MKwyrVQCs0zMc7K0FDLKrST83NyUpNLMvPz9ItS04FUsVVyfmleSVF-mavEjxkpugZc_7glLFUxac_IaYxYXQS1CblxsrnklmSWVQIJcPFJwazUYpLi44DwpBSUu3mpLcWIR2VdsmlpCnOFbX0ytWiLjJBh

w26j915MnJ3kWsepCbLuw9cLei00XGy5suLD7Ys-
FvRc2XOxXAHK2X9gBZFxshMrtvdgNAAN7CcnjAAAA&sa=X
&ved=0ahUKEwiJ9ZTurL3hAhWl0KYKHdj8CG8Q-
BYIJzAT&biw=1626&bih=959

4. http://www.statdata.ru/largest_countries_by_area
5. <https://moluch.ru/archive/204/49980/>

ВОПРОСЫ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В МЕЖДУНАРОДНОМ И РЕГИОНАЛЬНОМ АСПЕКТЕ

Валамат-Заде Тимур Гафарович

**Заслуженный энергетик СНГ,
эксперт по водным и энергетическим вопросам
Центральной Азии**

Уникальный энергетический потенциал в регионе Центральной Азии вызывает пристальное внимание и желание сотрудничать со стороны как ближних, так и удалённых государств и мировых международных институтов. Это постоянная, многосторонняя работа в рамках Энергетического Совета СНГ и в первую очередь с Российской Федерацией, а также китайскими компаниями, Европейским Союзом и США, сотрудничество с Ираном, Азербайджаном, Афганистаном, Пакистаном, Индией, Украиной, Белоруссией и многими другими государствами и международными институтами в сфере энергетики. Достаточно назвать лишь некоторые: ЦАРЭС – Программа Центрально-Азиатского регионального экономического сотрудничества; CASA – Центральная Азия – Южная Азия; CAEWDP – Программа развития энергетики и водных ресурсов Центральной Азии; CAPS – Энергетическая система Центральной Азии; CASAREM – Региональный электроэнергетический рынок Центральной Азии и Южной Азии; ТАП – Туркменистан – Афганистан – Пакистан; ТАПИ – Туркменистан – Афганистан – Пакистан – Индия; ТУТАП – Туркменистан – Узбекистан – Таджикистан – Афганистан – Пакистан; РКИКООН – Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата и др.

Под общим руководством Заседаний высокопоставленных официальных лиц (ЗВОЛ) постоянно осуществляется: 1) проведение Энергетического инвестиционного форума ЦАРЭС 2018; 2) руководство процессом интегрирования дорожной карты по высоким технологиям в Национальные планы развития стран-членов

ЦАРЭС; 3) обзор и постоянная консультация для разработки Энергетической стратегии 2030 ЦАРЭС; 4) подтверждение постоянной поддержки правительства в отношении автономных технологий, энергоэффективности и реализации НОВ.

В рамках Программы Центрально-Азиатского регионального экономического сотрудничества рассматриваются приоритеты действия, прогресс и вызовы по шести важнейшим компонентам, которые представляют собой стратегические компоненты и тематические приоритеты, определённые странами-членами ЦАРЭС: 1) Развитие энергетического коридора Центральная Азия – Южная Азия; 2) Продвижение региональной торговли и гармонизации электроэнергии; 3) Управление связями между энергетикой и водными ресурсами; 4) Мобилизация финансирования для приоритетных проектов; 5) Развитие потенциала и управление знаниями; 6) Продвижение технологий чистой энергии¹.

Все государства Центральной Азии мобилизуют средства для наращивания энергетических мощностей, не только для удовлетворения своих потребностей, но и для экспорта в виде энергоносителей или электроэнергии. Если Таджикистан и Кыргызия, исходя из своих природных возможностей, развивают гидроэнергетику (Рогунская ГЭС, Камбартинская ГЭС-2), то Казахстан и Узбекистан сделали акцент на атомных электростанциях (1 и 2)². Туркмения – на газотурбинных электростанциях, в Чарджевском этрапе³.

Говоря о сотрудничестве независимых государств Центральной Азии, хотелось бы подчеркнуть, что, несмотря на различия стартовых состояний и несомненное развитие экономик каждой, все они испытывают недостаточную устойчивость экономического развития.

Это в первую очередь отражается на уровне жизни населения и возможности развития в соответствии с современными требованиями.

Отсутствие у каждого из этих государств надёжного внутреннего рынка сбыта для производимой продукции ставит каждое из госу-

¹file:///C:/Users/Павшан/Desktop/2%20S3b_Energy-Sector-Progress-Report-ru.pdf

²<https://rg.ru/2019/08/29/uzbekistanu-ponadobitsia-v-25-raza-bolshe-energii-k-2030-godu.htm>

³<http://articlekz.com/article/5581>

дарств в зависимость от внешних экспортёров и импортёров. Каждое из них имеет малый внутренний рынок сбыта в жёстких условиях внешних конкурентов и не имеют возможности для развития современного конкурентоспособного производства, за исключением производства сырья, продукции первичной обработки и дешёвой рабочей силы. Беспощадная борьба за рынки сбыта продукции и получение источников дешёвого сырья теперь всё чаще даже не маскируется языком дипломатии, а декларируется прямым текстом.

После развала СССР (Беловежское соглашение), в Центральной Азии произошли большие изменения. Государства Средней Азии выпали из конгломерата СССР и стали юридически независимы, а Афганистан продолжает сражаться за свою государственную независимость.

Государства Центральной Азии (кроме Афганистана) имеют схожие политические и экономические тенденции развития. Эти государства, в относительном выражении, имеют наименьшее интегрирование между собой в экономическом и стратегическом плане. Несмотря на все усилия, в том числе в водной, энергетической и др. сферах.

Изначально новые государства Центральной Азии стремились к интеграции. В рамках ЦА основы были заложены еще в 1993 году. Казахстан, Кыргызстан и Узбекистан подписали Договор о создании экономического союза, из которого впоследствии выросло Центрально-Азиатское экономическое сообщество – ЦАЭС (до июля 1998 г. именовавшееся «Центрально-Азиатским союзом»). В марте 1998 года к этому объединению добавился Таджикистан. Тогда же на заседании Межгосударственного совета были обозначены приоритетные области экономического взаимодействия – агропромышленный и водно-энергетический комплексы, транспорт.

К середине 2000-х годов стало понятно, что пока сотрудничество государств ЦА не имеет реальных перспектив в силу растущей зависимости региона от внешних политических и экономических факторов. В декабре 2001 года ЦАЭС было переименовано в Организацию Центрально-Азиатского сотрудничества (ОЦАС). В 2004 году Россия решила присоединиться к ОЦАС, а в 2005 году по её предложению ОЦАС слилась с ЕврАзЭС. Была ещё попытка Пре-

зидента Казахстана Нурсултана Назарбаева возродить Центрально-Азиатский Союз. В апреле 2007 года, его идею поддержал только Кыргызстан, в то время как другие государства были настроены скептически¹.

Все попытки сотрудничать в какой-то отдельной сфере, как показывает практика, обречены на провал. До настоящего времени функционируют: Международный фонд спасения Арала (с 1993 г.); Договор о Зоне, свободной от ядерного оружия в Центральной Азии. Следует особо отметить, что Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон всегда стремился к сотрудничеству и экономической интеграции, особенно с соседними государствами. В настоящий момент внутреннее развитие государств региона и изменения в мировой политике влияют на рост интеграционных взглядов у руководителей государств Центральной Азии.

С другой стороны, усиливается влияние фрагментационных сил на регион Центральной Азии, которые стремятся присоединить хотя бы отдельные страны к орбитам своих центров силы. За регионом закрепляются общие названия – «буферная зона; перекрёсток; баланс, транзитная территория и т.д.» между основными мировыми и региональными державами.

Центральная Азия окружена целым рядом мощных центростремительных сил, которые стремятся вовлечь регион в свою орбиту. При различных форматах и с разноскоростной интеграцией они работают, хотя не без проблем. При этом они имеют различные цели, различаются по направлениям деятельности, статусу и сфере деятельности.

Почему существует изначальное стремление, потребность и необходимость в создании Центрально-Азиатского Сообщества или Союза?

Географически эти государства не имеют доступа к морям и океанам и находятся в сердце Азии. Они связаны друг с другом источниками воды, транзита и транспортировкой энергии из энергоизбыточной Центральной Азии в другие регионы. Каждое из них имеет малый внутренний рынок сбыта. Всё это является не только

¹Central Asia Regional Data Review. 2013. №7, February.

условием существования, процветания, дальнейшего развития, но и объединяет эти государства в вопросах защиты интересов, экологии, трудоустройства граждан региона в целом.

Несмотря на языковые различия, они относятся к одной религии, имеют общие исторические судьбы, народные традиции и обычаи. Исторические периоды их экономического, культурного процветания и военной мощи относятся ко времени их единства и тесного сотрудничества.

Следует отметить, что создание Центрально-Азиатского Союза, будет также благоприятно для всех действующих в регионе центров силы, так как они смогут выстраивать долговременные отношения с единым, экономически надёжным крупным партнёром. С другой стороны, будут пресечены любые попытки противопоставить государства региона или поставить регион под контроль одной из центристических сил, использовать их территорию для враждебных действий друг против друга или соседних стран. Позволит региону проводить взвешенную, экономически целесообразную политику на стабильной устойчивой основе.

Известно, что как в прошлом, так и в настоящее время крупные объединения народов, имеющие свой надёжный, ёмкий, защищённый внутренний рынок реализации производимой продукции и возможность взаимовыгодной торговли с внешним миром, как правило занимали длительное устойчивое положение в экономическом и политическом аспектах. Исключением являются моменты прямых военных столкновений по переделу рынков сбыта, завуалированные под различные популистские лозунги.

Государствам региона Центральной Азии жизненно необходимо, совместно решать текущие внутренние и внешние проблемы, начать ускоренный процесс комплексного регионального политического и экономического сотрудничества. При этом полностью и надёжно сохранить свою государственность, язык, развивать свою культуру и т.д.

Перед руководителями государств Центральной Азии стоит сложнейшая задача найти консенсус в выборе для народов Центральной Азии общей орбиты, в которой они бы получили от интеграции не только надёжную защиту национальных интересов каж-

дого государства, но и развитие, эффективность и устойчивость своих экономик, а также оптимальное использование только благоприятного влияния внешних сил.

Положительным примером могут быть некоторые интеграционные моменты, которые были при возникновении Европейского Союза, начало которого положило Европейское объединение угля и стали – международная организация, объединявшая каменноугольную, железорудную и металлургическую промышленности Франции, ФРГ, Италии, Бельгии, Нидерландов и Люксембурга и заложившая основу дальнейшей экономической интеграции в Европе¹.

Создание коллективного партнёра для экономически максимально эффективного осуществления широкомасштабных планов по освоению довольно нового и потенциально очень ёмкого рынка Центральной Азии, заинтересует все стороны.

Рассмотрим только некоторые потенциальные возможности по Центральной Азии (Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Кыргызстан, Туркменистан, Афганистан):

Общая территория ЦА – 4 658 тыс. км.2.

Население – 108 млн. человек (в ближайшие годы достигнет 150 млн. человек).

Природный газ (доказанные запасы) – 17 519 млн.т.н.э. (1 тонна н.э. – это 1 тонна нефтяного эквивалента, т.е. энергия, равная энергии, которую можно получить из 1 тонны нефти):

Уголь – 25,7 млрд.т.

Нефть – 4,1 млрд.т.

Гидроэнергетический потенциал – 900 млрд. кВт ч./год

Кроме того, в Центральной Азии находится четверть мировых запасов урана.

Регион изобилует солнечной, ветровой и другими нетрадиционными источниками энергии, трудоспособным и талантливым населением, разнообразной природой.

¹[https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%BE%D0%BA_%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD_%D0%BF%D0%BE_%D0%92%D0%92%D0%9F_\(%D0%BD%D0%BE%D0%BC%D0%B8%D0%BD%D0%B0%D0%BB\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%BE%D0%BA_%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD_%D0%BF%D0%BE_%D0%92%D0%92%D0%9F_(%D0%BD%D0%BE%D0%BC%D0%B8%D0%BD%D0%B0%D0%BB))

Регион Центральной Азии вырабатывает электроэнергии приблизительно 225 млрд. кВт.ч./год. Это больше, чем Индонезия (216) и немного меньше, чем Турция (239).

Существуют все необходимые условия для создания Энергетического объединения ЦА с общим рынком нефти, газа, угля и электроэнергии.

Вторым не менее значимым шагом могло бы стать объединение производства металлов и промышленности по производству оборудования, в том числе для электроэнергетической промышленности, включая НИИ, подготовку кадров, опытные, конструкторские и проектные организации по всему аспекту добычи, производства, использования, транспортировки энергии и энергоносителей.

В повестку дня предлагается не столько поиск мер по содействию интеграционным процессам и предотвращению дальнейших фрагментационных тенденций, сколько поиск механизмов, обеспечивающих интеграцию и рациональное взаимодействие в рамках национальных экономических пространств.

Необходимо иметь в виду, что в последние десятилетия на различных иерархических уровнях экономического пространства имеет место усиление неэкономических факторов, оказывающих влияние как на интеграционные, так и дезинтеграционные процессы.

Обещания глобализации и создания мирового государства, ещё недавно казавшиеся очевидными, в наше время плавно сменились политикой узких национальных интересов не только на Западе, но и в других уголках мира.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ ДЛЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ИННОВАЦИИ, ВЕКТОРЫ И МЕХАНИЗМЫ

Аляутдинов Ринат Рафаилович

**Президент Фонда поддержки инноваций «Инносфера»
(РФ г.Москва)**

На сегодняшний день значимость социальных проектов невозможно переоценить. Их актуальность объясняется тем, что вовлечение граждан Центральной Азии в созидательные процессы развивает весь регион. Особенно важно применять при этом инновационные подходы, которые обеспечивают устойчивое развитие.

Для реализации таких проектов необходимо создать эффективные методы мотивации социальной активности граждан с помощью постоянно действующего механизма массового выявления. Данный механизм – это биржа отбора и поддержки людей, обладающих определенным уровнем позитивных личных качеств, а также предпринимательских и управленческих способностей. Именно эти граждане стремятся найти и занять достойное место не только в сфере экономики, но и внести существенный вклад в развитие других не менее важных сфер жизни общества, таких как социальная и духовная.

При создании единого механизма разностороннего сбора, представления и реализации идей необходимо объединить стремление молодого поколения и опыт старшего. Запуск подобного социального проекта может стать не только самым крупным для Центральной Азии, но и самым масштабным на материке. Он содержит в себе самый главный компонент социальной справедливости – равенство.

Для реализации не только пришло время, но и созрели умы, имеются все возможности, а самое главное – наше желание объединить усилия. Участие в проекте века должно быть предложено всем гражданам стран Центральной Азии без исключения. В данном вопросе недопустимо ограничение по уровню образования.

Для этого могут быть привлечены как коммерческие, так и общественные организации. Подобный проект необходим не только тем, кто заинтересован в развитии региона, но и тем, кто стремится улучшить свой социальный статус и проявить способности в разных областях – в строительстве социально справедливого мира.

Объединение усилий граждан и руководств стран Центральной Азии с целью «улучшить жизни всех и каждого» открывает огромные возможности для расширения деятельности учебных заведений и организаций, представляющих интересы, прежде всего, молодого поколения. Современные технические средства (IT-технологии) предоставляют возможность осуществлять круглосуточный мониторинг спроса и предложения. Каждая отрасль, которая нуждается в рабочих или интеллектуальных ресурсах, найдет тех, кто подбирает специалистов именно для данного направления. Таким образом, студенты получают возможность стажироваться в лучших национальных и зарубежных компаниях, им будет оказана помощь в организации собственного дела или финансовая поддержка.

В настоящее время страны Центральной Азии переживают сложности экономического и политического характера. Кризис затронул почти все социальные слои. Виной тому является попытка изменить вектор развития региона от социально-ориентированного к «экономическому». Безуспешно принимать меры по решению проблем в сфере экономики и при этом забывать о духовной и моральной составляющей воспитания граждан. Подходы подобного рода приводят лишь к ещё большим проблемам.

Пожалуй, все знают такую фразу: «Ничего личного, это просто бизнес». Но, известно, что только добрые и порядочные люди могут строить справедливое общество. Такие люди получают достойное воспитание от своих родителей. Есть еще те, кто хотят помочь окружению. Однако проблема в том, что сложившаяся в наших странах система социального роста не предполагает развития на практике. К сожалению, социальный рост обеспечивается лишь лицам, которые обладают авторитетом и денежными средствами.

В современном мире социальная государственная политика не может фокусироваться исключительно на внутреннем потенциале страны. Для решения государственных задач необходимы внешние

ресурсы. Ведь стало очевидно, что закрытость приводит еще к большей регрессии.

Разработка общей концепции механизма выявления и развития молодых талантов в условиях геополитической трансформации региона для государств Центральной Азии является приоритетной. Настоящий ресурс любого общества – благоразумный человек.

Высшие должностные лица государств Центральной Азии, политики, бизнесмены, экономисты, социологи, психологи, журналисты, представители духовенства и творческой интеллигенции – люди, отличающиеся сферами деятельности и политическими взглядами, но чьи убеждения во многом схожи. Все в один голос утверждают, что в масштабах постсоветского пространства ни в одной стране не работают механизмы вертикальной мобильности – социальные лифты, без запуска которых невозможно развитие общества.

На данный момент отсутствует механизм социального лифта, который мог бы обеспечить равный старт и дальнейшее продвижение каждого человека на основе его способностей и таланта вне зависимости от его места жительства и социального положения. Особую важность имеет то, что такой лифт должен стать своего рода «социальным фильтром» для выявления патриотически настроенных, социально активных, глубоко мыслящих, честных, талантливых и трудоспособных людей.

Запуск такого мощного механизма, как социальный лифт, позволит гражданам всего Центральноазиатского региона достичь успеха в работе, улучшить свой социальный статус и занять достойное место в обществе. Страны Центральной Азии имеют все шансы стать центром притяжения молодой энергии, а значит, они должны быть готовы к обновлению всех сфер жизни общества, чтобы в ближайшем будущем занять лидирующие позиции в мире.

Если в обществе реализуются социальные проекты, то каждый из его членов уверен, что при определенных условиях у него есть возможность добиться успеха. Таким образом, общество становится открытым, а настроение социума – позитивным.

Дефицит вознаграждения за профессионализм и социально ответственное поведение приводит к социальной апатии населения,

озлобленности, конфронтации с состоятельными слоями населения и недоверию к властям. В результате неработающих социальных программ у граждан появляется безразличие к выборам, организуются радикально настроенные группировки, обостряются межнациональные и межрелигиозные отношения. «Сломанный» социальный лифт имеет разрушительные последствия и в экономической жизни: стагнация производительности труда, отсутствие инноваций и низкая инвестиционная активность со стороны малого и среднего бизнеса.

Описанные симптомы весьма характерны для целого ряда стран. К счастью, существует адекватное лечение – активизация социальных программ, разработка и запуск единой информационной биржи для всего Центрально-Азиатского региона, которая будет не только выявлять существующие потребности, но и предлагать решения социально важных задач, мотивируя и направляя население региона в созидательное русло.

Одним из инновационных социальных проектов для Центральной Азии является создание *международной ресурсной биржи*. Слаженно работающий единый механизм выявления полезных обществу ресурсов имеет бóльшую значимость, чем однотипные социальные проекты отдельных стран. Это неременное условие сбалансированного развития и формирования основного вектора взаимодействия государств Центральной Азии. Подобная форма взаимодействия способна быстро реагировать на изменение конъюнктуры рынка труда. В этом случае общество получает именно тех специалистов, которые необходимы в данный момент.

Многое уже сказано о низкой гражданской активности населения, о слабой социализации общества и прочих проблемах, мешающих эффективному развитию Центральноазиатского региона. Но в первую очередь необходимо решить проблемы социальной мобильности населения.

Мы живем в век высоких информационных технологий. И сегодня количество пользователей Интернета в Центральноазиатском регионе насчитывает 1,87 миллиарда. Становится понятно, в каком направлении необходимо предпринимать решительные шаги. Создание единой ресурсной биржи как результат объединения усилий

руководства и граждан стран Центральной Азии может стать первым в истории глобальным инновационным социальным интернет-проектом, который позволит улучшить жизни миллионов людей.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Шарипов Амриддин

Кандидат политических наук, доцент
Таджикский национальный университет

Внешняя политика – это взаимоотношения с другими государствами в интересах собственного государства; общий курс государства в международных делах. Внешняя политика регулирует отношения данного государства с другими государствами и народами в соответствии с его принципами и целями, достигаемыми применением различных средств и методов. Важнейшее средство внешней политики – дипломатия. Внешняя политика неразрывно связана с внутренней политикой государства [1].

Внешняя политика той или иной страны представляет собой конкретное, практическое воплощение министерством иностранных дел (или соответствующим ему внешнеполитическим ведомством) основных принципов международной политики государства, вырабатываемых в рамках его более широких структур и призванных отражать его национальные интересы. Предметом внутренней и внешней политики нередко являются национальные интересы государства, что доказывает их тесную взаимосвязь [9].

Конечная цель каждой государственной политики - защита национальных интересов. Поэтому эксперты должны найти справедливый и рациональный баланс разносторонних интересов государств [7, с.119].

Внешняя политика Республики Таджикистан так же направлена на обеспечение национальных интересов, защиту прав граждан за рубежом и представление страны на международной арене. Официально с 31 декабря 2002 г. она называется политикой «открытых дверей».

Но необходимо отметить, что до официального провозглашения политики «открытых дверей» внешняя политика Республики Та-

Таджикистан преодолела трудный этап формирования. В целом, с учетом особенностей развития, решаемых задач, целей и перспектив, внешняя политика нашей страны за прошедший 28-летний период формирования состоит из трех этапов.

Первый этап начинается с приобретением государственной независимости. Он развивался очень медленно, преодолевая трудности переходного периода, разрыв устойчивых экономических связей, финансово-экономический кризис и навязанную гражданскую войну.

Первые практические шаги на пути к признанию мировым сообществом и вхождению в международные отношения были сделаны после официального прекращения деятельности Советского Союза (25 декабря 1991 г.). 4 января 1992 г. Верховный Совет Республики Таджикистан (одиннадцатая сессия двенадцатого созыва) единогласно принял «Обращение Верховного Совета Республики Таджикистан к мировому сообществу наций» с просьбой признать независимость Таджикистана и установить с ним дипломатические отношения [4, с.7].

Вхождение в ООН – это первый шаг к вхождению в глобальное течение международных отношений, поэтому с обретением независимости одним из приоритетных направлений внешней политики страны стало вступление в эту универсальную международную организацию.

29 января в адрес Президента Республики Таджикистан Р.Набиева от имени Генерального Секретаря Бутроса Гали поступила телеграмма, в которой было сказано, что сегодня, 29 января 1992 г., на своем заседании Совет Безопасности без голосования принял резолюцию о рекомендации Генеральной Ассамблее принять Республику Таджикистан в члены ООН [4, с.32].

2 марта на состоявшемся пленарном заседании 46 сессии Генеральной Ассамблеи ООН в члены Организации Объединенных Наций были приняты восемь стран-членов СНГ, среди которых был и Таджикистан. Решения о приеме новых членов были приняты без голосования, на основании единодушного одобрения [4, с.65].

Принятие в членство этой авторитетной организации свидетельствует о признании нашего суверенитета со стороны мирового со-

общества. Таким образом, мы получили возможность быть причастными к мировым делам и общечеловеческим проблемам, находиться в русле современного цивилизованного развития человечества, иметь доступ к его достижениям в политической, экономической, социальной, гуманитарной и других важнейших сферах деятельности.

К моменту вступления в ООН нашу республику официально признали 83 государства мирового сообщества. Таджикистан стал участником Соперования по сотрудничеству и безопасности в Европе, он активно включился в другие международные процессы [10, с.40].

Однако обострение политического кризиса и гражданского противостояния в Таджикистане в 1992 г. препятствовало налаживанию более активного вовлечения страны в мировое русло. После исторической XVI сессии Верховного Совета Республики Таджикистан (которая состоялась в городе Худжанде с 16 ноября по 2 декабря 1992 г.) и прихода к власти Эмомали Рахмона наступил относительный период развития внешней политики. Глава таджикского государства с первых дней политического руководства выбрал многовекторную политику. Хотя с учетом гражданского противостояния и трудностей, связанных с её последствиями, реальное осуществление такой политики началось в XXI веке, но этап формирования внешней политики страны постепенно выявил эту реальность.

Например, в первом обращении к народу Таджикистана от 12-го декабря 1992 г. глава таджикского государства определил основные принципы внешней политики, в которой «вхождение республики в мировое сообщество, установление дипломатических отношений со всеми странами, которые хотят развивать равноправное и взаимовыгодное сотрудничество с Таджикистаном, вступление в международные организации, укрепление и дальнейшее развитие добрососедских связей и всестороннего сотрудничества с государствами СНГ, прежде всего Российской Федерацией, Узбекистаном, Казахстаном, Кыргызстаном, Туркменистаном и другими», играли важную роль [7, с.6].

В направлении осуществления многовекторной политики Э.Рахмон на XVIII сессии Верховного Совета Республики Таджики-

стан, состоявшейся 28 декабря 1993 г., подчеркнул, что Республика Таджикистан по своему географическому, геополитическому местоположению и экономическим интересам входит в пять политических регионов:

- первый регион – союз независимых государств, которые, несмотря на трудности периода своего становления, стараются всемерно развивать внутренние связи;
- второй регион – Центральная Азия, которая идет по пути политической и экономической интеграции;
- третий регион – пространство жизни и действия соседних фарсиязычных государств, которые до сих пор не организовали у себя тот или иной политический или экономический союз. Их объединяет не только историческая, религиозная и культурная общность, но и реальная перспектива национального возрождения;
- четвертый регион – сфера влияния исламских государств Востока, которые связывают не только общность религии, обычаи, духовные ценности, но и возможности и необходимость национального возрождения.

И, наконец, пятый регион – международное сообщество, внутренняя и внешняя интеграция которого усиливается с каждым днем и постепенно идет по пути к единой человеческой цивилизации [8, с.79].

С другой стороны, Таджикистан целенаправленно и поэтапно присоединялся к международным конвенциям в направлении дипломатии, примером которой можно считать Венскую конвенцию о дипломатических сношениях от 18 апреля 1961 г. 30-го ноября 1993 г.

Вместе с тем, если главной особенностью первого этапа внешней политики таджикского государства было становление, то его конечной целью стало достижение мира и национального согласия. Становлению успешной внешней политики способствовало принятие важных нормативно-правовых документов, которые определили её качественное развитие. Основными документами, содействовавшими успешному становлению внешней политики, можно считать следующие:

- Положение о Посольстве Республики Таджикистан от 23 января 1995 г. №165;
- Положение об основных правах и обязанностях Чрезвычайного Полномочного Посла Республики Таджикистан, аккредитованного в других государствах, от 23 января 1995 г. №165;
- Закон Республики Таджикистан «О единой протокольной практике» от 4 июля 1997 г.;
- Консульский устав Республики Таджикистан от 30 июля 1998 г. №275.

Следует подчеркнуть, что наряду с вхождением в мировое русло и нахождением своего достойного места на международной арене важнейшей задачей первого этапа формирования внешней политики Республики Таджикистан было достижение мира и национального согласия. Благодаря твёрдой позиции главы государства и последовательности в этом направлении, эта цель была достигнута 27 июня 1997 г. В этот день Глава таджикского государства и лидер Объединенной таджикской оппозиции подписали Соглашение об установлении мира и национального согласия в Таджикистане [11, с.129].

Наряду с этим с 2000 года возник новый институт определения основных направлений внешней политики в форме ежегодных Посланий Президента Республики Таджикистан Парламенту, который свидетельствовал о качественном развитии внешней политики страны.

Второй этап начинается с началом нового тысячелетия. В этот период происходят фундаментальные изменения в международных отношениях, связанные с известными трагическими событиями 11 сентября 2001 г. в США. Прослеживается также тенденция глобализации вопросов и проблем, стоящих в повестке дня ООН и других международных организаций, что наглядно свидетельствует о возрастании роли многосторонней дипломатии.

Протекающие процессы и тенденции начала XXI-го века оказали серьезное влияние на геополитическую и геостратегическую роль исторической Центральной Азии, отдельных государств этого региона на региональное и межрегиональное взаимодействие.

В этих условиях особую актуальность приобретают учет и реализация новых возможностей и факторов межгосударственного и общерегионального сотрудничества современного типа. Осознавая это, Таджикистан стремится достичь устойчивого динамичного развития отношений со всеми странами мира в целом и региона в частности.

С другой стороны, для провозглашения политики «открытых дверей» имелось несколько факторов и условий, которые требовали ведения многосторонней внешней политики. Эти факторы выражались в следующих аспектах:

- важное стратегическое расположение страны, которая охватывает одну из ключевых точек Центральной Азии;
- необходимость защиты государственного суверенитета. Независимость – это великая ценность. Она, прежде всего, свидетельствует о том, что нация обладает огромным потенциалом и может занять достойное место в ряду других народов мира [7, с.353]. Независимость – это также чаяния и надежды каждой нации, на её достижение направлены все усилия и стремления народа;
- повышение роли региона с началом нового тысячелетия, что было связано с началом антитеррористической кампании в Афганистане;
- необходимость сопротивления в борьбе с новыми нетрадиционными угрозами и коллективная безопасность;
- олицетворение культурно-исторических и традиционных ценностей таджикского народа, т.е. дружбы и добрососедства во внешней политике страны;
- соблюдение баланса в направлении основных приоритетов внешней политики государства;
- привлечение прямых иностранных инвестиций для возрождения экономики и реализации реформ в области развития республики и увеличения уровня благосостояния населения.

Для этого были приняты нормативно-правовые акты, регулирующие внешнеполитическую деятельность республики, в том числе Закон Республики Таджикистан «О международных договорах» от 06.08.2001 №31, 28.12.2005 №142, 22.07.2013 №1013; Концепция внешней политики Республики Таджикистан от 24 сентября 2002 г.,

Закон Республики Таджикистан «О дипломатической службе» от 2 декабря 2002 г.

Резюмируя вышесказанные слова, можно подчеркнуть, что Таджикистан является страной с важным стратегическим и геополитическим расположением в Центральной Азии, и его роль в регионе и в мире как независимого суверенного государства прежде всего зависит от того, насколько правильно выстроена его внешняя политика.

Эти факторы содействовали провозглашению политики «открытых дверей», которая подтверждает готовность страны к взаимодействию со всеми субъектами международных отношений на основе общепризнанных принципов и норм международного права.

Пройденное время доказало, что реализация политики «открытых дверей» во внешней политике является единственно правильным способом ведения отношений со странами мирового сообщества в сложнейших условиях фундаментальных изменений в международных отношениях.

Рассматривая сегодня приоритетность и правильность политики «открытых дверей», мы можем подчеркнуть следующие достижения:

- установление дипломатических отношений Республики Таджикистан с 128 странами мирового сообщества;
- официальное признание государственного суверенитета Республики Таджикистан со стороны 151 страны планеты;
- членство в 51 престижнейшей международной региональной организации;
- подписание 1200 двусторонних соглашений со странами мирового сообщества;
- членство в 600 международных конвенциях;
- товарооборот с более чем 100 стран мира;
- достижения в направлении международных инициатив (прежде всего по проблеме воды, сотрудничество в этой сфере как важный фактор устойчивого экономического развития);
- председательство главы таджикского государства на 54 сессии Генеральной Ассамблеи ООН;

- предложение формулы мира и т.д. [2].

Благодаря сбалансированной внешней политике, на втором этапе Таджикистан приобрел свое достойное место в мире, наладил разностороннее сотрудничество со странами мира, международными и региональными организациями и международными финансовыми институтами.

Но необходимо подчеркнуть, что коренные изменения международных отношений и уязвимость национальных государств в 2013-14 гг. заложили основы новой реальности. Именно в это время начинается становление **третьего этапа**, связанного с возникновением новых угроз и реальностей в мировом масштабе.

В этой связи с учетом обострения необходимости обеспечения национальных интересов в новую концепцию внешней политики государства должны быть внедрены новые ценности. Этими ценностями являются своевременное реагирование на современные реалии с целью защиты независимости и ведение сбалансированной внешней политики. Именно поэтому 27 января 2015 г. согласно Указу Президента Республики Таджикистан была принята новая Концепция внешней политики, которая определяет и регулирует основные принципы, цели, задачи и приоритетных направлений внешней политики Республики Таджикистан с учетом долгосрочных национальных интересов страны [3].

Необходимость разработки и принятия настоящей Концепции вызвана конкретизацией целей, задач и направлений внешней политики Республики Таджикистан в условиях изменения политической, социально-экономическо-культурной жизни государства и формирования нового геополитического облика мира и региона во втором десятилетии XXI века. Концепция предусматривает разработку и реализацию внешней политики, содействующей приведению в соответствие развитие страны с расширяющимися интеграционными процессами, регионализацией и глобализацией, предоставляющей новые приемлемые возможности для предотвращения и нейтрализации потенциальных угроз и вызовов, обеспечивающей необходимые основы для последовательной реализации национальных интересов на основе объективности и сбалансированности [3].

На этой основе во главе внешней политики нашего государства будет стоять содействие созданию атмосферы доверия и безопасности вокруг страны путем расширения и укрепления добрососедских отношений со всеми приграничными странами с использованием политических и дипломатических средств, постоянное проявление усилий и стремлений для своевременного решения актуальных вопросов региона [5].

Внешняя политика Таджикистана под названием «политика открытых дверей» основывается на принципах дружбы и равноправных отношений со всеми странами.

"Ныне реализуемая Концепция внешней политики Таджикистана представляет собой логическое продолжение данного курса и обеспечивает вывод международных связей нашей страны на качественно новый уровень в новых условиях мирового развития", - подчеркнул глава государства в своем Послании Парламенту от 26 декабря 2018 г.

Во время выступления Президент Таджикистана уточнил, что развитие и укрепление международного сотрудничества особенно важно при геополитической конкуренции и глобальных угрозах [6].

Вместе с тем, были введены некоторые дополнения в Закон «О дипломатической службе» (от 31 декабря 2014 г.), благодаря чему суть и содержание данного закона стали более совершенными и дополненными.

Несмотря на её успешность, внешняя политика Республики Таджикистан сталкивается с рядом современных вызовов и угроз, и устойчивость его дальнейшего развития зависит от реагирования на них:

- фундаментальные изменения в системе международных отношений с изменениями подходов в соперничестве сверхдержав и геополитических регионов;
- возникновение новых экстремистских и радикальных идей, в том числе религиозного экстремизма, националистических и неофашистских настроений. Потеря идентичности и распространение западных ценностей привели к возникновению и дальнейшему развитию националистических ценностей, которые постепенно преобразовались в неофашистские и радикальные идеи;

- уязвимость национальных государств и самодостаточный терроризм с элементами государственной структуры – данный вид сформировался после возникновения террористического государства ИГИЛ;
- негативное влияние информационных угроз (промыывание мозгов, привлечение молодежи посредством социальных сетей к радикальным группировкам и распространение экстремистских религиозных идей);
- угроза геополитической зависимости от сверхдержав.

В целом, глобальные угрозы и вызовы формируются с процессами глобализации и развиваются параллельно, поэтому нужны новые методы борьбы с ними. В этом русле единственным выходом из сложившейся ситуации является сплочение и объединение усилий государств мирового сообщества.

Мы находимся на стыке соединения цивилизаций и должны иметь особую роль. Это зависит от таланта руководства страны и внешнеполитического ведомства. Именно правильность определения сути и основных направлений внешней политики содействует повышению статуса и авторитета страны на мировой арене.

Литература

1. Внешняя политика. Электронный ресурс. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Внешняя_политика
2. Достижения внешней политики Таджикистана. Электронный ресурс. URL: <https://mfa.tj/ru/main/vneshnyaya-politika/dostizheniya-vneshnei-politiki-tadzhikistana>
3. Концепция внешней политики Республики Таджикистан. Утверждена Указом Президента Республики Таджикистан от 27 января 2015 года, № 332. Электронный ресурс. URL: <http://mfa.tj/?l=tj&cat=109&art=1072>
4. Назриев Д., Саттаров И. Республика Таджикистан: история независимости. Год 1992-й. – Душанбе, 2005. – С.7, 32, 65.
5. Послание Президента Республики Таджикистан, Лидера нации Эмомали Рахмона Маджлиси Оли Республики Таджикистан.

- 22.12.2016 12:06, город Душанбе. Электронный ресурс. URL <http://www.president.tj/ru/node/13747>
6. Рахмон озвучил основные направления внешней политики Таджикистана. URL: <https://tj.sputniknews.ru/asia/20181213/1027708729>
7. Рахмонов Э. Независимость Таджикистана и возрождение нации: в 7 т. Т.1. – Душанбе, 2004. – 358.
8. Рахмонов Э. Таджикистан: четыре года независимости и самосознания. – Душанбе, 1995. –С.79 (на тадж.яз.).
9. Тюрина И.А. Системный подход к изучению взаимосвязи внешней и внутренней политики. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistemnyy-podhod-k-izucheniyu-vzaimosvyazi-vneshney-i-vnutrenney-politiki>
10. Шарипов А.Н. Из истории таджикско-казахстанских взаимоотношений (1991-2006 гг.). –Душанбе: ЭР-Граф, 2012. –С.40.
11. Шарипов А. Фаттоев С. Эмомали Рахмон – поягузори сулх ва вахдати милли. – Душанбе, 2006. –С.129.

ПОЗИТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ *ТАСАВВУФА* КАК ДЕЙСТВЕННАЯ АЛЬТЕРНАТИВА РАСПРОСТРАНЕНИЮ ИДЕОЛОГИИ ПСЕВДОРЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА В РОССИИ И СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Сафаргалеев Ильдар

**заведующий отделом исламских исследований
Институт стран СНГ (РФ, г.Москва)**

Идеология псевдорелигиозного экстремизма стала активно проникать в Россию и Центральную Азию с момента крушения «железного занавеса» с середины 80-х годов прошлого века. Основными проводниками и спонсорами этого процесса стали страны Персидского Залива. Деятельность ближневосточных благотворительных фондов и отдельных миссионеров, массовый отъезд молодежи на обучение в религиозные учебные заведения в указанные страны с последующим возвращением на родину – все это подготовило питательную почву для привнесения политической нестабильности в регион и зарождения террористических и экстремистских организаций, в т.ч. так называемых «спящих салафитских ячеек», которые зримо проявили себя в Казахстане и не только в нем [1].

Экономические и социальные неурядицы, клановость и коррупция создали благоприятную среду для восприятия экстремистской псевдорелигиозной идеологии как ключа для решения всех жизненных проблем.

На этой волне появились такие запрещенные в России и странах Центральной Азии экстремистские организации, как ДАИШ, «Исламское движение Узбекистана» (ИДУ), «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами», «Ихван аль-муслимин» («Братья-мусульмане»), «Акромия», гюленисты, представители сект «Нурджулар» и «Сулейманджи», ваххабитские (салафитские) группировки под различными самоназваниями и другие, которые и в настоящее время, несмотря на их силовое подавление, сохраняют активность и влияние.

Говоря об угрозе духовной безопасности со стороны как запрещенных, так и пока легальных в России и государствах Центральной Азии псевдорелигиозных течений, следует отметить, что наибольшую опасность, с точки зрения экстремизма и террора, представляют последователи ваххабизма, или так называемой салафии.

По мнению директора консультативно-реабилитационного центра «Ансар» из казахстанского Актобе Аскара Сабдина, с которым я полностью солидаризируюсь, одной из основных проблем, мешающих борьбе с этим общемировым «экстремистским трендом» является отсутствие четкого понимания того, что под этим термином понимается, абсолютная тождественность общеупотребительного определения ваххабизма и другого, более редко используемого термина «неджизм».

Это произошло в результате умелого «ребрендинга» экстремистами этих синонимичных понятий. Так, «ранее им удалось, используя эвфемизмы, размыть негативное содержание термина «ваххабизм», и сегодня они используют схожую тактику».

Эксперт отмечает, «что идеологи салафизма и их «наставники» учли все ранее допущенные ошибки и используют самые продвинутые методы манипуляции общественным сознанием в продвижении своей идеологии. Можно сказать, что в случае с салафизмом «окно Овертона» [2] движется, и из немыслимого в недавнем прошлом привело его в актуальную политику и приемлемую норму».

Согласно определению Сабдина современный салафизм (не путать его с каноническим термином «салаф» (первые поколения мусульман)) – «это религиозно-политическое антисистемное течение, сформированное в современном виде Мухаммадом ибн Абд-уль-Ваххабом и другими неждитскими идеологами путем селекции положений учения Ибн Таймии и Ибн аль-Кайима» [3]. Для него характерны «обособленное толкование единобожия и его деление на три вида, впервые сформулированное на основе умозаключения Ибн Таймией, а также чрезмерно широкого понимания понятий «поклонение» и «многобожие». На основе вышеуказанных толкований и спекуляций наблюдаются обвинения окружающих, в том числе мусульман, в неверии, многобожии, заблуждении и новше-

ствах; пропаганда вражды и ненависти; чрезмерная неприязнь к светскости в любой форме и стремление к радикальному теократическому правлению; отрицание местных традиций, обычаев, культуры, государственных и национальных праздников, истории и наследия предков; отрицание правомочности местной религиозной традиции (ханафитского мазхаба, матуридитской акиды, наследия Ходжа Ахмета Яссави и т.п.); крайняя политизация отдельных положений религии, таких как джихад и др.; постоянная критика официального духовенства и государственных органов; оправдание насилия по отношению к тем, кто не согласен с их воззрениями; панарабизм; наделение дилетантов-неофитов полномочиями исламских ученых, распространение принципа охлократии (власть толпы) в исламских науках в частности и в исламе вообще» [3].

В процессе раскрытия или форматирования салафитского «окна Овертона» задействованы широкие слои представителей бизнес-элиты, ангажированных экспертов и чиновников, деятелей научной и творческой интеллигенции и даже силовиков. Делается это в ходе «обсуждения» на многочисленных конференциях, симпозиумах, круглых столах и т.д.

«Во время указанных мероприятий происходят дискуссии на тему умеренности либо радикальности природы салафизма. И все, кто открыто критикует идеологию салафитов и политику уполномоченных органов, связанную с обелением салафизма, непременно подвергаются дискредитации в информационном поле, на популярных сайтах. Салафитская «экспертократия» объявляет их шиитами, хабашитами, сектантами, суфистами, агентами и даже противниками общественной стабильности.

Еще одним шагом в легализации салафизма стало использование тактики «градации», когда салафиты делятся условно на «белых», «серых» и «черных».

Анализ просалафитских материалов в СМИ часто свидетельствует о подмене понятий, использовании эвфемизмов, введении в оборот непереуверенных терминов и имен неизвестных широкой публике лидеров.

Указанное «Окно Овертона» расширяется. В настоящее время фактически «все созидательные силы традиционного ханафитского

мазхаба брошены в «салафитский подвал», под них открыты реабилитационные и прочие центры, призванные дерадикализировать молодежь, так необходимую для создания в общественном сознании «поля боя» [3].

Все это свидетельствует о глобальности тренда по внедрению вируса салафизма в мусульманскую среду. Не случайно он является краеугольным камнем идеологии ДАИШ. Этот проект, очерняющий ислам, дал свои трагические результаты в Ливии, Сирии, Ираке, Нигерии, странах Европы, и на его очереди государства Центральной Азии.

Внешние угрозы, связанные с псевдорелигиозным радикализмом, а также резко усиливающие их внутренние проблемы ряда стран региона с очевидностью свидетельствуют о том, что установившаяся в постсоветский период в Центральной Азии модель светской государственности переживает определенный кризис. Перспективы преодоления этого кризиса различны в разных странах региона и во многом определяются сложившимися особенностями взаимодействия государственных структур и исламской религии [4].

В этом контексте представляет интерес позитивный как исторический, так и современный опыт несилового противодействия идеологии псевдорелигиозного экстремизма. Его краеугольным камнем является развитие мусульманского образования, несущее свет знаний истинного Ислама в соответствии с Грозненской фетвой [5].

Заслуживает внимания и позитивный центральноазиатский опыт. Так, в качестве примера можно привести Киргизию и в целом успешное использование такой эффективной сетевой миссионерской структуры, как движение «Таблиги Джамаат» (запрещена во всех других странах Средней Азии и России), в борьбе с религиозными радикалами. Как пишет киргизский политолог Аман Салиев в статье, посвященной этому движению: «...Уникальность ситуации, связанной с «дагвтистами» в Киргизии, заключается в том, что при их невмешательстве в дела официального духовенства, государственной власти, политики и неконфликтности, они весьма успешно функционировали с начала обретения Киргизией независимости,

при этом неосознанно взяв на себя обязанность исполнять роль «муфтията» в профилактике экстремизма. Именно они не допустили массового вступления мусульман в ряды экстремистских течений, которые получили в свое время распространение в Узбекистане и республиках Северного Кавказа. Такая ситуация сложилась по причине специфики стратегии этого течения. Постоянная работа с населением, периодические поездки в села, абсолютная бескорыстность, простота сделали работу этого движения, наверное, самым популярным среди простых людей, особенно в провинции. Широкое распространение этого движения стало серьезным барьером на пути радикальных течений и западных неохристианских сект. Работа по профилактике экстремизма, которую по существу должен был выполнять официальный муфтият, делалась «дагватистами». При этом сами представители «Джамаат Таблиг» не ставили такой задачи. Они просто в весьма активной форме работали согласно своей доктрине» [6]. И этот опыт в последние годы получил свое развитие в той же Киргизии с назначением на должность муфтия Максатбека Токтомушева. Думается, что практика использования деполитизированной сетевой структуры «Таблиги Джамаат» заслуживает применения и в других среднеазиатских республиках.

Однако наиболее эффективной несиловой основой противодействия распространению экстремистской идеологии является то поистине бесценное духовное наследие Тасаввуфа (суфизма), которое фактически зародилось в Средней Азии. Позитивный опыт его применения как раз и рассмотрен в изданном в начале 2016 года Институтом стран СНГ сборнике «Бесценная духовная традиция» [7].

Тасаввуф представляет собой легитимный раздел исламских знаний, относимых к методике нравственного совершенствования личности. Вместе с тем он является и бесценной культурно-духовной традицией мусульманских народов постсоветского пространства, так как за многие века оставил глубокий след в их обычаях, образе жизни, а также поэзии, прозе, живописи и музыке.

Подтверждают это и другие исследователи, в частности директор Аналитического центра Института международных исследований МГИМО Андрей Казанцев, который в своей статье «Централь-

ная Азия: светская государственность перед вызовом радикального ислама» констатирует: «...Исторически Центральная Азия как часть мусульманского мира характеризовалась развитой исламской наукой (Аль-Хорезми, Аль-Фараби, Бируни и др.), а также высокой суфийской традицией, в том числе мистической поэзией (Аттар, Джамии, Машраб и др.)». По его мнению, именно эти культурные традиции национального ислама являются одной из основных мишеней псевдорелигиозных радикалов, отрицающих национальные формы мусульманской религии и культуры.

В свою очередь, центральноазиатские суфии (прежде всего великий узбекский учитель советского времени М.Хиндустани) активно боролись с распространением ... (салафизма, ваххабизма). Стоит в этой связи отметить, что в древних цивилизационных центрах Центральной Азии, таких как Самарканд и Бухара, в силу высокой традиционной культуры населения, распространение (псевдорелигиозного) экстремизма существенно меньше. Нельзя недооценивать и потенциал традиционной для центральноазиатских народов ханафитской правовой школы. Это – одна из четырех ортодоксальных правовых школ суннизма, в то время как ... (ваххабизм-салафизм) связан с принятой в Саудовской Аравии в радикальной ваххабитской трактовке ханбалитской школой. Развитие традиционного ислама и закрепление ханафитской правовой школы как официально признанной (что, в частности, имело место в Таджикистане) – это один из ресурсов борьбы с радикализмом в рамках «исламского пути развития», – считает Казанцев.

Российский опыт так же свидетельствует об этом. В частности, сейчас практически не вспоминают о печальном и трагическом периоде в новейшей истории России, пережившей две «чеченские» войны, дабы не будить лиха, как говорится. Вместе с тем, «замирить ситуацию» удалось именно благодаря ставке государства на миролюбивый суфизм.

Показателен и позитивный опыт Дагестана, где местный муфтият возглавляет шейх Накшбандийского тариката Ахмад хаджи Абдуллаев.

Кстати, цепь преемственности данной традиции восходит к «духовному королю» российских мусульман Зейнулле Расулеву, кото-

рый в начале 20 века передал ее дагестанцу Сейфулле Кади Башларову. В настоящее время из года в год возрастает интерес к личности и наследию Зейнуллы Расулева. Так, в Челябинской области ежегодно, начиная с 2012 года, проводятся Расулевские чтения [8]. В 2018 году вновь после векового перерыва открылось знаменитое на весь мир его медресе «Расулия» [9]. И совсем недавно, буквально в сентябре 2019 года, на состоявшейся в Институте стран СНГ встрече был учрежден Расулевский клуб, призванный объединить неравнодушных к наследию Зейнуллы ишана религиозных лидеров, отечественных и зарубежных ученых, а также представителей органов государственной власти, всех, заинтересованных в популяризации традиционного понимания ислама на постсоветском и евразийском пространстве в целом [10].

На мой взгляд, реализация данного проекта позволила бы не на словах, а на деле «мирным путем» эффективно противодействовать идеологии псевдорелигиозного экстремизма в России и Центральной Азии [11].

Литература

1. <http://camonitor.kz/24733-v-kakie-odezhdy-ryaditsya-religioznyy-ekstremizm.html>.
2. «Окно Овертона» (также окно дискурса) — концепция, которая названа в честь американского юриста и общественного деятеля Джозефа Овертона. Она означает рамки допустимого с точки зрения общественной морали спектра мнений в публичных высказываниях. URL: <https://camonitor.kz/24733-v-kakie-odezhdy-ryaditsya-religioznyy-ekstremizm.html>
3. Андрей Казанцев. Центральная Азия: светская государственность перед вызовом радикального ислама. URL: <http://www.globalaffairs.ru/valday/Tcentralnaya-aziya-svetskaya-gosudarstvennost-pered-vyzovom-radikalnogo-islama-17959>.
4. «Кто они последователи сунны?» – фетва Всемирной исламской конференции в Грозном [Электронный ресурс] // ИА IslamNews [сайт]. URL: <https://www.islamnews.ru/news->

- [materialy-vsemirnoj-islamskoj-konferencii-v-groznom/](#) (дата обращения: 02.09.2016 г.).
5. Аман Салиев. «Таблиги Джамаат» в Киргизии. URL: <http://www.materik.ru/country/detail.php?ID=10769&print=Y>.
 6. Сафаргалеев И.Ф. Бесценная духовная традиция // Сборник статей. –М.: Изд. Ин-та стран СНГ, 2016. – 174 с. URL: <http://www.materik.ru/institute/library/books/detail.php?ID=22366>.
 7. <http://www.materik.ru/rubric/detail.php?ID=29322>
 8. <http://www.materik.ru/rubric/detail.php?ID=29887>
 9. <http://www.materik.ru/rubric/detail.php?ID=87926>
 10. <http://www.materik.ru/rubric/detail.php?ID=89055>

ПРОФИЛАКТИКА ЭКСТРЕМИСТСКИХ И РАДИКАЛЬНЫХ ВОЗЗРЕНИЙ ПОСРЕДСТВОМ ФОРМИРОВАНИЯ СВЕТСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ И ВЫСОКОЙ НРАВСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ СРЕДИ МОЛОДЁЖИ В ГОСУДАРСТВАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Рахмонов Азизджон Салмонович

**Кандидат исторических наук,
доцент кафедры Зарубежного регионоведения и внешней политики,
директор Центра исследований регионов мира
Российско-Таджикский (Славянский) университет**

Современный мир претерпевает серьёзные изменения не только в сфере экономики, политики, международных отношений, но и в сфере культуры. Однозначно глобализация в своей основе начала влиять и изменять культуру целых народов и цивилизаций на планете. Многие эксперты, учёные, исследователи едины во мнении, что экстремизм и радикализм не привнесены извне и не заложены в генетическом коде человека и человечества, а являются непосредственным ответом на происходящие изменения в социально-экономической, политической, религиозной и гуманитарной сферах. Современная молодёжь, представляя самую активную и мобильную часть человечества, начала вбирать не только положительное и передовое, происходящее в мире, но и всё негативное и радикальное, поступающее через современные инновационные и медиатехнологии, поддаваясь на происходящие тенденции в культурной жизни целых народов. В этой связи, рассматривая проблему экстремизма и радикализма в молодёжной среде, мы хотим обратить внимание на основной фактор профилактики и противодействия через воспитание культуры личности и формирование современного гуманистического мировоззрения среди молодёжи.

Как известно, наши мыслители по-разному интерпретировали культуру и мировоззрение, поэтому постараемся в тезисной форме дать определение и анализ того, как формируется культура личности молодёжи, каким образом и через какие элементы воздейству-

ют на культуру и мировоззрение современной молодёжи, как влияют на её сознание. И главный вопрос, что делать и какие меры необходимо предпринять для профилактики экстремизма и радикализма в молодёжной среде.

Известно, что в современной науке, прежде всего в социологии, наиболее часто нижняя возрастная граница молодёжи определяется между 14-20, а верхняя – между 25-29 годами. В сложившейся практике имеет место увеличение возраста отдельных групп молодёжи, как, например, молодых учёных (до 33-35 лет). Молодёжь как социально-демографическая группа неоднородна по своему составу. В ней выделяются различные слои по возрасту (подростки, юношество), по полу, по видам деятельности (учащиеся, работающие), по месту жительства (городская, сельская) и другие.

Согласно данным Всемирного доклада о положении молодёжи в первом десятилетии 21 века, количество молодых людей (лиц в возрасте от 15 до 24 лет) в мире выросло с 1,15 миллиарда человек (в 1995 г.) до 1,3 миллиарда человек (в 2005 г.). В настоящий момент молодые люди составляют 25 процентов населения мира; 80 процентов молодёжи планеты живут в развивающихся странах. Из них 209 миллионов вынуждены существовать на средства, не превышающие 1,5 доллара США в день, а 515 миллионов довольствуются менее чем 3 долларами США в день. Хотя нынешнее поколение молодёжи является наиболее образованным за всю предыдущую историю человечества, сегодня 113 миллионов детей не посещают школу – цифра, вполне сопоставимая со 130-миллионной группой неграмотных молодых людей современного мира [4].

Таджикистан в последние десятилетия является одной из самых молодых стран, и в процентном соотношении более 70% населения относится к молодому поколению.

Занятость молодёжи является актуальной проблемой для нашего общества и экономики страны, так как 35% населения составляет молодёжь (14-30 лет) и 77% официально зарегистрированных безработных приходится на молодёжь в возрасте 15-29 лет. Около 40% молодёжи считаются не охваченными какой-либо формальной занятостью. Следовательно, с обеспечением занятости молодёжи бу-

дет улучшаться социально-экономическое положение населения и общества в целом [8].

Ф.Ницше считал, что «культура – это лишь тоненькая яблочная кожура над раскалённым хаосом» [1]. По мнению П.Флоренского, «культура – это та верёвка, которую можно бросить утопающему и которой можно удушить своего соседа. Развитие культуры идёт столь же на пользу добра, сколько и на пользу зла. Растёт кротость – растёт и жестокость, растёт альтруизм, но растёт и эгоизм. Дело не происходит так, чтобы с увеличением добра уменьшалось зло; скорее так, как при развитии электричества: всякое появление положительного электричества идёт параллельно с появлением отрицательного. Поэтому борьба между добром и злом не угасает, а обостряется; она и не может кончиться и не может, по-видимому, не кончиться» [1]. Карл Маркс убеждал, что «культура – это мера человечности в человеке» Чарльз Дарвин повторял, что «высочайшая возможная стадия нравственной культуры – когда мы понимаем, что способны контролировать свои мысли» [7]. Индийский мыслитель и величайший писатель, основоположник национальной независимости Индии Рабиндранат Тагор писал: «Я не хочу обносить стенами свой дом или заколачивать свои окна. Я хочу, чтобы дух культуры различных стран как можно свободнее веял повсюду: не надо лишь, чтобы он сбил меня с ног» [7]. Рабиндранат Тагор считал, что новые ветры культуры обязаны обогащать традиционную культуру, но не уничтожать. Поэтому «культура как организованная борьба с природой наделяет человека могуществом, каким некогда были наделены боги; но богоподобие делает человека неудовлетворённым – неудовлетворённым в цивилизации», - считал Поль Рикер [9].

В Декларации прав культуры, разработанной Д.С.Лихачевым указано, что «культура – это сотворённая человеком материальная и духовная среда обитания, всё то, что способствует возвышению человека и гуманизации общества. Культура любого народа определяет его духовную уникальность. Она проявляет его творческие силы и способности, одновременно являясь достоянием всего человечества.

Культура является определяющим условием реализации созидательного потенциала личности и общества, формой утверждения самобытности народа и основой душевного здоровья нации, гуманистическим ориентиром и критерием развития человека и цивилизации. Вне культуры настоящее и будущее народов, этносов и государств лишается смысла. Человек является творцом культуры и ее главным творением» [5]. Николай Рерих убеждал, что культура является историческим достоинством народа. Он пишет: «Культура утверждается в сердце народа и создаёт стремление к строительству. Культура воспринимает все открытия и улучшения жизни, ибо она живёт во всём мыслящем и сознательном. Культура защищает историческое достоинство народа» [2]. Поэтому исследователи в культуре выделяют социальную культуру.

Социальная культура – это сгусток исторического опыта, память многих поколений, запечатлевшая в себе тысячелетний опыт непрерывного воспроизводства социальных связей и отношений, трудовой деятельности и общения людей в конкретных исторических условиях. Будучи органическим элементом общей культуры, всей духовной жизни общества, социальная культура, впитавшая мудрость предшествующих поколений, является мощной силой защиты всего социума, надёжным регулятором взаимоотношений и поведения всех входящих в него субъектов [8].

В современной научной литературе культура, социокультурный фактор рассматриваются и в рамках более широкого понятия – социокультурной сферы, включающей весь социокультурный потенциал общества. Эта сфера, как выражение социокультурной памяти общества, призвана реализовать ряд весьма важных функций: трансляционную функцию (передача из прошлого в будущее социальных ценностей и норм, регулирующих социальное поведение, потребности субъектов, формирующих их представления об уровне и качестве жизни); селекционную функцию (оценка и классификация наследуемых ценностей под углом зрения их места, роли, задач в современном обществе и стоящих перед ним новых целей и проблем развития); инновационную функцию (обновление социальных ценностей и норм с учётом накопленного социального опыта и заимствований всего самого перспективного из других культур) [8].

Если в рамках определения понятий культуры рассмотреть понятие мировоззрение, то в этом выделяется, прежде всего, отношение человека к современному миру и его убеждениям. Так, мировоззрение – это система взглядов на объективный мир и место человека в нём, на отношение человека к окружающей его действительности и самому себе, а также обусловленные этими взглядами основные жизненные позиции людей, их убеждения, идеалы, принципы познания и деятельности, ценностные ориентации. Поэтому формирование мировоззрения у современной молодёжи является основным стержнем правового нравственного и духовного воспитания человека, а также формирования у него правильного представления и восприятия современной культуры. Эксперты выделяют три важные функции культуры: во-первых, мировоззрение даёт ориентиры и цели для человеческой деятельности; во-вторых, она позволяет понять, как лучше достичь намеченных целей; и, в-третьих, позволяет понять, как лучше достичь намеченных ориентиров и целей. Эксперты в области философии и социологии выделяют также следующие этапы в формировании мировоззрения: мироощущение, мировосприятие и миропонимание, на основе которых мир ощущается на чувственных и научных представлениях.

Экстремизм в области культуры направлен на изоляционизм, отрицание и отвержение опыта других культур, резкое непризнание других религий, течений и мазхабов, пропаганду насилия, жестокости, уничтожение исторических памятников. Элементы экстремистского поведения формируются на фоне деформации социальной и культурной жизни общества. Причиной возникновения агрессивного поведения и экстремизма в молодёжной среде может быть снижение жизненного уровня значительной части населения; изменение нравственно-ценностных ориентаций; ухудшение психологического климата в семье; влияние новых религиозных течений и мазхабов и проявление «исламского фактора» или политизации ислама и других религий; активизация националистических и сепаратистских движений; обострение социальной напряжённости среди молодёжи; использование в деструктивных целях психологического фактора среди молодёжи; криминализация ряда сфер обще-

ственной жизни, а также использование сети Интернет в противоправных целях.

Следует отметить, что в настоящее время в РТ действуют разнообразные, порой противоречивые по своим псевдоидеологическим позициям экстремистские организации (группировки) со строгой дисциплиной и иерархией, членами которых являются, в основном, молодёжь. К 2006 г. в Таджикистане официально запрещена деятельность 12 таких экстремистских и террористических организаций: «Аль-Кайда», «Движение Восточного Туркестана», «Исламская партия Туркестана» (бывшее Исламское Движение Узбекистана), «Движение Талибан», «Братья мусульмане», «Армия Тойиба», «Исламская группа», «Исламская организация Пакистана», «Джамаат-таблиг», миссионерская религиозная организация «Движение Таблиг», «Хизб-ут-Тахрир», а также «Свобода Таджикистана» [10]. На современном этапе во всех государствах Центральной Азии существуют более 50 организаций радикального и экстремистского характера, а на пространстве СНГ – более 100 организаций.

Правовую основу противодействия экстремистской деятельности в РТ до принятия Закона РТ «О борьбе с экстремизмом» составляли следующие нормативные правовые акты: Конституция РТ, Закон РТ «О религии и религиозных организациях» от 1 декабря 1994 г. (по состоянию на 12 мая 2001 г.), утративший силу с введением в действие 26 марта 2009 г. нового Закона РТ «О свободе совести и религиозных объединениях», Уголовный кодекс РТ от 21 мая 1998 г. Закон РТ «Об общественных объединениях» от 23 мая 1998 г. (по состоянию на 12 мая 2007 г.), утративший силу с введением в действие 12 мая 2007 г. нового Закона РТ «Об общественных объединениях», Закон РТ «О политических партиях» от 13 ноября 1998 г., Закон РТ «О борьбе с терроризмом» от 16 ноября 1999 г. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июля 2001 г. (в редакции протокола от 5 сентября 2003 г.), Постановление Парламента РТ о ратификации договора о совместных действиях по борьбе с терроризмом, политическим и религиозным экстремизмом, транснациональной организованной преступностью и иными угрозами стабильности и безопасности [10].

Наиболее эффективными формами и средствами социально-культурной деятельности в процессе предупреждения молодёжного экстремизма выступают:

- а) мониторинг уровня экстремистских настроений, социально-экономических проблем молодёжи;
- б) тренинги по толерантности, нацеленные на формирование навыков ведения позитивного диалога, развитие адекватной самооценки, эмпатии;
- в) тематические этноориентированные вечера;
- г) международные творческие фестивали;
- д) научные исследования по профилактике протестных настроений среди молодёжи;
- е) научные конференции [3, с.70].

В современных условиях ключевое значение в профилактике протестных настроений среди молодёжи приобретают именно сфера культуры, транслирующая идеи толерантности, формирующая уважительное отношение к культурным ценностям, традициям и обычаям, не оставляя места для межнациональной или межрелигиозной розни [3, с.71].

В теоретическом и практическом плане профилактика экстремизма как одного из видов асоциального поведения молодёжи подразделяется на первичную и вторичную. Первичная профилактика – это работа по предотвращению притока (рекрутирования) новых членов в экстремистские формирования, иммунизация подростков в отношении экстремизма, привитие антифашистских воззрений; вторичная – профилактическая работа с участниками самих экстремистских формирований [6].

Профилактика экстремизма может быть также представлена в следующих двух измерениях: первое – воздействие на личность, второе – на среду формирования и обитания личности.

В качестве основных направлений и методов работы по профилактике молодёжного экстремизма можно выделить:

- формирование информационной культуры, в том числе создание у подростков иммунитета к экстремизму в СМИ;
- патриотическое воспитание молодёжи;

- формирование неприятия насилия как такового, воспитание толерантности;
- создание негативного образа экстремистских формирований и их лидеров;
- разработка комплекса мероприятий по работе с неформальными молодёжными группировками;
- социальная коррекция морально-этических норм и поведения участников движения, направленная на снижение уровня криминальности и агрессивности всего движения (с использованием сети Интернет и фактора влияния информационных кампаний на субкультуру и морально-этические нормы движения);
- проведение персональной профилактической работы с несовершеннолетними участниками экстремистских группировок, в том числе в форме воспитательного сопровождения [6].

Таким образом, на современном этапе основными направлениями противодействия экстремистской деятельности на пространстве Центральной Азии, которые нашли отражение в нормативно-правовых актах государств региона, являются следующие:

Во-первых, принятие профилактических мер по предупреждению экстремистской деятельности.

Во-вторых, выявление и последующее устранение причин и условий, способствующих осуществлению экстремистской деятельности.

И, в-третьих, выявление, предупреждение и пресечение экстремистской деятельности, общественных и религиозных объединений, иных организаций и физических лиц.

Для современной молодёжи важны также их личностные качества, прежде всего высокая коммуникативная культура, формирование индивидуального образа жизни и своего мировоззрения, формирование деловых качеств, внутренняя устойчивость на морально-психологические нагрузки и самое главное – высокая нравственная и духовная культура. Именно воспитание высокой традиционной нравственной культуры народов Центральной Азии, переходящей из поколения в поколение, не утратили своей важной значимости в формировании мировоззрения молодёжи.

Таким образом, анализируя формирование высокой нравственной культуры личности и светского мировоззрения молодёжи как основной фактор противодействия экстремизму и радикализму в Центральной Азии необходимо обратить серьёзное внимание на меры, пути и формы проведения профилактических и предупредительных работ среди активной части молодёжи и студенчества государств Центральной Азии.

На наш взгляд, на современном этапе необходимо предпринять ряд превентивных мер как профилактической, так и практической работы по использованию потенциала учителей, преподавателей, интеллигенции и молодого подрастающего поколения в развитии и становлении независимой, социально ориентированной экономики всех государств Центральной Азии.

В этой связи важной задачей государства является создание новых рабочих мест для молодёжи.

Весьма важным направлением комитетов по молодёжной политике, союзов молодёжи, местных органов власти является организация различных центров молодёжи, спортклубов, организация ДЮСШ, создание мини-стадионов и спортивных площадок, Центров творчества молодёжи и детей, организация встреч и бесед по актуальным проблемам, возникающим в обыденной жизни среди молодёжи и подрастающего поколения.

Необходимо подготовить методические рекомендации и проводить беседы и встречи с целью профилактики экстремизма и терроризма в молодёжной среде. Разработать и распространить для преподавателей, учителей, классных руководителей, кураторов групп, участвующих в обучении и воспитании подрастающего поколения, «Основы противодействия терроризму и экстремизму в молодёжной среде».

Совместно с молодёжью решать возникающие проблемы, неординарные ситуации в группах, классах, в школах, в вузах.

Разработать в каждом вузе и учебном заведении комплексный план по профилактике экстремизма и радикализма в молодёжной и студенческой среде. Внедрить в вузах, средне-специальных учебных заведениях специальные курсы по противодействию экстремизму и терроризму.

Организовать республиканский конкурс под названием «Самый лучший район» «Самый лучший город», где лучше всего осуществляется молодёжная политика и поставлена работа среди молодёжи.

Во всех областных Центрах и больших городах построить и организовать «Центры культуры и моды» по разработке и внедрению лучших национальных традиционных костюмов для молодых с возможностью проведения республиканских конкурсов одежды для молодёжи Таджикистана. Целевая установка центров и конкурсов состоит в пропаганде лучшей одежды таджиков, ограждение молодёжи страны от чуждых религиозных одеяний и пропаганда традиционных национальных и современных таджикских костюмов среди других стран и народов зарубежных стран. Организация в Таджикистане международного конкурса современных костюмов и национальной одежды стран Азиатского региона (материка) под названием «Фарханги либос ва фарханги либоспуши» («Культура одежды и культура ношения одежды»).

С целью проведения единой агитационно-пропагандистской работы и культурного воспитания молодёжи организовать специальные программы на телевидении, рубрики по радио, воспитывающие чувства любви и уважение, чувства патриотизма, дружбы, братства, толерантности. Целевая установка – оградить молодёжь от этноэгоистических, этнонационалистических, этношовинистических чувств и предрассудков.

Обратить внимание на стремление каждого молодого гражданина страны к приобретению достойных знаний и познанию современного окружающего мира. Культ знания и любовь к Родине, к матери и к родителям должны быть превыше всего.

Однозначно, что со временем при совместных усилиях и принятии превентивных мер, активном проведении профилактической работы среди молодёжи, при решении социально-экономических проблем, направлении интересов молодёжи в позитивное русло, при активной работе по подготовке достойных и целеустремлённых молодых кадров, духовному возрождению народов Центральной Азии проблема радикализма и экстремизма в молодёжной среде найдёт своё решение. Самое главное, не надо забывать, что национальное единство и национальное саморазвитие, самосовершен-

ствование достигаются лишь в случае укрепления основ любви и уважения не только к своей традиционной культуре и своей этнической идентичности, но и уважения к другим культурам, религиям, мировым цивилизациям, толерантного отношения к представителям всех наций и народностей, проживающих и работающих во всех государствах Центральной Азии.

Литература

1. Афоризмы и цитаты о культуре. URL: <http://cityty.su/aforizmy-i-cityty-o-kulture>
2. Высказывания и афоризмы о культуре. URL: <http://cultinfo.ru/year-of-culture/index.php?id=6>
3. Григорьева Е.И. Роль социально-культурных технологий в профилактике ксенофобии среди молодёжи // Культура, искусство, образование в информационном пространстве третьего тысячелетия: проблемы и перспективы: сб. науч. тр. фак-та искусств и социокультурной деятельности РГСУ. – М., 2016.
4. Данные Всемирного доклада о положении молодёжи в первом десятилетия 21 века // Таджикистан и современный мир. – Душанбе, 2015. – №3 (46). – С.54-62. URL: <http://cultinfo.ru/year-of-culture/index.php?id=12>; Сборник «Рынок труда в Республике Таджикистан»
5. Из Декларации прав культуры Д.С.Лихачева. URL: <http://cultinfo.ru/year-of-culture/index.php?id=6>
6. Киселев Ю.В., Кисляков П.А. Информационные угрозы экстремизма в отношении детей и молодежи. URL: <http://natural-sciences.ru/ru/article/view?id=30162> (дата обращения: 13.09.2018). В издании: Киселев Ю.В., Кисляков П.А. Информационные угрозы экстремизма в отношении детей и молодежи // Успехи современного естествознания. – 2012. – № 5. – С.107-108.
7. Культура. URL: <http://moudrost.ru/tema/kultura.html>
8. Культура и социальная культура. URL: <http://5fan.ru/wievjob.php?id=63866>

9. Миралиён К.А. Приоритеты государственной молодёжной политики в Республике Таджикистан // Вестник Таджикского национального университета. – Душанбе, 2014.
10. Мудрость и культура. URL: <http://moudrost.ru/tema/kultura.html>
11. Рахмонов А.С. Нормативно-правовые основы противодействия терроризму и экстремизму в Республике Таджикистан. – Душанбе, 2016.

ТАДЖИКСКО-РОССИЙСКОЕ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ НЕТРАДИЦИОННЫМ УГРОЗАМ БЕЗОПАСНОСТИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Рахмонов Азизджон Салмонович

**Кандидат исторических наук,
доцент кафедры Зарубежного регионоведения и внешней политики,
директор Центра исследований регионов мира
Российско-Таджикский (Славянский) университет**

Современная ситуация в мире и новые мировые тенденции подтверждают тезис о том, что изменение в области обеспечения безопасности и поддержания стабильности будет являться краеугольным камнем внешнеполитической деятельности всех государств, в частности государств Евразийского пространства, государств-членов ШОС и ОДКБ.

Одним из первых таких институтов в области безопасности на постсоветском пространстве стало Содружество независимых государств, учреждённое Беловежскими соглашениями 8 декабря 1991 года. Среди основных целей Содружества фигурируют такие, как сотрудничество в обеспечении международного мира и безопасности, достижение всеобщего и полного разоружения, мирное разрешение споров и конфликтов между государствами-участниками организации, борьба с организованной преступностью, а также сотрудничество в области оборонной политики и охраны внутренних и внешних границ.

На Евразийском пространстве три региональные и международные организации успешно функционируют в области обеспечения безопасности и военно-политического и военно-технического сотрудничества – это СНГ, ОДКБ и ШОС. Военно-политическое сотрудничество осуществляется в рамках встреч и деятельности Совета глав-государств, Совета коллективной безопасности, Совета глав правительств, Совета министров обороны, Совета министров иностранных дел, Совета командующих пограничными войсками, а

также в формате деятельности региональных антитеррористических структур (см. табл.).

Органы управления организаций

СНГ	ОДКБ	ШОС
Совет глав государств	Совет коллективной безопасности (состоит из глав государств)	Совет глав государств
Совет глав правительств	–	Совет глав правительств
Совет министров иностранных дел	Совет министров иностранных дел	Совет министров иностранных дел
Совет министров обороны	Совет министров обороны	–
–	–	Совет национальных координаторов
Антитеррористический центр (г. Москва)	–	Региональный антитеррористический центр (г. Бишкек)
Совет командующих пограничными войсками	–	Совет командующих пограничными войсками
–	Комитет секретарей советов безопасности	–

В 2004 году на саммите СНГ в Астане (Казахстан) было принято решение реформировать структуры СНГ, в частности создать Совет безопасности СНГ по борьбе с терроризмом. В настоящее время в рамках СНГ существуют две параллельные коллективные военные структуры. Одна из них – Совет министров обороны СНГ, созданный в 1992 году для выработки единой военной политики, при котором существует постоянный секретариат и Штаб по координации военного сотрудничества СНГ (ШКВС). И вторая – Организация Договора о коллективной безопасности, в рамках которой были созданы коллективные силы быстрого реагирования (КСБР), а также коллективные силы оперативного реагирования. Оборонной структурой также является Объединённая система ПВО СНГ. Ежегодно в рамках ОДКБ проводятся совместные оперативно-стратегические учения под кодовым названием «Боевое братство». КСБР были образованы в 2001 году, а КСОП были сформированы в 2009 году. Задачами КСБР является отражение военного нападения или агрессии и организация проведения контртеррористических операций, а задачами КСОП является оперативное реагирование на различные вызовы и угрозы безопасности членам Организации Договора о коллективной безопасности. В процессе становления, формирова-

ния и полноценной деятельности Коллективные авиационные силы (КАС) ОДКБ, а также Центра кризисного реагирования и согласования Стратегии коллективной безопасности государств-членов ОДКБ.

В СНГ существует три проекта обеспечения безопасности в регионе Центральной Азии. Они включают в себя единую систему ПВО, миротворческую деятельность и Антитеррористический центр СНГ. Между тем Региональная антитеррористическая структура также была создана и в ШОС, а в рамках ОДКБ действует общая система ПВО. 15 мая 1992 г. был подписан Договор о коллективной безопасности, который был переименован в Организацию Договора о коллективной безопасности в 2003 году.

За прошедшие 27 лет дипломатических отношений подписано более 270 договоров и соглашений, треть из которых связаны с военно-политической, военной и военно-технической составляющей межгосударственного сотрудничества между РФ и РТ. В ходе недавнего государственного визита Президента РТ Эмомали Рахмона (16-17 апреля 2019 года) было также подписано 17 межправительственных и министерских соглашений.

Во время своего визита в Россию Президент нашей страны Эмомали Рахмон, подчеркнул, что «Таджикистан и Россию объединяют общие интересы в сфере безопасности, в вопросах борьбы с глобальными угрозами, в том числе с терроризмом, экстремизмом, распространением наркотиков, с проявлением религиозного радикализма, транснациональной организованной преступностью. В решении этих проблем, отметил он, Россия и Таджикистан – союзники». Он указал на необходимость уделить особое внимание в сложившейся ситуации вопросам сотрудничества в сфере обороны и безопасности.

Особую актуальность, по его словам, приобретает военное и военно-техническое сотрудничество наших стран. «Крупнейшая за рубежом 201-я российская военная база является важнейшим компонентом в системе коллективной безопасности в регионе», – подчеркнул Президент Таджикистана». «Общими усилиями в обозримом будущем мы достигнем на этом поприще целей, в том числе при активном участии парламентариев. Таджикистан и Россия –

надёжные партнёры, и межпарламентские связи являются важным аспектом всего комплекса двусторонних отношений» [1]. Развитие отношений стратегического партнёрства – безусловный приоритет внешней политики Таджикистана. За 28 лет мы никогда не меняли свою позицию в отношении своего стратегического партнёра, - заявил Эмомали Рахмон. Он убеждён, что общими усилиями две страны достигнут в обозримом будущем намеченных целей на поприще взаимовыгодного сотрудничества, в том числе при активном участии парламентариев [1].

В этой связи Республика Таджикистан в 2015 году в новой редакции Концепции внешней политики РТ чётко обозначила место Таджикистана в системе международных отношений, где во втором разделе указывается: «Реалии второго десятилетия XXI века подтверждают, что развитие международных отношений все ещё находится на переходном этапе, и система многополярного мира только формируется. В геополитическом ландшафте современного мира происходят глубинные политические и экономические изменения, которые чреватны трансформацией системы международных отношений» [3].

При этом также указывается, что «всевозрастающий процесс глобализации признается как самый важный характерный признак современности. Этот процесс, наряду с содействием тесному взаимодействию между народами и странами и формированием всеохватывающей системы политико-экономических и научно-культурных контактов между ними, может вызвать нежелательные последствия, такие как усиление разницы между развитыми и отсталыми странами, возрастание прессинга на национальные и культурные ценности народов и т.д. Более того, при непосредственном влиянии глобализационных процессов проблемы, вызовы и угрозы современности также приобрели глобальный характер и превратились в фактор беспокойства для человеческой цивилизации. Эти вызовы и угрозы группируются следующим образом:

- нестабильное и неравномерное экономическое развитие, усиление конкуренции за выход на мировые рынки и стратегические ресурсы, углубление финансово-экономических кризисов;

- рост международного терроризма, контрабанды наркотиков и оружия, транснациональной организованной преступности;
- распространение политического и религиозного экстремизма, этнического и расового противостояния, цивилизационной и идеологической конфронтации;
- внутригосударственные и региональные конфликты, фанатизм и этнический и расовый сепаратизм, эскалация политической напряжённости в различных регионах мира;
- усиление демографических проблем, нищеты и бедности, безработицы и массовой неконтролируемой миграции;
- нехватка или недостаточность жизненно важных материальных ресурсов, прежде всего воды и продовольствия;
- изменение климата, экологические и санитарно-эпидемиологические проблемы» [3].

Республика Таджикистан определила перечень не только современных вызовов и угроз, но и потенциально опасные угрозы, которые могут серьёзно повлиять на национальные интересы страны, с учётом современных региональных факторов:

- ввиду своего географического расположения, нахождение Республики Таджикистан в орбите геополитических интересов современного мира;
- близость Таджикистана к конфликтогенным регионам, источникам проявлений терроризма, учебным центрам экстремистов и зонам производства наркотиков;
- расширение в регионе деятельности террористических группировок и экстремистских партий и движений;
- возможность использования территории страны для трансграничной контрабанды наркотиков и распространения экстремистской идеологии;
- неразрешённость вопросов делимитации и демаркации границ между странами региона и возможность возникновения конфликтов между этносами и народами региона;
- наличие различного рода препятствий на пути эффективной интеграции в регионе, свободного передвижения людей, беспрепятственного движения товаров и услуг;

- отсутствие действенного сотрудничества в рациональном использовании водно-энергетических ресурсов региона;
- обострение демографических и экологических проблем в регионе и возможное их использование для создания напряжённости в обществе.

Поэтому подчёркивается, что «Внешняя политика Республики Таджикистан будет разрабатываться и осуществляться с учётом существующих глобальных вызовов и угроз и упомянутых региональных факторов» [3].

После обретения Таджикистаном независимости Россия приняла самое активное и деятельное участие в становлении национальных силовых структур. Пик российско-таджикского военного сотрудничества пришёлся на начало 90-х гг., когда в Таджикистане началась гражданская война (1992-1996 гг.). Основная нагрузка по поддержанию в тот период таджикских силовых структур и обеспечению успеха мирного процесса легла во многом именно на РФ.

В 1993 г. в соответствии с решением Совета глав государств-участников СНГ были созданы Коллективные миротворческие силы (КМС) в Таджикистане, основу которых составила российская 201-я мотострелковая дивизия. Таким образом, Россия стала своего рода гарантом поддержания мира в Таджикистане и недопущения эскалации напряжённости в регионе в целом, особенно учитывая перманентную военно-политическую нестабильность соседнего Афганистана. После расформирования КМС в 2000 году между Москвой и Душанбе было достигнуто соглашение о сохранении на территории Таджикистана российской военной группировки в составе 201-й мотострелковой дивизии и ряда частей обеспечения.

С целью отработки алгоритма совместных действий ВС России и Таджикистана на регулярной основе проводятся учения на таджикском полигоне Ляур (20 км севернее Душанбе) с привлечением подразделений из состава 201-й российской военной базы и таджикской армии.

За период 1993-2007 гг. в военных вузах России прошли обучение и получили офицерские звания более 500 граждан Таджикистана. Около 50 старших офицеров закончили курсы совершенствования профессиональной подготовки при военных академиях, в том

числе Академии ГШ ВС России. За последние 10 лет более 1000 военных прошли обучение в РФ.

В настоящее время на территории Таджикистана на договорной основе дислоцируется значительный российский воинский контингент, в состав которого входят более 10 воинских частей и подразделений различных родов войск.

• 201-я военная база (бывшая 201-я мотострелковая дивизия). В состав базы входят:

- управление 201-й мотострелковой дивизии, 92-й мотострелковый полк, 998-й самоходно-артиллерийский полк, 1098-й зенитно-ракетный полк, 783-й отдельный батальон разведки и радиоэлектронной борьбы, 1058-й центр связи, 212-й и 252-й отдельные батальоны связи, 295-й отряд психологических операций, ряд других вспомогательных подразделений; место дислокации указанных частей – г. Душанбе;

- 191-й мотострелковый полк; место дислокации – г. Курган-Тюбе;

- 149-й мотострелковый полк; место дислокации – г. Куляб, перебазируется.

670-я авиационная группа и 303-я отдельная вертолётная эскадрилья. Место дислокации – аэродром г. Душанбе. Подразделения предназначены для оказания воздушной огневой поддержки российским подразделениям и частям таджикских ВС в случае боевых действий на территории Таджикистана.

В тезисном порядке остановимся на политико-правовых основах военно-политического сотрудничества Республики Таджикистан с Российской Федерацией. Постараемся раскрыть сущность некоторых основных договоров и соглашений. Основу военно-политического сотрудничества между РФ и РТ составляет Договор между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан о сотрудничестве в военной области, который был ратифицирован постановлением Верховного Совета РФ от 15 июля 1993 года №5444-1 [2]. В статье 1 Договора отмечается, что «стороны будут сотрудничать в военной области с учётом принятых в обоих государствах решений о создании собственных вооружённых сил. При этом они исходят из того, что формирование собственных вооружённых сил

посредством реформирования Вооружённых Сил бывшего Союза ССР требует для решения всех вопросов на взаимоприемлемой основе переходного периода, в течение которого будет завершено создание собственных вооружённых сил Сторон, определён статус всех воинских формирований и военных объектов на территориях Сторон» [2].

В статье 3 Договора указывается, что «Воинские формирования Вооружённых сил Российской Федерации, временно находящиеся на территории Республики Таджикистан, кроме функций обеспечения безопасности Российской Федерации, обеспечивают совместно с Вооружёнными силами Республики Таджикистан безопасность Республики Таджикистан по ее границе с государствами, не являющимися участниками Содружества Независимых Государств» [2].

Второе важное Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан о статусе и условиях пребывания российской военной базы на территории Республики Таджикистан, который состоит из 26 статей, было ратифицировано Федеральным законом РФ от 7 мая 2013 года №68-ФЗ. Настоящее Соглашение заключено на срок 49 лет и автоматически продлевается на последующие 5-летние периоды, если ни одна из Сторон не позднее чем за один год до истечения первоначального или любого последующего периода его действия не направит другой Стороне письменное уведомление о своём намерении прекратить его действие.

В срок действия настоящего Соглашения включается период пребывания воинских формирований Российской Федерации на территории Республики Таджикистан в соответствии с Договором между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан о сотрудничестве в военной области от 25 мая 1993 г., то есть период пребывания определяется сроком до 2042 г. [6]

Третьим важным соглашением между государствами СНГ явилась Концепция военного сотрудничества государств-участников Содружества Независимых Государств до 2020 г. Утверждена Решением Совета глав государств Содружества Независимых Государств от 16 октября 2015 г. [4]. Концепция военного сотрудничества государств-участников Содружества Независимых Государств (далее – Концепция) представляет собой совокупность согласован-

ных взглядов на цели, задачи, содержание и направления дальнейшего развития многостороннего военного сотрудничества.

Военное сотрудничество направлено на сохранение добрососедских отношений, углубление мер доверия, развитие национальных вооружённых сил, обеспечение совместной и национальной безопасности государств-участников Содружества Независимых Государств на основе широких партнёрских отношений.

Под партнёрскими отношениями в области военного сотрудничества понимается конструктивное взаимодействие государств-участников СНГ в военной сфере по направлениям и вопросам, представляющим взаимный интерес и обеспечивающим достижение национально значимых целей.

Международно-правовую основу Концепции составляют общепризнанные принципы и нормы международного права, положения основополагающих документов СНГ, в том числе военные аспекты Концепции дальнейшего развития Содружества Независимых Государств, определяющие важность сохранения и укрепления имеющихся направлений военного и военно-технического сотрудничества, а также необходимость развития новых перспективных направлений многостороннего взаимодействия [4].

Достаточно ёмко их охарактеризовал Президент Российской Федерации В.В.Путин в ходе встречи с Президентом Республики Таджикистан Э.Рахмоном в Сочи 6 февраля 2014 г. в преддверии зимней Олимпиады: «Таджикистан для нас – один из приоритетных, безусловно, стратегических партнёров». В аналогичном ключе высказался и Э.Рахмон в своём послании к парламенту Таджикистана 23 апреля 2014 г., подчеркнув, что содержание и характер наших двусторонних отношений определяют не только наши геополитические интересы и экономический прагматизм, но и духовно-культурные предпосылки и многообразные человеческие связи [5]. От того, насколько надёжно охраняется таджикско-афганская граница, в значительной мере зависит безопасность России, поэтому мы рассматриваем ее как нашу общую границу в рамках зоны ответственности ОДКБ [5].

Практическое воплощение военно-политического сотрудничества можно осветить в следующих исследованиях, но нужно при-

знать, что их реализация оказывает очень положительное влияние на ситуацию безопасности и стабильности в Центральноазиатском регионе, в частности в Республике Таджикистан.

Мы и прежде отмечали в своих докладах и статьях, что в последние годы следующие внешние угрозы непосредственно начали влиять на национальную и региональную безопасность государств Центральноазиатского региона.

- Во-первых, это незаконный оборот наркотиков, наркоэкспансия, или наркоугроза.

- Во-вторых, незаконные вооружённые формирования, радикальные и террористические организации, идеологическое противостояние и идеологические диверсии.

- В-третьих, увеличение количества незаконного стрелкового оружия на Среднем и Ближнем Востоке, незаконная торговля оружием, проблема контроля над стрелковым вооружением и боеприпасами и возможность их переправки в ЦАР.

- В-четвёртых, сильнейшая информационная война и информационно-психологическая обработка молодёжи в РТ и в государствах Центральной Азии. В рамках проведения информационной войны выделяется сегмент дискредитации политического руководства государств Центральной Азии, не только Правительств, но и первых лиц государства, что направлена на выполнение определённых тактических задач и чревато попыткой дестабилизации в странах региона.

- В-пятых, нарастают первые признаки финансово-экономического кризиса, который начал серьёзно затрагивать не только США, западные страны, но и постепенно заволакивает страны Евразийского пространства. В основе этого процесса будут выделяться не только жёсткая конкуренция в денежной (монетарной) политике, но и определённые трудности в получении зарубежных инвестиций странами Центральной Азии. Общество в государствах Центральной Азии беспокоит вопрос о новой мировой валюте и будущие прогнозы в отношении американского доллара.

Современная ситуация как в самом Афганистане, так и в области региональной безопасности на Среднем Востоке выражается в трёх негативных и опасных тенденциях, которые могут угрожать не

только региону, но и за пределами этого региона, в частности государствам Центральной, Восточной и Южной Азии по периметру этого большого геополитического и регионального пространства.

Во-первых, Афганистан может превратиться во второй центр международного терроризма, в этой стране заново возрождается радикализация всех сторон общественно-политической жизни, всё более ухудшается социально-экономическое положение с возможностью апробирования сирийского варианта конфликта.

Во вторых, Исламская Республика Иран втягивается в серьёзное противостояние с Западом, в частности с США, в связи с выходом этой страны из договорённостей по ядерной энергетике ИРИ. Начались серьёзные взаимные нападки двух стран – Ирана и США на фоне объявления некоторых их вооружённых формирований международными террористическими организациями.

В-третьих, происходит расширение сети радикальных и террористических организаций в Афганистане, в частности боевых формирований ИГИЛ. По заявлениям силовых структур Афганистана, в стране начала активно действовать 21 радикальная и террористическая организация. Происходит накапливание и расширение жизненного пространства формирований ИГИЛ в приграничных районах Севера Афганистана с возможностью влияния на Таджикистан, Узбекистан и Туркменистан.

Поэтому один из главных вопросов остаётся открытым – будут ли предприняты попытки перехода формирований ИГИЛ и террористических организаций через южные границы СНГ и попытка дестабилизации ситуации в государствах Центральной Азии, на пространстве ОДКБ и ШОС? Какие меры необходимо предпринять для ограждения и противодействия этим угрозам? Основные мирные меры мной были озвучены на предыдущем круглом столе в 12 тезисах об установлении мира и стабильности в Афганистане. Эти тезисы нашли отражения в СМИ и периодической печати в России и в Таджикистане.

Каковы перспективы и какое влияние имеет Афганистан на безопасность Центральной Азии? Сформулируем их:

- первое, и самое опасное, концентрация большого количества вооружений в Афганистане;

- второе, незаконный оборот наркотиков и увеличение посева плантаций мака и одурманивающих средств;
- третье, концентрация большого количества радикальных и террористических организаций (21 организация)
- четвертое, усиление противостояние геополитических игроков и региональных держав, имеющих свои интересы в Афганистане;
- пятое, возможность распространения вирусных и бактериологических компонентов различных биологических инфекций в Афганистане и в государствах Центральной Азии, возможно и в Восточной Азии;
- шестое, слабость политической власти, усиление противостояния противоборствующих сторон и всё большее проявление контура борьбы между четырьмя силами «Правительство – Талибан – ИГИЛ – Различные радикальные организации»;
- седьмое, нарастающие тенденции и угрозы распада Афганистана на более мелкие государственные образования и продолжения афганского конфликта на долгие десятилетия. Некие серьёзные внешние силы начали апробировать сценарий раздела Афганистана.

В связи с вышеизложенным определим некоторые приоритеты, выводы и предложения РТ для укрепления мира и стабильности в ЦАР.

Таджикистан, как и прежде, уделяет первоочередное внимание следующим основополагающим направлениям:

Первое, что концептуально важно: в Таджикистане считают стратегическое партнёрство и союзнические отношения с Российской Федерацией главным лейтмотивом военно-политического, экономического и гуманитарного сотрудничества.

Второе: РТ рассчитывает, что будут реализованы принятые решения об оказании помощи нашей стране по укреплению таджикско-афганской границы. Границу можно и нужно укреплять. Всё, что сделано в этих рамках, пока не достаточно.

Третье: государствам-членам ОДКБ необходимо обратить внимание не только на материально-техническое, военно-техническое перевооружение таджикских силовых структур и пограничных войск, но и на подготовку кадров в области современных информа-

ционных технологий и инноваций, военных кадров ПВО, ракетных войск, специалистов в области химической и бактериологической защиты населения. События в Сирии и использование боевиками ИГИЛ химического оружия в Сирии и даже в Афганистане - это тревожный сигнал для мирового сообщества.

Четвёртое: необходимо активное взаимодействие с ИГА и его силовыми и правоохранными структурами, ВС, МВД, агентствами и комитетами, пограничными службами, органами безопасности, что было сделано Таджикистаном и отдельными государствами ЦА по противодействию и борьбе с НОН, НОВ, ТПГ и т.п.

Пятое: в рамках ШОС, ЕЭС рассмотреть возможность оказания Таджикистану инвестиционной поддержки для кардинального решения проблемы энергетической безопасности и возможности подключения в перспективе к единой энергетической системе и развития промышленного потенциала и аграрного сектора. Необходим серьёзный прорыв в области индустриализации страны и обеспечении населения и мигрантов новыми рабочими местами.

Шестое: до подготовки соответствующих окончательных документов и рассмотрения возможных плюсов и перспектив для принятия решений в связи с вступлением РТ в Таможенный союз и ЕЭС упорядочить миграционную политику в отношении таджикских трудовых мигрантов и обеспечить их полноценное использование в трудные кризисные годы Россией и Таджикистаном.

Весьма отраднo, что некоторые рекомендации, предложенные в моих статьях и докладах на международных и республиканских конференциях, на круглых столах, нашли практическое воплощение в рамках межгосударственного двустороннего и многостороннего сотрудничества Российской Федерации с Республикой Таджикистан. Это обнадеживает.

Вместе с тем, повторяю архиважным вопросом, решать который нас заставляет сама жизнь и современные реалии, – это выработка эффективных мер и создание действенных механизмов, которые позволили бы надёжно прикрыть каналы вербовки наших граждан в ряды террористических, экстремистских и радикальных

организаций, а также в качестве слушателей сомнительных учебных религиозных заведений.

Главный вывод из всего сказанного и из процессов и тенденций, происходящих в различных регионах мира, состоит в том, что ни одно государство в ближайшие годы не может обеспечить себе стабильность, и спокойствие и безопасность иначе, чем в составе единого регионального пространства и более масштабного интеграционного объединения и союза по созданию единой системы коллективной безопасности на Евразийском пространстве. Современные мировые процессы и тенденции отличаются тем, что в десятки и сотни раз быстрее воплощают в жизнь, в обществах, в государствах основы и законы исторического и диалектического материализма. Нужно опережать время и идти на кардинальные перемены в межгосударственных отношениях на Евразийском пространстве.

«Поэтому, как и раньше, - подчёркивает Президент Эмомали Рахмон, - мы приложим все усилия для того, чтобы наш регион был регионом дружбы, сотрудничества, партнёрства и взаимопомощи. В этом плане опора на коллективные меры и действенное сотрудничество с проверенными и надёжными стратегическими партнёрами, как и прежде, будет составлять основное содержание внешней политики Таджикистана».

В этой связи государствам Содружества Независимых Государств, государствам-членам ОДКБ и ШОС так же, как и Евразийскому Экономическому Союзу, необходимо будет принять ряд совместных мер кардинального и масштабного характера для прорыва в проведении социально-экономических реформ, развития экономики и обеспечения коллективной безопасности в ближайшие 5-10 лет.

Литература

1. Встреча Э.Рахмона с В.Влодиным. URL: <http://duma.gov.ru/news/44579/>
2. Договор между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан о сотрудничестве в военной области от 1993 г. URL: <http://old.lawru.info/base84/part5/d84ru5451.htm>
3. Концепция внешней политики Республики Таджикистан. URL: <http://mfa.tj/?l=ru&art=1072>
4. Концепция военного сотрудничества государств-участников Содружества Независимых Государств до 2020 г. URL: <http://mil.ru/smosng/about/concept2020.htm>
5. Россия-Таджикистан: отношения дружбы и стратегического партнёрства. 14:46 23.08.2014. Игорь Лякин-Фролов, Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в Республике Таджикистан. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/11974>
6. Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан о статусе и условиях пребывания российской военной базы на территории Республики Таджикистан. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902383806>
7. Эмомали Рахмон назвал стратегическое партнёрство с Россией приоритетом политики Таджикистана. URL: <https://dumatv.ru/news/rahmon-nazval-strategicheskoe-partnerstvo-s-rf-prioritetom-politiki-tadzhikistana>

ОНЛАЙН-РАДИКАЛИЗАЦИЯ МОЛОДЕЖИ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И МЕРЫ ЕЁ ПРЕСЕЧЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН)

Мирвайсов Мамуржон Суфиевич

**Старший научный сотрудник
Институт по изучению проблем государств Азии и Европы
АН Республики Таджикистан**

С учетом нынешней геополитической обстановки, а также с ростом числа террористических и экстремистских организаций в регионе, использование ими возможностей глобальной сети и современных технологий по привлечению молодежи в свои ряды повысило степень актуальности указанной проблемы.

Рост угрозы стабильности стран Центральной Азии вызывает острую необходимость выработки эффективных мер по противодействию радикализации молодежи посредством интернет-технологии, которая в основном практикуется через интернет. С учетом увеличения сайтов, видеороликов, онлайн-сообществ террористического характера, повышения медиаграмотности и уровня информационной культуры молодежи, правильное восприятие и истолкование целенаправленных, специально созданных медиаконтентов является одной из приоритетных задач современного общества.

Следует отметить, что Интернет превратился в неотъемлемую часть жизни молодежи, тем самым предлагая широкий спектр новых возможностей для общения, развлечений и образования. Однако для террористов, экстремистов и приверженцев радикальных организаций Интернет стал основным средством пропаганды, средством вербовки и подготовки «новобранцев», а также платформой для создания глобальных онлайн-сообществ, целью которых является распространение радикальных взглядов [8].

Отмечается также фактор «самовербовки», когда мышление пользователей глобальной сети в результате фиксированной обра-

ботки радикализуются, в результате чего они сначала симпатизируют, далее активно ищут контакты с представителями экстремистских и террористических структур.

Общеизвестно, что кроме радикальных группировок, террористических и экстремистских организаций, есть заинтересованные силы, которые содействуют этим организациям, и далеко не всегда субъектом этой подрывной деятельности выступают медиаресурсы радикальных и террористических организаций. Анализ показывает, что в отношении государств региона и партнеров ведется открытая информационная война, а радикализация наших граждан во многом является прямым результатом внешнего воздействия.

На данный момент можно уверенно говорить об экстремизме и терроризме как о политических и социальных взаимосвязанных явлениях, и направленных на дестабилизацию целых государств и даже региона.

Интернет, или онлайн радикализация молодежи, представляет собой быстро расширяющееся явление, которое требует принятия активных и скоординированных ответных мер со стороны государств региона, так как для привлечения молодежи к террористическим группам или внушения им встать на этот путь с использованием Интернета не существует национальных и административных границ [1].

В Таджикистане в настоящее время насчитывается около трех миллионов пользователей Интернета, большинство из которых вольно или невольно получают доступ к материалам экстремистского характера.

Республика Таджикистан последовательно реализует долгосрочную стратегию, направленную на искоренение радикализма и экстремизма в рамках «Национальной стратегии по борьбе с терроризмом и экстремизмом на 2016-2020 гг.». Стратегия нацелена на тщательный анализ факторов и тенденций в сфере экстремизма и радикализации в обществе, ведущих к терроризму на территории страны.

На первом этапе ответственными государственными структурами разработаны справочники об экстремистских и террористических организациях, включая их полный перечень, идейные плат-

формы, описание различных методов вербовки и примеры организованных ими терактов.

В рамках Национальной концепции выпущены брошюры, созданы несколько интернет-сайтов на таджикском и русском языках, посвященные вопросам предупреждения и борьбы с радикализмом и экстремизмом. Разработаны и распространены бесплатные информационные пособия, постоянно ведутся просветительские лекции и семинары на тему "Ислам против террора", освещающие гуманистические идеи Корана и Сунны. Одним из основных пунктов является предупреждение экстремизма и формирование культуры толерантности в религиозной среде.

Проводится определенная работа по выявлению и блокировке сайтов, распространяющих экстремистские материалы, усиливается работа по созданию антиэкстремистских веб-сайтов.

Решением Верховного Суда Республики Таджикистан от 15 апреля 2015 года 16 организаций признаны террористическими и экстремистскими и их деятельность запрещена на территории страны.

МВД и ГКНБ РТ являются основными субъектами противодействия экстремистской деятельности, на них возложены функции по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений экстремистской направленности.

В настоящее время в Республике Таджикистан применяется многоуровневая система противодействия терроризму и вовлечению молодежи в радикальные организации [2].

Первый уровень реализуется за счет принятия новых и внесения изменений в уже существующие нормативные правовые акты.

Правовую основу общегосударственной системы противодействия терроризму составляют: Конституция Республики Таджикистан, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Республики Таджикистан, конституционные законы, нормативные правовые акты, Стратегия национальной безопасности Республики Таджикистан до 2020 года, Концепция внешней политики Республики Таджикистан, Военная доктрина Республики Таджикистан, Концепция противодействия терроризму, а также нормативные правовые акты РТ, направленные на

совершенствование деятельности в данной области. В частности, разработаны и приняты:

- Закон Республики Таджикистан «О борьбе с терроризмом», был утвержден Президентом Республики Таджикистан 16 ноября 1999 г. (внесены ряд изменений и дополнений, в последний раз в 2018 г.)

- Закон Республики Таджикистан «О борьбе с экстремизмом» от 8 декабря 2003 г., №69;

- Закон Республики Таджикистан «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 25 марта 2011 г., №684.

Следующие статьи УПК РТ и внесенные в него изменения и дополнения касаются правонарушений с использованием информационных технологий:

- За вовлечение в совершение преступлений террористического характера или иное содействие их совершению с использованием сети интернета предусмотрено наказание от 10 до 15 лет лишения свободы. (Статья 179 (1));

- За публичные призывы к насильственному изменению конституционного строя РТ с использованием интернета предусмотрено наказание от 8 до 15 лет лишения свободы. (Статья 307);

- За организацию или участие в деятельности экстремистской организации с использованием интернета предусмотрено от 5 до 8 лет лишения свободы. (Статья 307 (3));

- За подготовку или планирование агрессивной войны с использованием интернета предусмотрено наказание в виде лишения свободы от 5 до 10 лет. (Статья 395).

Второй уровень – выявление и раскрытие преступлений экстремистского характера в сети Интернет и привлечение к административной и уголовной ответственности лиц, совершающих эти правонарушения. Эти меры так же являются эффективным направлением противодействия вовлечению молодежи в радикальные организации посредством Интернета, позволяющим сократить количество материалов экстремистской направленности в сети и привлечь к ответственности наиболее активных радикалов и рекрутеров.

Третий уровень предусматривает проведение профилактических работ, лекций и семинаров с населением на базе образовательных организаций среднего и высшего образования по противодействию экстремизму с участием сотрудников правоохранительных органов, совместно с представителями Министерства образования и науки, Академии наук и других государственных учреждений Республики Таджикистан.

На этом фоне, по мнению экспертов, необходимо объективно исследовать причины и факторы, способствующие совершению такого рода тяжких преступлений. Предлагается наряду с уголовно-правовыми мерами улучшить и социально-экономические условия с учетом решения вопросов, связанных с безработицей, вовлечением граждан в обсуждение реальных проблем и особенно поддержкой гражданских инициатив.

Четвертый уровень – блокировка интернет-ресурсов, содержащих экстремистские материалы. Этот правовой механизм реализуется на основании Закона Республики Таджикистан «Об информации» (в редакции Закона РТ от 03.07.2012г. №848)

Пятый уровень – применение механизма прощения лиц, примкнувших к радикальным организациям, но не совершивших тяжких преступлений. Опираясь на миротворческий опыт нашей страны, который положительно оценен мировым сообществом, наряду с беспощадной борьбой против терроризма и экстремизма, активно применяется механизм мирных способов и методов решений указанной проблематики. В результате совершенствования информационно-психологических, в том числе пропагандистских мер, по профилактике терроризма и экстремизма, по некоторым данным, с 2010 года наша страна вернула более 3000 граждан страны, обучавшихся в религиозных вузах за рубежом. Сотни лиц, выехавших неосознанно в зарубежные страны и примкнувших к радикальным организациям, были возвращены на Родину и в отношении указанного контингента применена амнистия.

С учетом этих факторов, в рамках регионального сотрудничества считается целесообразным активизировать деятельность по противодействию терроризму и экстремизму в следующих направлениях:

1. Организация подготовки кадров мусульманского духовенства на территории РТ, которые могли бы объяснить верующим суть различных течений в исламе. Повышение религиозной грамотности, формирование духа взаимопонимания и терпимости между последователями религий, верующими и неверующими в обществе.

2. Усиленная работа научных организаций по усовершенствованию надлежащих методических и аналитических пособий по противодействию экстремизму.

3. Анализ и контроль процесса временного нахождения наших жителей в государствах с нестабильной военно-политической обстановкой на постоянной основе правоохранительными органами.

4. Введение в программу обучения в высших учебных заведениях отдельных курсов по противодействию экстремизму и терроризму.

5. В региональном масштабе проводить крупные студенческие и преподавательские образовательные и конкурсные мероприятия и программы во время зимних и летних каникул с целью нахождения оптимальных форм и методов противодействия современным нетрадиционным угрозам и вызовам безопасности среди студенческой молодёжи и учащихся старших классов образовательных школьных учреждений.

6. Применить на практике опыт Республики Таджикистан по возвращению и прощению лиц, примкнувших к радикальным организациям, но осознавших свои ошибки и обманом вывезенных в конфликтные зоны.

7. Активизировать участие молодежи в борьбе с терроризмом через образование, средства массовой информации, искусство и спорт.

8. Создание и укрепление партнерства между государственным и частным сектором по противодействию использованию Интернета в террористических целях, которое имеет решающее значение для эффективного выполнения данной функции. Разработать и создать форумы для официального и неофициального диалога между партнерами из государственного и частного секторов, которые позволяют осуществлять такие вспомогательные мероприятия, как совместные просветительские программы, объединить людей в

рамках общественных организаций, что может содействовать ликвидации барьеров в общении и дальнейшему укреплению доверия и взаимопонимания между государством и частным сектором.

Радикализация молодежи возможностями передовых интернет-технологий представляет собой быстро расширяющееся явление, которое не признает никакие национальные и административные границы, и это требует принятия активных и скоординированных ответных мер со стороны государств региона.

С учетом признания преступлений, связанных с онлайн-радикализацией молодежи, трансграничным важнейшим фактором противодействия терроризму в этом направлении является эффективное международное сотрудничество.

По мнению советника Контртеррористического центра ООН Кангин Го, пропаганда в Интернете оказывает очень сильное воздействие на молодежь: «Мы должны выработать программу для противодействия этой угрозе».

Главный вывод из всего сказанного и из тех процессов и тенденций, которые происходят в мире в различных регионах, заключается в том, что ни одно государство в ближайшие годы не может развиваться стабильно и успешно, обеспечивая собственную безопасность, не находясь в составе единого регионального пространства и более масштабного интеграционного объединения и союза, цель которого создание единой системы коллективной безопасности.

Литература

1. Формы и методы противодействия распространению идеологии экстремизма и терроризма среди молодежи. Роль и задачи образовательных организаций: материалы научно-практической конференции (г.Москва, 26-27 ноября 2015 г.). –М., 2015
2. Использование интернета в террористических целях: метод. пособие / ООН. – Нью-Йорк, 2013. – 164 с.
3. Попов В.В. Методические рекомендации по совершенствованию пропагандистской работы в сфере противодействия распространению идеологии терроризма в субъектах российской федерации. –М., 2013. – 46 с.

4. Рахмонова А.С. Интервью корреспонденту медиа-клубу «Медиа-клуб «Согдиана», г.Душанбе, 2017 г. URL: <http://sogdiana.tj/main/8701-o-sovremennyh-radikalnyh-ekstremistskih-i-terroristicheskikh-organizatsiyah-o-ih-vliyanii-na-bezopasnost-i-stabilnost-respubliki-tadzhikistan-i-centralnoy-azii.html>)
5. Рахмон Э. Выступление на Международной конференции “Противостояние терроризму и насильственному экстремизму”. – Душанбе, 2018. URL: <http://www.president.tj/ru/node/17565>
6. Мирвайсов М.С. Выступление на Международном круглом столе: «Кибербезопасность и противодействие кибертерроризму и экстремизму в странах Центральной Азии на современном этапе: результаты, проблемы и перспективы», г.Ташкент РУ, февраль, 2019 года. URL: <http://www.ca-portal.ru/article:48736>
7. Старостин А., Идеологические истоки ИГИЛ, практики агитации и методы информационного противодействия радикалам // Мусульманский мир. Казань, 2015. – №4.
8. Надин Б. Таджикистан переходит на новый этап стратегии по борьбе с терроризмом, 2017 г. URL: http://central.asia-news.com/ru/articles/cnmi_ca/features-/2017/01/10/feature-01

ИНФОРМАЦИОННО-РЕСУРСНЫЙ ЦЕНТР ООН И ЕГО РОЛЬ В ПРОДВИЖЕНИИ ШКОЛЫ ДИАЛОГА КУЛЬТУР

Бабаджанова Мунзифа Мирзоевна

**Директор Информационно-ресурсного
центра ООН, заведующая кафедрой ЮНЕСКО
«Межкультурный диалог в современном мире»
Российско-Таджикский (Славянский) университет**

13 июня 2016 года в Республике Таджикистан был торжественно открыт первый информационно-ресурсный центр ООН (ИРЦ ООН) на базе Российско-Таджикского (Славянского) университета господином Сироджиддином Асловым, министром иностранных дел Республики Таджикистан и госпожой Джихан Султаноглу, помощником Генерального секретаря Организации Объединенных Наций, помощником администратора Программы развития ООН (ПРООН), директором регионального бюро ПРООН по странам Европы и СНГ, Региональным Председателем Группы по развитию ООН. Церемония открытия прошла под председательством г-на Александра Зуева, Постоянного координатора ООН и Постоянного представителя ПРООН в Республике Таджикистан, с участием глав агентств Организации Объединенных Наций в Таджикистане, представителей дипломатического корпуса, общественности и средств массовой информации [9; 10].

В своем выступлении министр иностранных дел Республики Таджикистан господин С.Аслов отметил особую роль данного Центра в отражении деятельности ООН в мире, сотрудничества Таджикистана с организацией и ее специализированными агентствами в осуществлении глобальных инициатив страны и процесса разработки и реализации соответствующих программ относительно устойчивого развития Таджикистана.

Информационно-ресурсный центр ООН, являющийся одним из немногих созданных на пространстве СНГ (такие центры созданы в Российской Федерации и Республике Казахстан), основан на базе

Российско-Таджикского (славянского) университета с библиотекой в более чем 6 тысяч экземпляров литературы на основных языках ООН и доступом ко всем цифровым ресурсам основных подразделений ООН.

Задача Центра – повысить осведомленность общества о деятельности ООН и её структур в стране, содействовать повышению знаний и понимания молодежью основных принципов работы структур ООН, основополагающих приоритетов, таких как Цели Устойчивого Развития и национальных стратегий в целом.

Таким образом, центр вносит свою лепту в укрепление взаимодействия структур ООН и Таджикистана. Планируется, что в центре на постоянной основе будут проводиться мероприятия, открытые лекции для студентов, встречи с руководителями агентств ООН в Таджикистане, приглашенных специалистов ООН и будет активно работать библиотека.

Информационно-ресурсный центр даёт возможность студентам учебных заведений поближе познакомиться с деятельностью структур ООН, с их подходами в решении глобальных вопросов развития человечества, таких как межкультурный и межрелигиозный диалог, искоренение бедности, голода, неравенства между странами, обеспечение здравоохранения, занятости, охрана окружающей среды и, конечно же, умение жить вместе, а также многое другое.

Как отметила госпожа Джихан Султаноглу, «этот уникальный центр станет полезной площадкой для всех жителей страны, в особенности школьникам, студентам, журналистам, экспертам и ученым, которые интересуются деятельностью ООН. Надеюсь, Информационно-ресурсный центр ООН постепенно займет свое достойное место в общественно-информационной жизни Таджикистана» [9; 10].

Таджикистан как полноправный член Организации Объединенных Наций создает все необходимые условия для деятельности структур ООН, которые, в свою очередь, оказывают поддержку стране в улучшении благосостояния населения, обеспечении социально-экономического развития и дальнейшей интеграции страны в мировом сообществе.

Диалог культур, межкультурный диалог был и остается одним из актуальных направлений в укреплении взаимопонимания, взаимодействия, взаимообмена между народами и цивилизациями.

С учетом времени, ситуации менялись методы, подходы и пути диалога культур. Одним из таких примеров является Проект ЮНЕСКО по межкультурному диалогу в Центральной Азии, сфокусированный на странах, таких как Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, а также соседних странах – Афганистан, Иран, Китай, Монголия и др. В ходе его имплементации были созданы: Международный институт по изучению Центральной Азии (ICAS) в Самарканде (Узбекистан) и Международный институт по изучению кочевых цивилизаций (ISNC) в Улан-Баторе (Монголия). Открыты кафедры ЮНЕСКО (в том числе и наша кафедра – в 2004 г.), проведены международные встречи, круглые столы, конференции. Итогом многолетней работы стало проведение в Штаб-квартире ЮНЕСКО Фестиваля по культурному разнообразию и диалогу в Центральной Азии (Париж, 24 мая – 1 июня 2005 года) [8]. Эмблема Фестиваля была подготовлена таджикским художником Носиром Нарзибековым, которая по конкурсу была выбрана из 70 представленных художниками Центральной Азии эскизов. Смысл эмблемы сводился к следующим: «я – человек, пришел познакомиться вас со своей культурой и познать все разнообразие ваших прекрасных культур». Этот проект объединил страны Центральной Азии, создал возможность больше узнать друг о друге, учитывая, что в некоторых странах была сложная постконфликтная ситуация (развал СССР, приведший к вооруженным конфликтам, разрушению инфраструктуры, спаду экономики и др.). Молодое поколение росло в ситуации вражды, непонимания и даже ненависти к «чужим» и культуре, и истории.

Между тем в культуре народов Средней Азии существует много общего, что проявляется в психологии народов, их давних связях, взаимообусловленности бытия.

Поэтому следует особо подчеркнуть, что со времен Шелкового пути, который связывал между собой страны Востока и Запада, до сегодняшних дней проходил и проходит интенсивный обмен куль-

турными ценностями между народами региона и другими ближними и дальними странами на пересечении этого великого пути.

Культура и образование являются наилучшими средствами поддержания мира, особенно в постконфликтных ситуациях, средствами утверждения толерантности, уважения прав человека и достоинства каждого.

Как известно, в межкультурном понимании ключевая и одна из эффективных ролей отводится и различным образовательным программам, в рамках которых происходит процесс повышения академической мобильности, способствуя обмену межкультурного обогащения.

Наша кафедра подготовила и издала учебное пособие «Калейдоскоп культур» для школьников старших классов и студентов I-III курсов [3]. Для нас было важно проводить эту работу именно среди данной категории молодежи, так как многие из них в тот период не учились ни в школах, ни в вузах, особенно там, где шли военные действия или была сложная обстановка (некоторые не учились из-за отсутствия средств на обучение).

Межкультурное понимание предполагает общение разных культур на уровне общества, но все же основывается на индивидуальном понимании, когда толерантность во всех аспектах, в контексте формирования межкультурной компетенции решает не только этнокультурные и этнополитические проблемы, но и, главным образом, взаимопонимание между людьми разных национальностей.

Учебное пособие «Калейдоскоп культур» было посвящено культуре народов Центральной Азии. ЮНЕСКО передало наше пособие в Казахстан, Киргизию, Узбекистан.

В Российско-Таджикском (Славянском) университете кафедрой ЮНЕСКО разработан и читается спецкурс «Межкультурный диалог в современном мире».

Акцентируя внимание на вышеуказанном опыте, мы привлекаем внимание к нашему совместному проекту – Школа диалога культур.

Родосский Форум «Диалог цивилизаций» [11] – это замечательная площадка для подтверждения нашей приверженности к диалогу, диалогу культур. А начинать эту работу надо со школы. Мы

начали эту работу на прошлом 13 Родосском Форуме, и практика показывает, что проект работает, объединяет нас единой целью, мы обмениваемся лучшими практиками и опытом, адаптируя их к своим странам.

В 2015 году кафедра ЮНЕСКО подготовила и издала новое учебное пособие для студентов «Межкультурный диалог в современном мире», макет которого был представлен ранее участникам Родосского форума [2].

Хочу отметить, что на III Всемирном Форуме по межкультурному диалогу высокого уровня (г.Баку, Азербайджан, май 2015 г.) мы встретились с профессором М.Т.Степанянц и с того времени тесно сотрудничаем по продвижению нашего совместного проекта Школа диалога культур.

Наши учебные пособия имеют много общего, но каждое в отдельности предназначено и адаптировано для наших стран и регионов: России и Центральной Азии, в частности Таджикистана. Практика подтверждает, что материалы, представленные в этих учебных пособиях, вызывают большой интерес не только у школьников и студентов, но и у взрослых.

Ирина Бокова – экс-Генеральный Директор ЮНЕСКО – в своем Программном заявлении «ЮНЕСКО в глобализованном мире: новый гуманизм XXI века», подчеркнула, что «... в XXI веке диалог, толерантность и уважение к различиям должны стать сами по себе гуманитарными ценностями, которыми следует дорожить» [4].

Отрадно отметить, что учебное пособие «Межкультурный диалог в современном мире» был презентован участникам церемонии открытия Центра, которые проявили большой интерес к его содержанию.

Проблеме диалога, диалога культур, межкультурному и межрелигиозному диалогу уделяется особое внимание в общеобразовательных учреждениях республики.

И интерес, проявляемый к проблеме диалога культур, свидетельствует о том, что наш совместный проект Школа диалога культур – это не разовое мероприятие, он имеет свое продолжение и постоянно будет обогащаться и привлекать новых участников.

Сегодня молодежь стремится познать мир, историю и культуру других народов не только через средства массовой информации, интернет, но и путешествуя. И рассказывая им о своей культуре, мы разъясняем и даем им основные понятия об исторических культурах и цивилизациях, приобщаем их к культурным достижениям других народов. Учитывая, что в странах, где идет война, даже детей привлекают к насилию, террору, нашей общей задачей является не просто говорить о диалоге культур, но постоянно и повсеместно разъяснять принципы и важность диалога. Эти знания позволят молодежи извлекать максимум полезного от соприкосновения и взаимодействия с другими культурами в формате диалога и открытости. Важно не столько сфокусировать внимание на Диалоге, сколько на содержании системы ценностей каждой отдельной культуры. У нас не один универсальный набор, а каждая культура имеет свои особенности, свои ценности.

В наше время, когда глобализационные процессы все больше угрожают культурной самобытности, национальному самосознанию, у народов наблюдается подъём интереса к своей истории, культуре, вкладу своих предков в мировую культуру.

Во всеобщей декларации ЮНЕСКО о культурном разнообразии подчеркивается, что именно культура должна рассматриваться как совокупность присущих обществу или социальной группе отличительных признаков – духовных и материальных, интеллектуальных и эмоциональных – и что помимо искусства и литературы оно охватывает «образ жизни», т.е. «умение жить вместе», системы ценностей и верований [5].

Сегодня очень важно определить соотношение глобализационных процессов и культуры отдельных народов и регионов. Необходимо учитывать общемировые тенденции развития культуры и сохранения самобытности национальных культур. В этом смысле диалог культур чрезвычайно важен. Степень плодотворности и обогащения культур зависит от определения наиболее существенных и жизнеспособных параметров культур, их способности к взаимному влиянию, не нарушая национальную идентичность и самостоятельность.

Переход к диалогу языков и культур, толерантности в рамках образовательного пространства ВУЗа означает культивирование среди студентов отношений открытости, реальной заинтересованности в культурных различиях, признания многообразия языков и культур, развития способности распознавать несправедливость и предпринимать шаги по ее преодолению, а также способности конструктивно разрешать разногласия и обеспечивать продвижение от конфликтных ситуаций к примирению и разрешению противоречий. Он проявляется в нацеленности преподавателей и студентов на конструктивное разрешение конфликтов совместной деятельности. В этих целях в университете используются не только лекции, спецкурс, но и проведение совместных мероприятий, праздников, круглых столов, встреч и др. К примеру: Международный праздник Навруз, провозглашенный ООН, Масленица, Международный день родного языка, провозглашенный ЮНЕСКО, Дни русской культуры и Дни славянской письменности и культуры [6].

Диалог цивилизаций, который предполагает обсуждение и содействие решению проблем и устранению разногласия на всех уровнях современной политики как внутри стран, так и между государствами, континентами, находит все больших сторонников и последователей.

Положительным примером для снижения рисков возникновения непонимания, страха перед интеграцией в другое общество с иной культурой, при этом не теряя своей традиционной идентичности, могут быть разного рода политические и культурные национальные и международные проекты. Проекты, которые отражают ценности разнообразия других культур, позиционируя определение «культура» как путь к гуманизму и культурному обогащению человечества в 21 веке. Одним из таких проектов является и наш совместный проект Школа диалога культур.

Литература

1. Бабаджанова М. Культура мира – основа межкультурного диалога // Наука и инновация. – Душанбе: Сино, 2014. – № 2.
2. Бабаджанова М.М. Межкультурный диалог в современном мире. – Душанбе, 2015.
3. Бабаджанова М.М., Юлдашева М.Р., Ким В. Калейдоскоп культур. – Душанбе: Статус, 2007.
4. Бокова И. Программное заявление «ЮНЕСКО в глобализованном мире: новый гуманизм XXI века». 15 ноября 2009 г. URL: www.unesco.org
5. Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии (2005г.). URL: www.unesco.org
6. Текущий архив РТСУ
7. Центральная Азия на пути к культуре мира: формирование толерантного сознания, воспитание культуры мира: материалы международной конференции / сост. и ред. И.Каримова; Академия образования Таджикистана. – Душанбе: Ирфон, 2011.
8. Festival sur la diversité culturelle et le dialogue en Asie centrale. UNESCO 2005, France.
9. www.mfa.tj
10. www.rtsu.tj
11. www.wpfdc.org

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА ТАДЖИКИСТАНА И КИТАЯ (КАК РЕАЛИЗУЕТСЯ ПРОЕКТ КИТАЯ «ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОЯС ШЕЛКОВОГО ПУТИ» В ТАДЖИКИСТАНЕ)

Шарапов Отабек Муродович

**Кандидат политических наук,
заведующий кафедрой Зарубежного регионоведения и внешней политики
Российско-Таджикский (Славянский) университет**

На современном этапе развития внешней политики Республики Таджикистан одним из ее главных стратегических партнеров является Китай. Это связано не только с общей границей и географической близостью двух государств, историческим взаимодействием народов, но и ролью и местом Китая в современной мировой экономике и международных отношениях. В настоящее время в отношениях Таджикистана и Китая наблюдается устойчивая взаимная заинтересованность обоих государств в друг друге. Не лишним будет отметить, что первый официальный визит главы таджикского государства в 1993 году состоялся именно в Китайскую Народную Республику.

Разностороннее таджикско-китайское взаимовыгодное сотрудничество развивается во многих областях. Среди них – торговля и инвестиции, транспорт и энергетика, телекоммуникации и строительство, культура, образование и наука, туризм, безопасность и другие. Китайская Народная Республика на протяжении ряда последних лет остается одним из главнейших партнеров Таджикистана в области торговли, занимая первое/второе место во внешнеторговом обороте таджикской республики. Товарооборот двух стран с каждым годом только увеличивается. В то же время статистический учет ведется без так называемой «челночной» торговли, осуществляемой гражданами.

Схожие позиции Китай занимает и в области инвестиций в экономику Таджикистана. Но и здесь необходимо сделать оговорку. Китайские инвестиции по большей части идут в реализацию проектов, которыми занимаются китайские же компании. Точно так же

обстоит и ситуация с созданием новых рабочих мест китайскими компаниями в Таджикистане, который по объективным причинам весьма нуждается в этом. Таким образом, создаваемые рабочие места в основном предназначаются для граждан Китая, несмотря на то, что в Таджикистане существует переизбыток рабочих рук. В то же время число граждан Таджикистана, желающих трудоустроиться на работу в качестве переводчиков и содействующего персонала в китайские компании, устойчиво растет, что связано с финансовыми условиями трудовой деятельности. В свою очередь, это обуславливает рост популярности изучения китайского языка в Таджикистане, что способствует увеличению количества таджикских студентов, выезжающих на учебу в Китай. Отдельные граждане трудоустраиваются в Китае в качестве частных репетиторов по обучению китайских граждан русскому и английскому языку. Открываются китайские центры культуры в вузах Таджикистана. Одновременно с этим идет и обратный процесс. Китайские граждане поступают в ВУЗы Таджикистана для изучения русского и таджикского языков. Таким образом, усиливается и взаимодействие вузов Китая и Таджикистана, а культурно-гуманитарная сфера становится еще одним перспективным направлением взаимодействия двух стран.

В то же время вышеуказанные ограничения в торгово-экономическом сотрудничестве в потенциале могут негативно сказаться на взаимодействии Таджикистана и Китая. Несмотря на то, что в Таджикистане существует понимание данных ограничений во внешнеэкономической деятельности Китая, тем не менее, республика остается пока весьма зависимой от инвестиций одной из крупнейших экономик мира. Кроме того, Китай активно продвигает свои интересы и через ту часть политической элиты, которая ориентирована на эту страну и, конечно же, имеет свою заинтересованность в Китае. В том числе и поэтому позиции Китая в Таджикистане представляются устойчивыми, несмотря на то, что большая часть политической элиты пока еще ориентирована на Россию, а определенная часть – на страны западного или же мусульманского мира. В то же время существует вероятность вступления Таджикистана в ЕАЭС, что создаст дополнительные сложности и ограничения в таджикско-китайских отношениях. Однако Таджикистан, ви-

димо, будет стоять на защите интересов бизнеса, который идет из Китая. Также необходимо отметить, что вступление в ЕАЭС может рассматриваться и как один из способов снижения зависимости Таджикистана от Китая. Тем самым эти вопросы придется решать уже совместными усилиями членов ЕАЭС, Таджикистана и Китая, точно так же, как и вопросы сопряжения проектов ЕАЭС и проекта Китая «Экономический пояс Шелкового пути».

Весьма перспективными направлениями сотрудничества Таджикистана и Китая являются транспортно-коммуникационная и энергетическая сферы. Помимо того, что Китай рассматривает Таджикистан как рынок сбыта продукции своей экономики, место для загрузки своих компаний проектами, выгодного вложения инвестиций и обеспечения работой своих граждан, страна является одной из транзитных стран для Китая, в том числе и в плане реализации проекта «Экономический пояс Шелкового пути». Так территория Таджикистана значится как транзитная в планах по строительству всего лишь одной из веток газопровода из Центральной Азии в Китай, а также как южное направление развития «Шелкового пути». Однако использование территории Таджикистана как южного направления «Шелкового пути» с выходом на Афганистан, Пакистан, Иран и далее представляется пока сложно реализуемым по причине нестабильности в Афганистане. Хотя для Таджикистана этот проект стал бы весьма важным для реализации коммуникационной стратегии страны. Таким образом, все вышеуказанное показывает, что Таджикистан не является столь важным партнером Китая в плане реализации проекта «Шелковый путь». На данный момент Таджикистан и Китай связывают автомобильное и авиасообщение. В перспективе, не исключено строительство железнодорожного пути, что является важным для обеих стран. Таджикистану это позволит снизить зависимость в транспортном плане от Узбекистана, а Китаю – увеличить экспорт своей продукции, найти новые возможности для Шелкового пути.

Китай заинтересован в разработке, добыче и развитии энергетических и других природных ресурсов Таджикистана. Так, Китай реализует проекты по строительству линий электропередач в Таджикистане, что способствует улучшению ситуации в плане обеспече-

ния электроэнергии граждан республики. В то же время Китай уже не раз отказывался либо затягивал реализацию проектов, связанных со строительством крупных ГЭС либо значимых железнодорожных путей в Таджикистане, так как против этого выступает соседний Узбекистан. То есть позиции Узбекистана, более значимого игрока в регионе Центральной Азии, остаются приоритетными для Китая. Китай в отличие от других внерегиональных игроков в Центральной Азии, избегает участия в посредничестве и разрешении споров и противоречий в межгосударственных отношениях стран региона. Хотя с усилением роли и позиций Китая в Центральноазиатском регионе данное направление, на наш взгляд, выглядит перспективным.

Китай активно участвует в развитии горнодобывающей отрасли в Таджикистане (добыча золота, серебра, угля, драгметаллов и др.). Это направление выглядит так же перспективным по ряду причин. Таджикистан не способен пока самостоятельно развивать эту отрасль, а Китай нуждается в этих ресурсах. Кроме того, инвестиции Китая необходимо будет рано или поздно возвращать, несмотря на их выгодные, в сравнении с другими инвестициями, условия. И это можно будет сделать как раз передачей прав на добычу и реализацию природных ресурсов, которыми богат Таджикистан. Кроме того, Китай, который и сам богат гидроэнергетическими ресурсами, может проявить интерес к гидроэнергетическому потенциалу Таджикистана, что, возможно, станет еще одним из перспективных направлений сотрудничества двух стран.

И наконец, сотрудничество в области обеспечения безопасности в регионе Центральной Азии, в перспективе так же способно стать приоритетным направлением для таджикско-китайских отношений. Китай заинтересован в стабильной Центральной Азии из-за приграничного и населенного мусульманами СУАР, а также для устойчивой реализации «Шелкового пути».

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Коваленко Глеб Васильевич

**Кандидат политических наук,
доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин
Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Душанбе**

Правительства Казахстана, Узбекистана, Таджикистана, Туркменистана и Кыргызстана, несмотря на все сложности, выстраивают свою внешнюю политику, руководствуясь, прежде всего, своими национальными интересами: сохранением стабильности и безопасности в регионе, укреплением независимости, суверенитета и территориальной целостности стран, ростом экономического развития и благополучия граждан. Для этих стран международные отношения являются одним из ключевых рычагов в легитимизации действующей власти и их руководителей. Особенно явно это было продемонстрировано в Кыргызстане в ходе смены власти в 2005 и 2010 гг.

Будучи молодыми, независимыми государствами, недавно вышедшими на мировую арену в результате мощных течений распада бывшего СССР, они жаждут международного признания и самостоятельного развития. В это время правящие элиты заинтересованы в том, чтобы самостоятельно управлять внутренними процессами своих стран, всячески стараясь демонстрировать независимость от международных партнеров. Подобная двойственность позиции некоторых стран вызывает противоречивые взгляды на регион ЦА.

Международные эксперты отмечают стратегическую общность: “перекресток”, “буферная зона” или “инструмент поддержания баланса” между крупными мировыми и региональными державами – все это проецируется на весь регион. Все центральноазиатские государства не имеют выхода к морю и сталкиваются с серьезными проблемами социально-экономического характера, которые лучше всего решать с помощью региональной интеграции; отдельные из

этих вопросов по своей природе имеют трансграничный характер (водоснабжение, энергетика, транспорт, угроза наркотрафика, радикализация исламистских течений и др.).

Одной из главных причин неудач многих региональных организаций в ЦА является качество правящих элит. Если внимательно присмотреться к целям, которые они ставят, их представление о региональной интеграции, национальных интересах, уровень их политической культуры, к сожалению, не позволяют разработать и реализовать коллективные проекты для всего региона, а порой даже откровенно мешают интеграционным процессам. Внутрирегиональному сотрудничеству препятствуют нерешенные проблемы в определении границ, противоречивые геополитические устремления и неспособность найти приемлемые для всех решения относительно чрезвычайно важного для региона вопроса, связанного с распределением воды, энергии и строительством новых транспортных коридоров. Поэтому все попытки создать региональные институты оказывались неудачными.

За последние десятилетия наиболее заметной в плане нового видения региона стала концепция “Большой Центральной Азии”, основные принципы которой были предложены известным американским аналитиком Фредериком Старром в 2005 г. Он рассматривает “Центральную Азию” как значительно более обширный регион, чем пять постсоветских республик с не вполне четко определенными границами. Он полагает, что Афганистан здесь выступает “ядром”. Однако на практике данную концепцию впервые реализовал в своей политике не Вашингтон, а Москва и Пекин: в 2001 г. под эгидой России и Китая была создана Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). В неё вошли почти все те страны, применительно к которым и разрабатывалась концепция Большой Центральной Азии. К слову сказать, её перспектива до сих пор не вполне ясна.

Наряду с этим бывший президент Казахстана Н.Назарбаев выдвинул концепцию Евразии, в соответствии с которой ЦА располагается на пересечении Европы и Азии и ее региональная идентичность в меньшей степени зависит от тюркского и мусульманского мира, она более открыта российскому населению и в большей мере ориентирована на прогрессивно развивающиеся азиатские страны,

сочетания которых, на наш взгляд, в современных международных условиях вполне соответствуют национальным интересам всех стран ЦА.

В январе 2015 г. вступил в силу инициированный президентом РФ В.Путиным, Договор о создании Евразийского экономического союза между Беларусью, Казахстаном и Россией. Позже к данному союзу присоединились Армения и Кыргызстан. Здесь уместно процитировать высказывание президента Казахстана Н.Назарбаева, прозвучавшее перед журналистами в Гааге: “Интеграция дает возможность убрать таможенные барьеры и повышает конкурентоспособность. Поэтому у нас здесь чисто прагматичный интерес – развивать страну, подымать экономику и увеличивать ВВП. Что касается политической независимости, то это константа, и Казахстан никому не отдаст суверенитет. Но определенные экономические полномочия мы добровольно будем передавать наднациональным органам. Все вопросы в союзе будут решаться на основе консенсуса. Окончательные решения будут приниматься с согласия всех трех государств. Поэтому здесь никакого волнения не должно быть, это выгодно всем участникам, а в условиях кризиса – тем более. Интеграционный процесс будет продвигаться, и это тоже вопрос укрепления нашей независимости” [6].

Такой позиции придерживается большинство политиков стран, вступивших в ЕАЭС. Насколько эффективно будут реализовываться интеграционные проекты, как будут взаимодействовать страны, и насколько оправдаются высокие ожидания участников союза, покажет время. Возможно, странам-участникам данного союза придется преодолевать определенные трудности, связанные с мировым кризисом, санкциями западных стран, падением цен на нефть и т.д. Тем не менее, для такой маленькой страны, как Кыргызстан, вступление в ЕАЭС является основным “спасательным кругом” в глобальном мире вызовов.

Относительно инициативы руководства КНР по созданию экономического пояса Шелкового пути можно отметить, что на современном этапе данный проект начинает с новой силой процесс сближения Востока и Запада, формирование совместной идеологии Евроазиатского континентального партнерства, основанного на

равноправии и эффективности развития стран, желающих участвовать в реализации данного стратегического проекта. Экономический пояс Шелкового пути, включающий страны ЦА, а также государства Восточной Европы, России и страны Азиатско-Тихоокеанского региона, позволит, пожалуй, сделать его универсальным с точки зрения укрепления региональной безопасности и решения вопросов социально-экономического развития стран.

Международными экспертами особо отмечается важность решения вопросов экономической интеграции стран-участников этого проекта в части строительства транспортно-логистических систем взаимодействия, расширения информационных, грузопассажирских потоков, строительства жилья и объектов социальной инфраструктуры, увеличения гуманитарного обмена и интенсификации культурного сотрудничества, развития туризма и спорта. Данная инициатива китайского руководства, прежде всего, нужна для решения экономических и социальных проблем внутри собственных границ. “Один пояс, один путь”, по замыслу лидеров Поднебесной, должен укрепить экономику и решить социальные проблемы в слаборазвитых регионах западного Китая путем переноса туда производств из прибрежных высокоразвитых районов, а также развития сопутствующих производств и сферы услуг не только в КНР, Юго-Восточной Азии, но и в странах Центральной Азии и России.

Для того чтобы выводить продукцию на экспорт, необходим устойчивый торговый канал, по нему китайские товары будут выходить на запад, а импортировать предполагается газ, нефть и другие сырьевые товары.

Существует два проекта генерального маршрута Шелкового пути. Традиционный Шелковый путь пролегал через территорию Таджикистана, Кыргызстана, Узбекистана, Туркменистана, Ирана и Пакистана, обеспечивая выход к Индийскому океану в районе Персидского залива. Другой северный вариант маршрута – через Казахстан и российский Транссиб с выходом в страны Балтии. Проекты пока в процессе изучения и обсуждения. Для окончательного решения потребуется определенное время, но и здесь интересы правящих элит стран региона ЦА могут быть разнонаправлены.

Не сомневается в необходимости возрождения Шелкового пути только Казахстан. Президент Н.А.Назарбаев объявил о новой экономической политике “НурлыЖол” с взаимодополняющими проектами возрождения Шелкового пути и экономическими новациями Казахстана. По сообщениям СМИ, на территории страны уже строятся автомобильные и железные дороги с учетом будущих экспортных путей, которые планируется построить от границы Казахстана с западным Китаем. К примеру, в 2013 и 2014 гг. Казахстан получил китайских инвестиций на сумму более 35 млрд долл. США, а в ходе последнего сентябрьского визита Н.А.Назарбаева в КНР было подписано соглашений на сумму в 23 млрд [7].

Некоторые эксперты, оценивая перспективы Евразийского экономического союза и экономического пояса Шелкового пути, отмечают, что эти планы приведут к усилению конкуренции в ЦА между двумя соседними державами – Россией и Китаем. Но многие уверены, что противоречия, которые существуют между Россией, Китаем и странами ЦА, “не являются глубокими и тем более антагонистическими”. Подтверждением этому является подписанное в Москве президентом РФ В.В.Путиным и председателем КНР Си Цзиньпином совместное заявление о сотрудничестве и взаимодействии в процессе строительства Евразийского экономического союза и экономического пояса Шелкового пути.

Как было отмечено на заседании клуба “Валдай”, “сотрудничество должно преобладать над соперничеством” [1]. Особенно значим подобный подход для таких стран, как Кыргызстан. С точки зрения укрепления безопасности и стабильности государств региона, экономический пояс Шелкового пути является наиболее адекватным ответом на современные вызовы и угрозы в виде экстремизма, терроризма и религиозного радикализма, подрывая их социальную базу и развивая соответствующую инфраструктуру. Рассматривая внешнюю политику каждой страны ЦА, можно определить некоторые особенности и специфику [1].

Туркменистан. Внешняя политика независимого Туркменистана из-за закрытости государства представляется сложным и малоизученным субъектом. Можно лишь отметить явную взаимосвязь внешней и внутренней политики – геополитическое “отшельниче-

ство” Туркменистана, которое было принято путем определения со стороны ООН международного статуса этой страны как “позитивный нейтралитет”. Это, прежде всего, объясняется сложным характером регионального окружения страны и ее соседством с Афганистаном и Ираном. Доктрина постоянного нейтралитета является важнейшим элементом государственного строительства, в её основе лежит концепция возрождения туркменской нации, где говорится о роли народа этой страны во всех великих достижениях человеческой цивилизации со времен античности и о необходимости найти путь в новый “золотой век”.

Сегодня перед туркменским руководством возникает необходимость направить усилия, в том числе и внешнеполитические, на экономическую модернизацию, более полное и рациональное использование собственного потенциала Туркменистана и богатых природных ресурсов, интеграцию в региональное и международное социально-экономическое сотрудничество.

Анализируя двусторонние отношения Туркменистана с тремя державами (РФ, КНР, США), можно отметить, что Китай является наиболее крупным инвестором экономики Туркменистана. За последние годы общая сумма инвестиций КНР в эту страну составила более 8 млрд долл. США.

Таджикистан. Внешняя политика Таджикистана определяется, с одной стороны, стремлением поднять ценность своего ираноязычного этнокультурного наследия, а с другой – выстраиванием международных отношений с учетом геополитических реалий и экономических возможностей. Таджикский лидер неоднократно заявлял, что Таджикистан заинтересован строить свои отношения с Узбекистаном, Казахстаном, Кыргызстаном и Туркменистаном на основе дружбы и добрососедства. По его словам, страны ЦА совместно могут противостоять любым угрозам, решать любые проблемы. При этом он также отмечает, что трехсторонние отношения Таджикистана, Афганистана и Ирана также укрепляются и выйдут на более качественный уровень.

Основной целью таджикского руководства является укрепление курса развития сотрудничества со странами СНГ, особенно со своим стратегическим партнером – Россией. При этом Китай входит в

тройку ведущих внешнеторговых партнеров, по привлечению предпринимательского капитала в таджикскую экономику он является крупнейшим инвестором. Сумма китайских инвестиций за последние годы составила около 2 млрд долл. США. Между тем, учитывая реальный статус малых государств, не располагающих большими средствами, в своей внешней политике, эта страна в соответствии со своими возможностями придерживается более реалистичного курса и предрасположена к интеграционным процессам.

Казахстан. Внешняя политика Казахстана опирается на национальные интересы страны и проводится исключительно на прагматичной основе. В Астане намного раньше других поняли значимость формирования достойного имиджа страны, что нашло выражение в соответствующем лоббировании в России и на Западе. Особенно это было заметно в Европе и США в рамках кампании, когда Казахстан боролся за председательство в ОБСЕ в 2010 г. В последние годы опубликован ряд статей, представляющих руководство страны в благоприятном свете, показывающий высокий уровень развития страны и очевидную эффективность политических и экономических реформ в Казахстане.

Интенсивные шаги Казахстана во внешней политике, взаимодействие с Россией, Китаем, США и другими странами Запада, включая встречи и визиты на высоком уровне, регулярно подтверждают жизненность и динамичность политики многовекторности, проводимой руководством страны. Концепция внешней политики Казахстана рассчитана до 2020 г. и показывает намерение придерживаться этой политики в долгосрочной перспективе. Стремление Казахстана всячески способствовать укреплению международной безопасности и стабильности базируется на весьма сбалансированном и реалистическом подходе к мировым политическим проблемам. В этом смысле, содержание инициативы президента Казахстана по созыву Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии полностью соответствует целям и принципам Устава ООН. Идея создания Евразийского союза, о чём было отмечено выше, также подчеркивает дальновидность в свете объективных тенденций современного развития, его направленность на укрепление ста-

бильности и безопасности как в региональном, так и в глобальном контексте [5].

Узбекистан. Президент Узбекистана отмечал, что “осуществление активной многосторонней внешней политики, отвечающей национальным интересам Узбекистана, есть необходимое условие и важнейшее средство укрепления суверенитета государства, преодоления экономических трудностей и улучшения жизни народа”. Особенности внешней политики Узбекистана отражены во внешнеполитической концепции. В документе указано, что Узбекистан “оставляет за собой право заключать союзы, входить в содружества и другие межгосударственные образования, а также выходить из них, руководствуясь высшими интересами государства, народа, его благосостояния и безопасности”. В концепции также отмечается, что “Узбекистан проводит миролюбивую политику и не принимает участия в военно-политических блоках, оставляет за собой право выхода из любого межгосударственного образования в случае его трансформации в военно-политический блок”.

Также подчеркивается, что Узбекистан не допускает на своей территории размещения иностранных военных баз и объектов, принимает политические, экономические и иные меры по предотвращению своего вовлечения в вооруженные конфликты и очаги напряженности в сопредельных государствах. В концепции отмечается, что проблемы Центральной Азии должны решаться самими государствами региона без вмешательства внешних сил.

Утверждение международных экспертов о том, что Ферганская долина является “ахиллесовой пятой” не только Узбекистана, но и всей ЦА, подтверждается наиболее резонансными событиями последних десятилетий в Ферганской долине – вторжением боевиков ИДУ (ныне Исламское движение Туркестана), Андижанскими событиями 2005 г. и трагическими событиями 2010 г. в Оше. При этом, по одной из версий, трагедия 2010 г. считается результатом провокаций внешних сил против Кыргызстана и Узбекистана. В Ферганской долине Узбекистан, Кыргызстан и Таджикистан сталкиваются с целым рядом угроз безопасности – нерешенностью вопроса о границах, бедностью, безработицей, неэффективностью аграрного сектора, диспропорциями развития, сворачиванием при-

граничного сотрудничества, экологическими проблемами, ростом социальной напряженности, обострением межэтнических противоречий, активизацией деятельности радикальных религиозных организаций, криминализацией общества и увеличением объемов наркотрафика. На этом фоне специфика двусторонних взаимоотношений этих стран пока не позволяет говорить об эффективности совместных усилий борьбы с этими вызовами.

Сегодня Узбекистан перешел к политике подчеркнуто строгой охраны своих границ, вступая в общение с соседями лишь по конфликтным вопросам, придерживаясь стратегии “сдержанности” в сфере регионального экономического сотрудничества. Стоит особо отметить процесс сотрудничества Узбекистана с КНР. Торговый оборот между двумя странами в 2014 г. превысил отметку в 4,7 млрд долл. США. Китай – второй по величине торговый партнер Узбекистана. В последние годы последовательно увеличивается приток инвестиций КНР в экономику Узбекистана. Согласно данным СМИ, за годы плодотворного сотрудничества данный показатель демонстрировал динамичный рост и составил более 5 млрд долл. США [3].

Кыргызстан. Внешняя политика Кыргызстана – это стратегия открытости во всех направлениях. На сегодняшний день он позиционирует себя как самую демократическую страну региона, в связи с чем и США, и ЕС так его и воспринимают. Между тем, как наиболее слабая страна региона, учитывая также смену власти в 2005 и 2010 гг., Кыргызстан в своей внешней политике с его ограниченными ресурсами придерживается более покладистого и гибкого курса. И он гораздо более заинтересован в региональных интеграционных процессах и активизации международной жизни.

Во внешней политике Кыргызстана постепенно происходит осознание объективного закона – закона региональной общности, указывающего на то, что у народов, живущих в одной части мира, имеются общие интересы, связанные с поддержанием добрососедских отношений, установлением экономического сотрудничества. Если даже не учитывать факт многолетнего совместного пребывания в едином государстве, географическая близость, единство региональных проблем, общность культуры сами по себе являются фак-

тором необходимости для все более тесного сотрудничества и интеграции со странами СНГ.

Особо приоритетное место во внешней политике страны занимает интеграция с Российской Федерацией. Сегодня Россия оказывает всестороннюю поддержку Кыргызстану в вопросах укрепления безопасности, оказывает ему прямую экономическую помощь. Только за последние годы на поддержку государственного бюджета эта помощь составила 120 млн долл. США. Создан Российско-Кыргызский фонд развития с капиталом в 1 млрд долл. США [1]. Основную часть средств планируется направить на создание условий по доступному кредитованию местного производства, для поддержки среднего и малого бизнеса, в первую очередь в сельскохозяйственном секторе и швейной отрасли. Это станет стимулом для роста всей экономики. В Кыргызстане основная часть общества поддерживает интеграционные процессы, есть понимание и поддержка в парламенте и бизнес-среде. Высоки ожидания населения от вступления в Евразийский экономический союз. Считается, что это единственно правильный путь развития. Сейчас усугубляется международная обстановка, обостряются конфликты в разных уголках земного шара, грядет мировой экономический кризис, и в этих условиях внешняя политика Кыргызстана должна быть последовательной, понятной, предсказуемой для соседей и партнеров, республика должна выступать в качестве ответственного субъекта в международных делах.

Таким образом, годы независимости стали временем активного выхода стран ЦА на международную арену, динамичного проведения ими самостоятельной внешней политики. Будучи полноправными членами мирового сообщества, каждая страна региона стремится самостоятельно формировать и реализовать свои национальные интересы и в меру своих возможностей принимает активное участие во всех сферах международной жизни. Осуществляя внешнеполитическую деятельность, учитывая реалии современного мира, глобальные и региональные вызовы, страны ЦА, несмотря на все трудности, постоянно находятся в поиске достойного места в мировом сообществе.

Литература

1. Парамонов В. Политика России и Китая в Центральной Азии. 2010 г. URL: <http://ia-centr.ru/expert>
2. Кодиров Н.Б., Ёвкочев Ш.А. Современная внешняя политика Республики Узбекистан // Научное сообщество студентов XXI столетия. Общественные науки: сб. ст. по мат. XX междунар. студ. науч.-практ. конф. – №5(20). URL: [http://sibac.info/archive/social/5\(20\).pdf](http://sibac.info/archive/social/5(20).pdf)
3. Ходжаев А. О центральноазиатской политике КНР // Центральная Азия и Кавказ. 2007. – №3(51). –С.30-46.
4. Чжао Хуашен. Китай, Россия, США: интересы, позиции, взаимоотношения в Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. – 2004. – №5(35). –С.131-140.
5. Эсенгул Ч. Перспективы регионального сотрудничества в ЦАР в современных условиях // Центральная Азия и Кавказ. – 2015. –Т.18, вып.3-4. –С.93-105.
6. Официальный сайт МИД Туркменистана. URL: www.mfa.gov.tm
7. Официальный сайт Министерства коммерции КНР. URL: www.mofcom.gov.cn

КУЛЬТУРНО-ГУМАНИТАРНЫЕ АСПЕКТЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Ризоён Шерали

**Кандидат политических наук,
старший преподаватель ТНУ
докторант АН Республики Таджикистан**

Как известно, ключевым индикатором успешности внешней политики является степень защиты и реализации национальных интересов. В этом контексте, все страны используют существующие возможности для обеспечения своих жизненно важных приоритетов. Для Республики Таджикистан в современных условиях остро стоит вопрос формирования позитивного имиджа страны на региональном и международном уровнях. Одним из инструментов такого подхода является концепт «мягкая сила», концептуальная основа которой разработана в 90-х гг. XX века. В условиях взаимовлияния и взаимодополнения культуры и ценностей в мире наблюдается мощный экспорт цивилизационных элементов одних государств в сторону других стран. В этом случае не всегда инертная (и в какой-то степени пассивная) политика может обеспечить необходимое поле восприятия государства на международном уровне. Поэтому активная реализация культурно-гуманитарного элемента позволяет выработать:

во-первых, адекватную стратегию защиты от внешних культурных интервенций;

во-вторых, создавать альтернативные продукты, имеющие широкое интеллектуальное начало.

Известно, что концепт «мягкая сила» прежде всего разработана для глобальных и региональных держав, но существование множества примеров из числа развивающихся стран позволяет сделать заключение, что при правильном использовании возможностей этой концепции существует большая вероятность достичь определенного успеха.

В «Концепции внешней политики Республики Таджикистана» [1] в подпунктах «3.5. Культурно-гуманитарная дипломатия» и «3.6. Информационная дипломатия» расписаны возможности использования «мягкой силы» в деле обеспечения позитивного имиджа государства и налаживания взаимовыгодных отношений в этих сферах, что непосредственным образом способствует достижению приоритетных целей и актуальных задач внешней политики.

В Концепции отмечено: «Материальные и духовные проблемы человечества приобретают глобальный характер, что вызывает возрастание давления на национальные культурные традиции и ценности народов и рост столкновения цивилизаций. В этих условиях одним из приоритетов внешней политики Республики Таджикистан является реализация такой культурной и гуманитарной дипломатии, которая с учетом положительных и отрицательных тенденций процессов глобализации обеспечивает духовное бытие, защиту и сохранность коренных национальных духовно-культурных ценностей таджикского народа, содействует достойному представлению Республики Таджикистан на международной арене как страны, обладающей древней историей и культурой, и современным демократическим и правовым государством, расширению культурно-гуманитарного сотрудничества со странами мирового сообщества с целью укрепления положительного восприятия Таджикистана и его народа».

Для достижения вышеназванных целей культурно-гуманитарная дипломатия Таджикистана предполагает реализацию следующих задач:

- укрепление договорно-правовой базы культурно-гуманитарных связей с иностранными государствами и региональными и международными организациями;
- активная защита прав, интересов и достоинства граждан, в том числе трудовых мигрантов Республики Таджикистан за рубежом посредством формирования всеохватывающей правовой базы и расширения консульского присутствия Республики Таджикистан в регионах компактного нахождения граждан страны за границей;
- правовая и культурно-просветительская поддержка зарубежных соотечественников на основе международно-правовых актов и

международных договоров Республики Таджикистан, содействие объединениям соотечественников за рубежом и защита этнокультурной идентичности, включая родного языка в рамках законов государств их проживания;

- содействие созидательной деятельности Форума таджиков и персоязычных мира для укрепления контактов страны с зарубежными соотечественниками, привлечения их потенциала для развития политического, экономического и духовно-культурного взаимодействия, создания атмосферы интереса и доброжелательного отношения к Таджикистану и его народу со стороны мирового сообщества и международных политических кругов;

- содействие формированию благоприятных условий для пребывания и посещения иностранными гражданами Таджикистана, для развития международного туризма и привлечения туристов в страну;

- содействие организации диалога цивилизаций и конфессий с упором на исторический опыт и вклад таджиков в формирование религиозной и цивилизационной толерантности [1].

В чем заключается необходимость разработки и реализации инструментов мягкой силы во внешней политике Таджикистана?

Так, **первой** необходимостью выступает формирование положительного имиджа Таджикистана на региональном и международном уровнях. Данный подход требует серьезного концептуального обоснования, финансовых ресурсов и привлечения внимания политической и интеллектуальной элиты. Основным трендом четвертого десятилетия суверенитета для Таджикистана будет вопрос имиджа и концептуализация внешней стороны восприятия страны как участника международных отношений.

Второй необходимостью является наращивание собственной мягкой силы для сопровождения внешнеполитических акций: от привлечения инвестиций в реальный сектор экономики до иностранных туристов. В целом, в контексте поиска места Таджикистана в мировом разделении труда можно отметить, что сфера сервиса предоставляет нам существенные возможности для реализации нашего внутреннего потенциала. Поэтому для повышения инвестиционной привлекательности следует активно использовать

инструменты мягкой силы. Другими словами, активное использование данного дискурса может привести к гармоничному восприятию как внутренней политики, так и стратегии государства в сфере привлечения инвестиций со стороны внешних акторов.

Третьей необходимостью является использование инструментов «мягкой силы» для реализации гидроэнергетического потенциала страны, что существенным образом меняет положение Таджикистана в региональном и международном восприятии. Сегодня из-за глобальных экологических угроз особую актуальность приобретают подходы, которые направлены на использование зеленой экономики. В этом контексте при правильном и обоснованном планировании привлечения инвестиций в сферу гидроэнергетики можно извлечь реальную выгоду. Данный подход тесно связан с сопровождением внешней политики в этом направлении.

Рассматривая культурно-гуманитарный потенциал страны, необходимо отметить, что высшее образование Таджикистана, в силу существующей ситуации в Центральной Азии, имеет определённую конкурентоспособность. Это условие прежде всего связана **с 3 факторами:**

во-первых, существенное отличие стоимости получения образования. Анализ показывает, что получение высшего образование в Таджикистане дешевле, чем во всех других странах Центрально-азиатского региона почти на 100%. Таким образом возрастает привлекательность вузов РТ в глазах потенциальных абитуриентов;

во-вторых, природная гостеприимность граждан Таджикистана. Традиционно таджики очень хорошо относятся к приезжим и иностранцам. Этот фактор наблюдается не только в отношении тех, кто приехал на несколько дней/недель, но и в отношении студентов, которые обучаются у нас в стране. Преподаватели и студенты способствуют их социализации в вузе и всячески помогают в решении социально-бытовых проблем;

в-третьих, степень обеспечения безопасности. За последние 10 лет в СМИ не встречалась информация о «нападении или вымогании» в отношении иностранных студентов со стороны граждан Таджикистана. В Душанбе и в других городах и районах Таджикистана иностранные граждане могут свободно передвигаться в любое

время суток с уверенностью в своей безопасности. Таким образом, приведенные факторы, имеющие финансовое и социальное начало, способствуют привлекательности Таджикистана в глазах потенциальных иностранных студентов.

Согласно статистическим данным Министерства образования и науки страны [2], сегодня в вузах Таджикистана (в 2018-2019 учебном году) обучаются 6257 иностранных студентов. Из них больше всего студентов из Туркменистана – 2433 чел., Узбекистана – 1824 чел., Индии – 1208 чел. (все в ТГМУ им. Авиценны), Афганистана – 247 чел., Казахстана – 139 чел., России – 133 чел. и Китая – 66 чел., есть также студенты из Южной Кореи, Пакистана, Ирана и Азербайджана.

Студенты из Туркменистана, в основном, обучаются в Таджикском государственном педагогическом университете (ТГПУ) им. С.Айни (2056), Таджикском государственном институте языков (ТГИЯ) им. С.Улугзода (160) и в Российско-Таджикском (Славянском) университете (РТСУ) (122). Из Индии – 1208 чел., как было отмечено, все обучаются в ТГМУ им. Авиценны. Из Узбекистана – в ТГПУ им. С.Айни (627), в Худжандском государственном университете им. акад. Б.Гафурова (236), в Педагогическом институте Таджикистана в Пенджикенте (163), в Таджикском финансово-экономическом институте (ТФЭИ) (173), в Таджикском техническом университете (ТТУ) им. Осими (134), ТГИЯ им. С.Улугзода (102).

Наиболее востребованными вузами для иностранных студентов считаются ТГПУ им. С.Айни (2724), ТГМУ им. Авиценны (1388), РТСУ (354), ХГУ им. Б.Гафурова (332), ТГИЯ им. С.Улугзода (289), ТФЭИ (202) и ПИТ в Пенджикенте (163).

Таким образом, вырисовывается картина приоритетных направлений гуманитарного сотрудничества страны как условие наращивания её позитивного имиджа на региональном и глобальном уровнях. Привлечение студентов из-за рубежа в учебные заведения Таджикистана можно разделить на три уровня:

1. Центральноеазиатский регион. Как показывает официальная статистика, значительное количество студентов в вузах Таджикистана обучаются прежде всего из Туркменистана и Узбекистана. По

сообщениям СМИ, в новом учебном году (2019-2020 гг.) существенно сократилось количество абитуриентов из Туркменистана, но почти на 100% возросло их число из Узбекистана. Необходимо отметить, что после улучшения отношений между Таджикистаном и Узбекистаном в 2017 г. наблюдается тесное сотрудничество во всех сферах, и гуманитарный элемент выходит на первый план. Интерес студентов из Узбекистана к вузам Таджикистана обусловлен, прежде всего, близостью культуры и языка, а также стоимостью образования в нашей стране. Другим фактором можно назвать существенное число абитуриентов в самом Узбекистане, где каждый год более миллиона выпускников заканчивают школы и их значительная часть хочет получить высшее образование. В Узбекистане наблюдается рост получения высшего образования за рубежом, возрастает количество студентов из этой страны в России, Казахстане, а также в других странах мира. Таким образом, приоритетом для Таджикистана становится привлечение студентов из Узбекистана, так как имеется существенный запрос со стороны граждан этой страны.

2. Индия и в перспективе Пакистан. Получение образование в ТГМУ им. Авиценны гражданами Индии имеет давнюю историю, так как этот процесс начинался еще во времена СССР. Необходимо, на наш взгляд, также привлекать студентов из Пакистана в медицинские вузы.

3. Другие страны мира. Как показывает статистика, в Таджикистане обучаются студенты из 13 стран, и если исключить первые два пункта, то остаётся более 10 направлений. Поэтому привлечение студентов из-за рубежа в вузы Таджикистана можно назвать приоритетным аспектом деятельности Министерства образования и науки страны.

Литература

1. Концепция внешней политики Республики Таджикистан (Утверждена Указом Президента Республики Таджикистан от 27 января 2015 года, № 332).
2. Маълумоти оморӣ оид ба таҳсили шаҳрвандони хориҷӣ дар муассисаҳои таҳсилоти олии касбии Ҷумҳурии Тоҷикистон дар соли таҳсили 2018-2019. Манбаъ: Вазорати маориф ва илми Ҷумҳурии Тоҷикистон.

КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПОСТСОВЕТСКОЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ ТАДЖИКСКОГО КИНО

Арабова Шарофат Маматкуловна

**Кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник отдела искусствознания АН РТ,
кинорежиссер, член Союза кинематографистов РТ,
член Международной сети по продвижению Азиатского и Ази-
атско-Тихоокеанского кино**

Национальные кинематографии Таджикистана, Кыргызстана, Узбекистана, Казахстана, Туркменистана проходят собственный путь развития, связанный со спецификой социо-экономического развития страны. Однако общим является стремление отразить в своем кино чувство патриотизма, национальную идею, культурную идентичность и национальный характер. Отчетливо обозначается неравномерность развития и неравнозначность потенциала центральноазиатских стран в сфере кино.

Безусловно, для развития кинематографического потенциала региона необходима интеграция центральноазиатского кинопространства, что возможно, на наш взгляд, на основе единства традиционных ценностей, отражаемых в фильмах. Целесообразно создание Центральноазиатской кинокомиссии по аналогу Европейской кинокомиссии (European Film Commission), которая занимается киностратегией в странах Европейского Союза. В свою очередь в Казахстане уже несколько лет существует общественный фонд «Центр центральноазиатской кинематографии», который, увы, не вписывается в новый формат стратегического планирования кинопроцесса пяти государств. Тем не менее, его важным достижением является популяризация кино Центральной Азии в мире благодаря оцифровке, изготовлению субтитров и выпуску лучших игровых и документальных картин региона советского и постсоветского периодов в DVD коллекции «Две эпохи национального самоопределения в ки-

но Центральной Азии: 60-е и 90-е годы». Данные коллекции, выпущенные в 2006 и 2008 гг. казахским критиком Г.Абикеевой, распространялись бесплатно среди вузов и библиотек. Именно язык кинопроизведения зачастую является определяющим фактором для его популяризации, как в упомянутом примере с изготовлением английских субтитров для DVD коллекции центральноазиатских фильмов.

Язык фильма расширяет возможности его распространения на кинорынках других стран. Однако, если для тюркоязычных кинематографий региона проблема языка стоит не так остро, то для кинопроката в Таджикистане наличие перевода фильмов обязательно. Другая проблема центральноазиатского кино видится в его недоступности для широкой международной аудитории зрителей. Просмотры центральноазиатских картин, чаще современных и реже киноклассики, остаются прерогативой узкого круга синефилов по всему миру. Это обусловлено, в первую очередь, отсутствием английского перевода и, второе, – недоступностью качественных лицензионных DVD и в целом неоцифрованностью кинонаследия.

Таким образом, меры по развитию кинематографа региона могут включать:

- создание интернет-ресурса, на котором можно было бы посмотреть ключевые фильмы Центральноазиатского региона как советского, так и постсоветского периодов, снабженных субтитрами на иностранных языках.
- циркуляцию фильмов региона на территории центральноазиатских стран. Безусловно, общий кинопрокат предусматривает существование качественного коммерческого кино, что возможно в будущем. Но на начальном этапе генерированию взаимообмена кинопродукцией могли бы служить выставки достижений кинематографий стран ЦА (опыт проведения которых существовал в Советском Союзе), выполняющие функцию бизнес-площадок;
- дубляж современных центральноазиатских фильмов, предназначенных для кинопроката в Таджикистане, Казахстане, Кыргызстане, Узбекистане, Туркменистане;
- профессиональные стажировки на киностудиях республик;

- участие в совместных кинопроектах: обмен киноактерами, техническими и творческими кадрами в кинопространстве ЦА;
- проведение центральноазиатских кинофорумов, кинофестивалей и образовательных инициатив для развития кино региона;

До последнего времени именно Международный кинофестиваль «Евразия» в Казахстане привлекал мировое киносообщество как площадка, на которой можно было увидеть одновременно лучшее центральноазиатское кино. Однако в течение последних лет кинофестиваль «Евразия» изменил свой бренд, переориентировавшись на страны Запада, Восточной и Южной Азии, Ближний Восток, а центральноазиатское кино выделил в панорамную параллельную секцию фестиваля. Поэтому актуальным является вопрос о создании площадки для показа именно фильмов Центральной Азии. В ситуации отсутствия фокуса большинства кинофестивалей на кино из Центральной Азии (причем в их регламенте часто указано общее понятие Азии, в действительности же специализирующихся на кинематографе восточной, южной и Юго-восточной Азии), то остро стоит вопрос об интеграционной принадлежности региона. На данный момент определились такие значительные блоки кинематографий, которым посвящены международные кинофестивали и образовательные программы в сфере кино, как азиатско-тихоокеанский блок, южноазиатский, юго-восточный, западноевропейский, восточноевропейский и балканский блок, блок арабоязычных кинематографий. Зачастую центральноазиатское кино априори входит в блок кино восточноевропейских стран и бывших республик Советского Союза. Но если оно и попадает в программу мировых международных киносмотров данного блока, то его присутствие хотя и успешно, но единично и интервально. Здесь немаловажную роль играет то, что знания о нем лишены массового характера, а о кинематографиях Центральной Азии сейчас не говорят как о феномене региона в целом.

Решение поднятых проблем подразумевает не только создание международно-правовых основ взаимодействия, направленных на решение практических задач, образование стратегической структуры, например, Центральноазиатской кинокомиссии, в задачи которой входили бы вышеупомянутые меры по развитию кино региона,

но и содействие в использовании природных кинолокаций ЦА и привлечение местных киноактеров для съемок международных проектов. Ведь каждая из республик обладает своим неповторимым природным ландшафтом и может предложить широкий диапазон выбора для съемок.

Одним из важных вопросов, требующих особого упоминания, является проблема имиджа центральноазиатского пространства в международном восприятии, или то, как оно себя позиционирует в мире. Часто в отсутствие информационных ресурсов, исторических и культурологических знаний, именно фильмы становятся проводниками упоминавшейся в начале исследования «картины мира», в соответствии с которой начинают судить об обществе за неимением других источников. Центральная Азия в восприятии большинства иностранцев остается влекущей своей таинственностью и нравами «terra incognita», каким в свое время для европейцев являлся Дикий Запад. Именно на создание подобного имиджа, который должен порази своей экзотичностью и непохожестью зрителей, принадлежащих к другому цивилизационному наследию, не всегда способных различить культурные нюансы центральноазиатских стран, прочесть их закодированные коды и поэтому часто создающих обобщенный образ Центральной Азии. К примеру, после просмотра центральноазиатских фильмов последних лет складывается обобщенное представление о регионе, в котором каждый владеет конем, в обычае – кража невест; здесь почитают родителей и духов предков, от гостеприимства ломаются столы, но одновременно это край одиноких женщин, чьи мужья находятся на заработках, где в обычае многоженство; здесь живут мужественные богатыри; происходят рукопашные бои и царит патриархальный уклад; другие проблемы – переходный возраст и самоопределение. В силу этого целесообразным является популяризация знаний о кинематографе Центральной Азии в виде восстановления специализированных журналов о центральноазиатском кино, которые публиковались в 1990-2000-е годы, а также регулярных выпусков киноведческих исследований. На данном этапе в плане киножурналистики преуспел только кыргызский и казахский кинематограф, однако исследова-

ния, посвященные кино стран СНГ, Грузии и Балтии периодически публикуются в России и Корее.

Начиная с первых лет обретения суверенитета в центральноазиатской кинокритике бытовало мнение о том, что таджикское кино существовало в двух ипостасях, т.е. внутри страны и за рубежом – «в эмиграции» – в силу того, что гражданская война в Таджикистане способствовала упадку киноиндустрии, а место производства игровых полнометражных картин прочно (вплоть до 2003 года) заняла кино- и теледокументалистика.

Распад СССР, последовавшая за этим гражданская война, отсутствие финансирования и эмиграция творческих, технических кадров привели к тому, что киностудия «Таджикфильм» переживала не лучшие времена. Возникшие после перестройки независимые киностудии, такие как «Синамо», «Мовваронахр», «Ввысь» и «Хаома», переняли эстафету игрового кинопроизводства в Таджикистане в 1990-х годах. Государственная киностудия «Таджикфильм» в первые годы суверенного Таджикистана была вынуждена производить только официальную кинохронику и документальные фильмы (снятые как на киноплёнку, так и на видео). Однако именно в этот период обнаруживается тенденция создания фильмов об историческом прошлом таджикского народа, которые служили своего рода реконструкцией исторической памяти, остро необходимой в кризисные моменты общества после распада СССР. Это документальные фильмы режиссера Маматкула Арабова «Эфталиты, кто вы?» (1994), «Память сердца» (1995) и первый документальный видеосериал «Бободжан Гафуров: феномен «Таджики» (1998), которые проводят параллели между реалиями 1990-х гг. и историческим наследием таджиков. Эмигрировавшие из Таджикистана таджикские кинорежиссеры продолжили традиции отечественного кино: Джамшед Усманов (ф. «Полет пчелы» (1998), «Ангел на правом плече» (2001), «Чтобы попасть в рай, надо умереть» (2005)) и Гульбахор Мирзоева («Шабат» (1990), «Возвращение в Душанбе» (2000)) много лет живут и работают во Франции. Франция также являлась одной из стран-сопроизводителей картин таджикского кинорежиссера Бахтиера Худойназарова (ф. «Лунный Папа» (1999), «В ожидании моря» (2012)).

Новым этапом в развитии таджикского кино можно считать 27 декабря 2017 года, когда произошло слияние Государственной киностудии «Таджикфильм» и Государственного Унитарного Предприятия кино и видео (проката) «Таджиккино» в новую головную структуру кино - Государственное Учреждение «Точикфильм», в которую интегрированы районные филиалы в Согде, Хатлоне, Бадахшане. Сейчас кинематограф в самом Таджикистане представлен в нескольких вариантах. Во-первых, это продукция Государственного Учреждения «Точикфильм», во-вторых, Государственной киностудии «Сугдсинамо» им.К.Ярматова (ф. «Коса» и «Тангно» М.Музаффари, «Дочь Сайхуна» и «Умарако» Д.Имомали), созданной в г.Худжанд в 2015 г., и киностудии «Хатлонсинамо» им. Б.Худойназарова, созданной в 2017 г. в г.Бохтар. Региональный таджикский кинематограф представлен, в том числе, фильмами и на памирских языках, частично или полностью созданными в Бадахшане (например, ф. «Мушкилкушо» и «Остон» У.Мирзоширинова, «В капле воды весь мир» Т.Гадомамадова).

Помимо государственных студий в стране функционируют десятки частных студий, которые специализируются на производстве музыкальных клипов, рекламных роликов, жанровых фильмов. К тому же кинематограф развивается как в мейнстриме (то есть популярное массовое кино, представленное телевизионными сериалами, семейными мелодрамами, криминальными триллерами, которые часто романтизируют подпольный мир), так и в более или менее авторском варианте. Часто это продукция именно «Точикфильма», который может себе позволить создавать авторское кино, выходящее в небольшой прокат в кинотеатрах столицы, но не всегда пользующееся успехом у массового зрителя.

В стране функционирует 2 международных кинофестиваля: Международный кинофестиваль «Дидор», основанный в 2004 году и проводившийся до 2018 года каждые два года, и ежегодный Международный фестиваль короткометражного кино «Навсоз», который проводится с 2016 г. В 2018 году было принято решение о выделении документального конкурса из Международного кинофестиваля «Дидор» и формировании отдельного Международного кинофестиваля документального кино «Дидор-Verite». Планируется,

что оба фестиваля должны чередоваться с периодичностью раз в два года. В целом, с момента своего возникновения кинофестиваль, у истоков которого стоял известный иранский кинорежиссер Мохсен Махмальбаф, эмигрировавший тогда из Ирана, позиционировал себя как форум кинематографий персоязычных стран – Таджикистана, Ирана и Афганистана, а также охватывал ареал стран СНГ, Балтии и Грузии, за редким исключением включая фильмы из Монголии, Китая и Индии.

В таджикском современном кино заметно сложение нескольких стилистических направлений, обусловленных не только творческим поиском, но и кинообразованием, которое режиссеры получили как в пределах республики, так и за границей. Например, ощутимо влияние соцреализма, российских, иранских, голливудских, европейских и индийских фильмов. На данном этапе все производимые в стране фильмы можно разделить на две категории: те, о которых появляются упоминания не только в прессе, в рекламных материалах, но чьи авторы участвуют с данными фильмами на внутренних киноплощадках (фестивали, трансляция по ТВ); и те, авторы которых создают фильмы (анимационные, короткометражные, экспериментальные, документальные) прежде всего для зарубежного показа, при этом часто данные фильмы обделены вниманием в самой республике и поэтому малоизвестны.

Основными персонажами таджикских фильмов периода после гражданской войны преимущественно являлись дети-сироты, лишившиеся одного или обоих родителей, чьи судьбы явились отголосками гражданской войны. В созданных после 2010 года таджикских фильмах прослеживается эволюция персонажей «детей-сирот», которые выросли и превратились в героев новых популярных таджикских фильмов.

Так, в этом массовом кино, созданном после 2004 года, и ознаменовавшем собой увеличение числа отечественной кинопродукции, отмечаются такие отличительные черты, как усилившееся противопоставление бедных и богатых, подчеркивание социальных различий, романтизация подпольного мира и преступлений. Канули в небытие фильмы о рабочем классе, которые формировали мировоззрение в предыдущий советский период. В целом именно на ме-

сти, как орудии самоутверждения, сконцентрировано большинство отечественных фильмов последних лет. А этические рассуждения в духе «Око за око ослепляет весь мир» уступают новой ценности – доминированию в обществе права сильнейшего. Персонажами фильмов владеет инстинкт самосохранения и сохранения своих близких.

Продукцию киноиндустрии можно рассматривать как «коллективное бессознательное» общества, царящих в нем настроений и системы ценностей. Повторяющиеся из фильма в фильм популярные образы позволяют сделать выводы о закономерности их доминирования в определенной группе в определенный период. Так, например, одним из распространенных сюжетов в таджикском популярном кино, наряду с социальной неоднородностью, можно назвать «социальные фобии» – болезни и автокатастрофы, которые усугубляют бедственное материальное положение героев. Страх угрозы со стороны является подсознательным для зрителей, которые смотрят подобное кино. Другой формой фобии является страх «потерять лицо», не оправдать надежды в глазах традиционного комьюнити. Например, в таджикском кино в течение периода суверенитета было создано три фильма на аналогичную тему – «Овора» (2005), «Тангно» (2017) и «Дугоб» (2018), сюжет которых основан на истории мальчика лет 6-9, которому из-за материальных трудностей вовремя не сделали обрезание, в силу чего герой отвергается обществом. Однако конфликт приходит к благополучному разрешению после того, как герой, следуя установленной традиции, собирает средства и устраивает туй (празднование по случаю обряда обрезания). Как бы парафразом ряда подобных картин служит короткометражный фильм «Хаёлфуруш» (2017) реж. Шарофат Арабовой, в котором ставится вопрос о самой идее мужественности и женственности в традиционном обществе.

Сюжет фильма «Тасфия» (2014) (от араб. «очищение») реж. Ш.Арабовой строится на том, как между супругами – бродячими артистами-масхарабозами Шамсом (от перс. «солнце») и Мехри (от перс. «любовь») разыгрывается сцена ревности, в которой муж убивает жену, а затем, спрятав ее в огромном глиняном хуме, взваливает эту ношу греха себе на плечи и несет ее к обрыву, чтобы

скинуть в воду. Это общая канва фильма, имеющего рамочную структуру, повествование в которой осуществляется устами старого суфийского дервиша, оказывающимся во флешбэке протагонистом Шамсом. К тому же в фильме имеется сцена, в которой старый дервиш ведет естественный диалог со своим собственным «Я», то есть с Шамсом-убийцей. Время в фильме условно и существует как одновременное существующее наложение прошлого, настоящего и будущего. На первый взгляд, фильм разрушает обычную логику. Он эксплуатирует нарративную структуру, в которой в основном сюжете существуют отступления к второстепенным сюжетам, что характерно для средневековой восточной литературы и позволяет свободно трактовать пространство и время. Один из таких рамочных нарративов в фильме «Тасфия» оформляется введением персонажа кукольника, разыгрывающего марионеточную трагедию об артистах-масхарабозах, которая впоследствии воплощается в главном сюжете фильма. И вновь кукольник отсылает к символическому образу творца, дергающего за ниточки судеб наших героев. Однако ближе к концу фильма и он осужден на заключение в подземелье. Но на вопрос протагониста о том, почему он в подземелье, он отвечает иносказательно, сравнивая себя с семенем, которое должно быть под землей. В этом фильме можно найти и другой суфийский мотив божественной любви – это страдание Шамса из-за невозможности соединиться с возлюбленной Мехри.

В кинокритических исследованиях о таджикском кинематографе 1990-2000-х гг. указывалось на сильное влияние иранского кинематографа; в свою очередь не следует забывать, что уже упомянутый иранский кинорежиссер Мохсен Махмальбаф жил и работал около 10 лет в Таджикистане, поставил три полнометражных фильма («Молчание» (1998), «Любовь» (2005), «Человек, пришедший со снегом» (2008)), способствовал учреждению Международного кинофестиваля «Дидор» и обучению молодых кинематографистов. В основе иранского кино, как и советского, лежал принцип реализма, что было не чуждо таджикскому кино, которое теперь использовало народный антураж, интерес к социальной проблематике, национальный язык, а также фокусировалось на историях о детях, в силу цензуры ставших в иранском кино излюбленной темой повествова-

ния. Однако начиная с 2010-х гг. намечается другая тенденция – возникновение иных кинематографических стилей, чему способствовало обучение не только в Таджикистане и Иране, но в различных кинематографических школах в России, Индии, США, Корее. Таким образом, выпускники данных киношкол работают в эстетике, которая культивировалась в определенном учебном заведении и традиции. На данном этапе к представителям российской школы можно отнести кинорежиссеров Руми Шоазимова, Бехруза Давлятбекова, которые окончили ВГИК, Фирдаус Ниязов работает в стилистике западной школы, Шарофат Арабова – в стилистике параллельного индийского кино, Файзулло Файз и Диловар Султони – представители иранской школы. При этом их фильмы отличает четкая тематическая, жанровая и эстетическая градация. Например, фильмы «Сон обезьяны» (2016) реж. Руми Шоазимова и «Осязаемая смерть» (2017) реж. Бехруза Давлятбекова закладывают жанровые основы триллера и ужаса в таджикском кино, то есть раннее отсутствовавшей стилистики в национальном кинематографе. Прошедший в октябре 2018 г. в Душанбе 8-й Международный кинофестиваль «Дидор» явился показательным в плане того, что молодые таджикские кинорежиссеры, которые не работают в стилистике иранского кинематографа, начали отстаивать собственную эстетику и культурную идентичность в рамках прошедшего круглого стола на тему «Молодежное кино: миф или реальность?» [3].

К числу таджикских фильмов последнего десятилетия, получивших известность, относятся «Истинный полдень» (2009) и «Муаллим» (2015) Носира Саидова, «Телеграмма» (2013) Искандара Усмонова, «Белый воробушек» (2014) Диловара Султанова, «Гасфия» (2014) и «Хаелфуруш» (2017) Шарофат Арабовой, «Сон обезьяны» (2015) Руми Шоазимова, «Воздушный Сафар» (2015) Далера Рахматова, «Камиль» (2016) Сафарбека Солиева, «Мушкилкушо» (2016) Умедшо Мирзоширинова, «Дочь Сайхуна» (2016) Далера Имомали, «Тангно» (2018) Мухиддина Музаффара, «Такси» (2018) Файзулло Файза, «Плачь Танбура» (2018) Анисы Сабири.

К ключевым чертам, характерным для современного таджикского кино, относятся следующие:

- Отсутствие в таджикских фильмах планов мечетей, верующих на пятничной молитве, женщин в головных покрывалах и хиджабах.
- Наблюдается противопоставление мусульманина с умеренной религиозностью и мусульманина-экстремиста.
- Таджикское кино не является отображением реальной жизни на экране, а отображением того, какой эта жизнь должна быть.
- Эскапизм, который проявляется в выборе аллегорических тем, духовном поиске персонажей и метафоричном киноязыке.
- Назидательный характер фильмов, характерный для восточной дидактической литературы.
- Ограничения в изображении человеческого тела на экране и защита традиционных ценностей.

Важную роль в развитии кино играет качественное кинематографическое образование, что подразумевает всестороннее развитие молодых людей, осваивание ими кинематографических профессий, знакомство с мировой литературой и кинонаследием. Несмотря на то, что с 2014 года в Таджикском государственном институте искусств им.М.Турсунзаде функционирует отделение кинорежиссуры, в 2016 году по инициативе тогдашнего творческого объединения «Дебют» был впервые организован пятимесячный курс Школы молодых кинематографистов Государственной киностудии «Таджикфильм», который проходил с декабря 2016 по май 2017 года и подготовил 14 выпускников. Целью данной инициативы является поиск будущих кинематографистов, создание потенциальной среды для творческого роста, привлечение окончивших данные курсы кадров к работе «Таджикфильма» в качестве ассистентов режиссера, оператора, звукооператора, художника и др. Часть выпускников школы сейчас работает в государственных структурах кино и телевидения, остальные занимаются частным кинопроизводством. Более того, эта киношкола получила лицензию Министерства образования и науки Таджикистана. По итогам обучения в киношколе ее слушатели создали два коллективных короткометражных фильма – «Писарак» («Сынок») и «Пианист». Существующая пятилетняя программа развития кино предусматривает создание 10 коротко-

метражных фильмов Школы молодых кинематографистов. Однако из-за реорганизации структуры «Таджикфильма» самой школы уже не существует, а вместо нее образован Центр подготовки специалистов. Название, правда, звучит несколько абстрактно: оно может подразумевать и отправку за рубеж, и подготовительные курсы перед подачей документов на учебные квоты, и стажировки при киностудии или курсы повышения квалификации сотрудников любого профиля. При этом этот Центр, имеющий конкретные задачи, не фигурирует в программе развития кино [4].

В 2018 году 8-й Международный кинофестиваль «Дидор» предварял 6-месячный курс киношколы «Дидор». С 2017 года ежегодно проводятся 5-месячные курсы по «Арт-критике кино», являясь частью программы «Искусство и социальный активизм» Института «Открытое общество» – Фонда Содействия в Таджикистане. Подобные образовательные инициативы служат аккумуляции и сплочению молодых кинематографистов. Тем не менее, будущих специалистов по всем кинематографическим специальностям необходимо было бы отправлять на учебу в мировые киношколы, причём сугубо на конкурсной основе.

Вместе с тем, следует отметить и то, что при анализе процессов происходивших ранее и имеющих место в таджикском кино сейчас вырисовываются определенные рекомендации, использование которых способно положительно сказаться на развитии этой отрасли, которая, как создается впечатление, ввиду значительного пробела в стабильном кинопроизводстве конца 1990-2000-х гг. зашло в некий тупик. Иными словами, кино уже не может развиваться в традициях таджикского кинематографа периода распада Советского Союза, и в то же время пока не найдены новые художественные направления, которые определили бы его форму и одновременно отвечали бы современным вызовам таджикского общества [1].

Важная задача для таджикского кинематографа заключается в том, чтобы стать частью идеологии развития и пропаганды возможностей. Таджикский кинематограф должен способствовать созданию положительного имиджа страны, а для этого необходимо производить качественные фильмы и демонстрировать их на известных международных кинофестивалях, завоёвывать призы и по-

лучать кинопремии. Ведь у многих представителей зарубежной зрительской аудитории, представления о Таджикистане формируются именно на основе фильмов, снятых в этой стране. Посольства и консульства Таджикистана, а также другие представляющие нашу страну за рубежом организации должны содействовать пропаганде и популяризации отечественных фильмов и таджикской культуры в целом. Кино, являясь одним из инструментов «мягкой силы», нередко используется в целях культурной экспансии, подразумевающей и экономический захват кинорынка, и создание психологической привязанности к определённой кинопродукции. На данный момент таджикский экран перенасыщен зарубежными фильмами, которые оказывают влияние на формирование мировоззрения молодого поколения [2].

Для того, чтобы полноценно интегрироваться в международный кинематографический процесс и быть готовым к международному сотрудничеству как в области кинопроизводства, так и дистрибуции фильмов, таджикскому кинематографу, прежде всего, необходимо наладить инфраструктуру. Это подразумевает и обеспечение широкого спектра необходимой киноаппаратуры, которую приехавшие в Таджикистан для съёмок киногруппы могли бы взять в аренду; и создание транспортной системы, благодаря которой было бы возможно передвижение по всей стране.

Например, зарубежные кинокомпании могли бы проводить съёмки в таких труднодоступных и экзотических местах как Мургаб, который по ландшафту напоминает индийский Ладакх, где реализуется большое количество международных проектов, включая документальные фильмы, коммерческое кино, музыкальное видео и другие. Не менее экзотичным местом для съёмок является Дарваз. В этом смысле возможности развития кинематографа сильно зависят от общего уровня развития туристической и транспортной инфраструктуры.

Немаловажным фактором, который мог бы стимулировать международное кинопроизводство в Таджикистане, является налоговое регулирование и введение льгот. Реализация крупного проекта могла бы дать серьёзный импульс для модернизации «Таджикфильма». Однако одни только финансовые вложения без обеспечения соот-

ветствующего качества не смогут принести должных результатов. Для рентабельности и конкурентоспособности таджикских фильмов на внешнем рынке их необходимо качественно снимать и профессионально преподносить. Необходимо приложить усилия к тому, чтобы таджикский фильм стал интересен зарубежному зрителю. Ведь советское таджикское кино в свое время создавалось профессионально и пользовалось успехом не только в Советском Союзе. В настоящее время отсутствует высокопрофессиональная кинопродукция, которую Таджикистан мог бы предложить на кинорынок. Любой бизнес (а кино, как известно, не только искусство, но и бизнес) может развиваться при наличии конкурентной среды, а в нашем случае – частных студий. Когда будет конкуренция, тогда и появится мотивация, чтобы создавать что-то лучшее. Например, в Индии фильмы может снимать каждый желающий. В течение одного года там создается более пяти тысяч фильмов. Из них регистрируется порядка двух тысяч картин. Это те работы, которые впоследствии получают прокатное удостоверение, что дает им право демонстрироваться в кинотеатрах. А так каждый может выйти на улицу и снимать свое кино. Таким образом, у них количество переходит в качество. У нас же нет такой возможности.

Главная киностудия страны «Точикфильм» обладает некоторой киноаппаратурой, с помощью которой производится несколько полнометражных игровых фильмов в год. Съёмочный период каждого фильма в среднем составляет 30 дней. Малокартинье, связанное, прежде всего с недостаточным финансированием отрасли, сказывается также на том, что приобретённая аппаратура не используется на полную мощность и простаивает. Таджикские фильмы зачастую снимаются на кустарном уровне именно по причине дефицита средств. По этой причине приходится работать на устаревшем оборудовании, отказываться от качественного звука, нанимать непрофессиональных актёров. Режиссёрам приходится довольствоваться тем, что у них имеется в распоряжении. Очевидно, что нужно привлекать инвесторов в сферу кино, мотивируя меценатов, объясняя им, почему они должны обратить свое внимание на кино, доказывая, что кинематограф является частью бизнеса, качественную ки-

нопродукцию которого всегда можно экспортировать в другие страны для получения прибыли [5].

Позитивную роль в развитии таджикского кинематографа могло бы сыграть партнерство киностудии «Точикфилм» с молодыми кинематографистами, предоставляя последним на безвозмездной основе имеющуюся аппаратуру и павильоны. В данном случае речь идёт даже не о создании фильмов на базе «Таджикфильма», а лишь о партнёрстве, учитывая то ограниченное финансирование, которое ежегодно выделяется на съёмку небольшого количества фильмов киностудией. Это способствовало бы пропаганде бренда «Таджикфильм», улучшило бы имидж киностудии, увеличило бы количество производимых картин в Таджикистане и, что немаловажно, содействовало бы внутренней интеграции таджикских кинематографистов. Именно объединение усилий в деле кинопроизводства и продвижения фильмов является основным залогом развития таджикского кино. Кроме того, серьёзный импульс для развития национального кино дала бы реализация инициативы таджикского киноведа Садулло Рахимова о создании Ассоциации национального киноискусства, обладающей полномочиями самостоятельного принятия решений и заключения договоров с международными продюсерами и дистрибьюторами.

Важной задачей является налаживание кинопроката в Таджикистане, для чего необходим ремонт сети кинотеатров и запуск их в эксплуатацию, причём немалую роль в этом процессе должно играть государство. К сожалению, из-за ветхости многих зданий кинотеатров советского периода и отсутствия компактных современных мультиплексов, прокат новых таджикских картин в районах и селах нередко проводится кустарным способом (с помощью проектора и походного экрана), более характерным для романтических 1920-х годов. Если столичный Дом кино является платформой для показа авторского кино, то коммерческий кинематограф так же нуждается в кинотеатрах для реализации своей продукции, учитывая, что пока не будет налажена система кинопроката, не будет возврата затраченных средств и, следовательно, желающих инвестировать в таджикский кинематограф. В этой связи можно было бы создавать маленькие кинотеатры в большей части строящихся в

стране торговых центрах. Афишу таких кинотеатров на первых порах могли бы составлять зарубежные фильмы с последующим увеличением в кинопоказе доли отечественного кино.

Важным шагом для развития таджикского кино является то, что кинематография выделена в отдельную госструктуру. Кинематографисты добивались этого более 10 лет, и это не может не сказаться положительно на развитии таджикского кино. Еще в 2005 году была принята «Программа развития кино на 2006-2010 годы». После этого для овладения режиссерским и операторским мастерством в зарубежные вузы было направлено некоторое количество молодых людей. Они вернулись в страну дипломированными специалистами. Однако большинство из них никак не задействованы в деятельности «Точикфильма», многие работают не в самом кино, а в смежных с ним сферах. Следует подчеркнуть, что новая программа развития кино на 2018-2022 годы уже сейчас обнаруживает свою несостоятельность в силу того, что она была принята до формирования новой структуры – государственного учреждения «Точикфильм» при Правительстве Таджикистана. Таким образом, некоторые положения программы просто устарели. Поскольку сначала была принята программа, и только потом появилась новая структура – «Точикфильм», в программе оказались не прописаны полномочия этой структуры, степень ее самостоятельности в реализации кинематографической деятельности. Такая неопределенность тормозит развитие отрасли, возникают трудности в выполнении задач, поставленных в программе.

В соответствии с программой финансирование кино должно осуществляться не только за счет республиканского бюджета, но и за счет Комитета телевидения и радио, а также средств целевого финансирования отраслевых и проектных программ, грантов и кредитов международных вспомогательных и благотворительных фондов, юридических лиц, внутренних и внешних инвестиций, внебюджетных средств, куда входят доходы от обслуживания и арендные отчисления. В программе названа и конкретная сумма, необходимая для ее реализации: выделяемые из республиканского бюджета 15 млн сомони (\$1,6 млн), внутренние средства – 6,235 млн сомони (\$700 тыс.). Кроме того, предусмотрено привлечение вне-

бюджетных средств и инвестиций на сумму 14,5 млн сомони (\$1,5 млн). Однако для начала хорошо бы создать в кино благоприятный инвестиционный климат и закрепить его нормативно-правовыми документами. Эти средства предназначены на запланированное кинопроизводство и дубляж иностранных фильмов. Кроме того, на приобретение нового оборудования (операторского, осветительного, монтажного, звукового), грима, транспорта, на реконструкцию, ремонт и строительство помещений и кинотеатров, а также на проведение кинофестивалей, покупку иностранной кинопродукции, развитие региональных подведомственных предприятий кино, образовательные инициативы. Как известно, бюджет зависит, в первую очередь, от масштаба событий в сценарии и формата фильма. Если говорить о Таджикистане, то и наши короткометражки, и полный метр сейчас даже не мало-, а микробюджетны. Преимущество «Точикфильма», предусмотренное программой, должно состоять в наличии собственного оборудования, которое тогда не придется брать в аренду. Это серьезно облегчит смету фильма. В общем же сейчас в республике короткий метр снимается со средним бюджетом в \$3-5 тысяч и даже менее, а бюджет полнометражного игрового фильма составляет примерно \$15-20 тыс. Было бы целесообразно в этих условиях наладить эффективное сотрудничество с зарубежными кинокомпаниями. Однако в Таджикистане совместное с иностранными студиями производство кино совсем не развито. И это при том, что у нас есть и оборудование, и местные творческие кадры: режиссеры, операторы, актеры, которые могут быть задействованы в крупных иностранных проектах. Очевидно, стране нужны специалисты, умеющие налаживать международное сотрудничество, вести деловые переговоры и выступать гарантами выполнения взятых обязательств.

До последнего времени статистика произведенных в Таджикистане фильмов не велась. Однако известно, что большинство фильмов, которые снимал «Таджикфильм», оставалось на полке. Сейчас выпуск фильмов в прокат и контроль над кинорынком в целом вошел в компетенцию «Точиккино». Недавно появились единые образцы билетов в кинотеатры, подчиненные ГУ «Точикфильм», а

также определена стоимость этих билетов, что должно помочь в регистрации кассовых сборов [4].

В настоящее время до зрителей доходят в основном игровые полнометражные фильмы, намного реже – короткометражное кино, платформой показа которого остаются только фестивальные площадки. Существуют документальные фильмы, которые делаются на заказ. Обычно они приурочены к знаменательным датам, ограничены актуальной тематикой и предназначены для показа по местному телевидению. Однако тут есть специфическая конкуренция: каждый из таджикских телеканалов обычно сам производит документальную продукцию, которой и заполняет эфир. Именно по этой причине продукция «Точикфильма» остается незаметной для рядового зрителя. Было бы целесообразно вести статистику по фильмам, создаваемым как на государственных, так и на частных студиях республики. Правда, «Точиккино» выдает лицензию на фильм, нечто вроде прокатного удостоверения. На основании выданных лицензий «Точиккино» и ведет регистр фильмов. Но дело в том, что далеко не все создаваемые в стране фильмы могут позволить себе такую роскошь, как прокат. Большинство картин изначально предназначены для реализации в видеомагазинах и показа по ТВ, реже – в более или менее обустроенных кинотеатрах. К сожалению, в республике отсутствует налаженный кинопрокат. Именно поэтому большинство частных студий рассчитывает на DVD-продажи. Но и они оказываются убыточными из-за пиратства. Поскольку население практически отучилось ходить в кинотеатры, единственным выходом для производителя представляются выездные кинопоказы в регионах. Их организуют создатели фильмов, и проходят они в школах, под открытым небом и т.д.

На современном этапе развития таджикского кинематографа очень нужна новая программа развития кино, которая бы учитывала новые реалии и новую стратегию развития. При этом необходим детальный пятилетний план мероприятий, на которые выделяется бюджет, а каждый пункт программы был обоснован и конкретен. Также было бы целесообразно разработать новый бюджет, который бы учитывал реорганизацию прежде существовавших отделов «Таджикфильма» и «Точиккино».

Литература

1. Арабова Ш.М. Кинематограф в странах Центральной Азии: состояние, тенденции и потенциал развития. – Бишкек, 2018. – С.6-10.
2. Арабова Ш. Хорошее кино — это имидж государства. URL: <http://eurazvitiye.org/events/20141221> (дата обращения: 25.08.2019).
3. Круглый стол проходил 20.10.2018 в рамках 8-го МКФ «Дидор» в Душанбе, Республика Таджикистан.
4. Очень короткий метр. Почему зритель в Таджикистане не видит свое родное кино. URL: <https://www.fergananews.com/articles/10194> (дата обращения: 25.08.2019).
5. Что мешает «Таджикфильму» «Летать высоко»? URL: http://www.narodnaya.tj/index.php?option=com_content&view=article&id=7701:--lr-l-r&catid=65:kultura&Itemid=196 (дата обращения: 25.08.2019).
6. Очень короткий метр. Почему зритель в Таджикистане не видит свое родное кино. URL: <https://www.fergananews.com/articles/10194> (дата обращения: 25.08.2019)

АНАЛИЗ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ЕДИНСТВО В МНОГООБРАЗИИ

Шерматова Сайёра Музафаровна
Докторант университета Цинхуа (КНР, Пекин)

Распад Советского Союза привел к появлению на его южных границах пяти независимых республик – Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана. До 1991 г. в этой части мира не было такого количества государств с границами и консолидированными структурами власти. Современные национальные государства являются принципиально новым явлением местной истории. С получением суверенитета и членства в международном сообществе для этих государств стало важно укреплять свою национальную государственность путем формирования государства и региональной идентичности. В рамках этого исследования для нас важны идентичности, существующие в современных государствах Центральной Азии, поскольку они могут влиять на формирование общей региональной идентичности и нахождение места региона в системе международных отношений.

Центральная Азия – самый молодой международный регион в мире. Формально он появился после Ташкентского саммита стран региона в январе 1993 года, где первый президент Казахстана Назарбаев предложил отказаться от прежнего определения «Средняя Азия и Казахстан» и принять концепцию «Центральная Азия», которая охватывает все пять постсоветских государств региона [34]. В данной статье, мы будем придерживаться политического определения Центральной Азии как географической зоны, ограниченной пределами пяти республик – Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана.

Некоторые аналитики утверждают, что это объединяющее определение (Центральная Азия – прим. автора) обозначило региональную идентичность всех пяти постсоветских республик [34]. Но также есть и другое мнение, что? несмотря на то, что историческое и культурное единство региона Центральная Азия не вызывает ни-

каких сомнений для наблюдателей извне, для самих жителей существование единого региона не так очевидно... До сегодняшних дней на ментальной карте народов Центральной Азии само существование общего региона – еще не факт [31].

25 лет независимости показали, что как бы ни были важны общая история и культурное наследие, определяющую роль играет осознание общего культурного наследия. Сегодня проблематика сотрудничества государств Центральной Азии и построение нового сообщества государств в регионе вновь приобретает актуальность на фоне активизации двусторонних отношений между ними¹. Данные процессы прибавляют оптимизм, что будущее стран напрямую зависит от процессов региональной интеграции, одним из важных оснований которого является культурно-цивилизационное единство региона.

Одних прагматических интересов недостаточно для долгосрочного и конструктивного сотрудничества между народами и государствами. Регионы, имеющие духовно-культурное сообщество, демонстрируют более высокий уровень сотрудничества и интеграции. Следовательно, новая парадигма взаимодействия между государствами Центральной Азии должна включать в себя создание культурно близкого и независимого пространства для создания новых парадигм реальности. Но определение центральноазиатской идентичности – дело непростое. Региональная идентичность может рассматриваться как ключевой элемент построения региона как социально-политического пространства и институциональной системы [44].

Теоретически это влияние очевидно. Например, государство официально одобряет идеологию, направленную на сближение с другим государством или группой государств. Во-первых, это дает партнерам четкий сигнал о выборе союзников или предпочтительных партнеров. Как отмечает Александр Вендт [47, с.247], выбор союзников и врагов играет ключевую роль в структурировании системы международных отношений. В частности, строительство структур безопасности в регионах зависит от присвоения одной из

¹ Центральноазиатские региональные отношения между пятью странами претерпели значительные изменения после прихода к власти нового Президента Узбекистана Ш.Мирзеева.

ролей различных внешних сил: «враг», «соперник» или «друг». По словам Вендта, эффективная интеграция происходит только с теми, кому приписывают роль «друга». Присутствие «врага» не менее важно, поскольку «образ врага» помогает идеологически интегрировать ту или иную группу государств. Во-вторых, через системы образования и СМИ, на которые влияет государство, этот выбор начинает влиять на массовое сознание, создавая стимулы для проведения соответствующей внешней политики. То есть нисходящая система построения идентичности.

Центральноазиатские общества переживают такой переходный период, когда «меняется не только внешняя структура социальных отношений, но и внутренний мир, ценностные устремления самого человека. Соответственно меняется механизм адаптации, а также форма взаимоотношений с окружающей средой. Основным содержанием этого процесса является, во-первых, утрата социальными субъектами своего прежнего социально-экономического, политического, культурного и идеологического статуса. Во-вторых, поиск в социальных субъектах нового контента собственного «Я» [8]. Это транзитный период, когда переход к новому состоянию общества происходит одновременно с осуществлением модернизации в области социально-экономических и политических отношений. Это влечет за собой изменение систем ценностной ориентации на разных уровнях: общественном, групповом, личном.

Источники коллективной идентичности. Э.Тоффлер в своей книге «Третья волна» пишет, что в настоящее время «...миллионы людей занимаются поисками своей идентичности или какого-то магического средства, которое помогло бы им вновь обрести свою личность, мгновенно дало бы ощущение близости или экстаза, привело бы их к более «высокому» состоянию сознания» [35, с.579]. К сожалению, в условиях глобализации многие люди (в том числе и жители Центральноазиатского региона – прим. автора), «растеряли свое «Я», свою идентичность, несмотря на то, что «перед ними имеется достаточный выбор возможных источников идентификации и отождествления себя с чем-либо или с кем-либо» [30, с.123].

В этой связи справедливо замечание авторов доклада «Пять государств и/или один регион? Национально-региональный дуализм в

Центральной Азии» [34] относительно того, что «среднестатистический житель Центральноазиатского региона на вопрос о том, что общего между казахом и узбеком, или узбеком и таджиком, кыргызом и туркменом, очевидно, в лучшем случае ответил бы в ключе стандартных медийных формулировок – «общее прошлое и культура, религия и наследие». Однако исторический контент для многих остается туманным и фрагментарным. Такая «размытая идентичность» привела к тому, что сознание значительного числа жителей региона оказалось фрагментированным, вследствие чего ответить однозначно на вопрос, кем они являются, превратилось в проблему.

Расположенный на перекрестках маршрутов между востоком и западом, этот регион в течение многих столетий способствовал диалогу и взаимодействию культур, языков и религий вдоль Великого шелкового пути. И этот центр евразийского континента на протяжении тысячелетий находился под влиянием извне. В статье не будет проведено глубокое исследование исторического влияния каждого внерегионального субъекта. Вместо этого имеет смысл выбрать наиболее сильных, которые повлияли на культурно-цивилизационное пространство Центральной Азии и стали источниками его идентификации.

Россия и постсоветская идентичность. Ввиду своей исторической принадлежности к Российской империи, а затем к Советскому Союзу Центральная Азия очень серьезными историческими корнями связана с Россией и постсоветским регионом. Появление истоков национальных государств связано именно с Россией, когда в период исторического размежевания народов (20-30 гг. XX века) впервые на основе этнокультурной принадлежности народов были созданы национальные республики (в рамках Союза). Социально-психологические характеристики обществ, политическая культура, география, институциональные основы имевшей в советское время прото-государственности и нормативно-идеологический фон, определяющий общественные отношения, более полувека были общими для всех народов региона [34]. Это был период формирования новых, современных наций, нового национального самосознания, новой национальной культуры. Также происходил процесс осознания, продвижения и демонстрации себя миру через единый центр. Од-

новременно это был период открытия для себя новых просторов: европейской цивилизации через трансформирующийся русско-советский мир.

После достижения независимости элиты стран Центральной Азии создали идеологические конструкции, сфокусированные на создание новых независимых наций. Таким образом, официальное апеллирование советскому слою идентичности высветило бы явное противоречие целям и смысловому содержанию данных конструкций. В этих конструкциях история нахождения народов Центральной Азии в составе Российской империи и Советского Союза кардинально пересматривалась, а многие события или деятельность различных национальных политических движений того времени трактовались зачастую в диаметрально отличном от дореволюционной или советской историографий ключе.

Так, например, в историографии новых независимых государств стало подчеркиваться, напротив, что центральноазиатские страны имеют свои национальные историю и культуру, по сути отличные от российских и каким-то образом видоизмененные или «искаженные» пребыванием в составе Российской империи, и при этом ударение стало делаться на такие историографические темы, как страдания народов от российского завоевания, различного рода дисбалансы, созданные уже в первые периоды господства Российской империи в регионе [12, с.27]. Получилось так, что, стараясь освободиться от всего советского, новые независимые государства начали отвергать собственное коллективное 70-летнее бытие в едином государстве, давшем начало не только их нынешним территориальным оформлениям, но и самому прецеденту быть государством-нацией [34].

Основными институтами, удерживающими постсоветскую идентичность в Центральной Азии, являются русский язык и недо-реформированная советская система образования. Ареал распространения русского языка неуклонно снижается. Языком торговли, государственного управления и общения внутри стран все больше становятся автохтонные языки, хотя русский продолжает использоваться в урбанистических центрах, межгосударственных отношениях и экспорно-импортных операциях.

Феномен постсоветской идентичности, существующий в Центральноазиатском регионе, сам по себе является интересным социокультурным явлением, имеющим свою специфику по сравнению с другими постколониальными территориями. Необходимо упомянуть интересное мнение Ч. Ногойбаевой [14, с.104]: «В контексте формирования региональной общности постсоветская идентичность не только может, но и используется для создания военно-политических, геополитических, экономических образований. Совершенно закономерно, что среди межгосударственных объединений на пространстве бывшего Советского Союза большую часть занимают организации, созданные под эгидой бывшей метрополии».

В принципе с этим мнением можно согласиться ввиду того, что в настоящее время Россия предпринимает активные усилия по реинтеграции постсоветского пространства на этой исторической основе в рамках таких новых организаций, как ЕАЭС, ОДКБ и ШОС [12, с.33], Россия продолжает играть роль главного гаранта военной стабильности в регионе. Это самый важный торговый партнер Центральной Азии и ежегодно импортирует много рабочей силы из региона [7].

Мусульманский мир и исламская идентичность. Религия составляет специфику, сущность и единство региона. Современная Центральная Азия также характеризуется преобладанием исламской идентичности, и после арабских завоеваний (VII-VIII вв. н.э.) регион стал частью исламского мира. Распространение ислама сопровождалось прекращением широкой практики религиозного плюрализма, выраженного в наличии в регионе зороастризма, буддизма, манихейства, несторианства (христианство), шаманизма, тенгрианства и других верований [34]. Культурной, политической и экономической интеграции с исламским миром способствовали как торгово-экономические связи на Великом шелковом пути, так и особенности системы исламского образования [5]. В результате трансляции ислама как конфессионально культурного компонента общественной жизни того времени, он стал также центробежной силой в распространении гуманистических идей ислама в степной зоне и среде кочевых тюркоязычных племен [3]. Ислам стал важ-

ным фактором развития суверенных государств региона. Он сохранил свое значение и даже ускорил свое влияние как на уровне государства, так и на уровне домохозяйств, играя роль важного аспекта этнической идентичности. Центральноазиатский регион выделяют в рамках единой исламской цивилизацией, называя её тюркско-исламской с примесью персидско-таджикской [3].

В период перестройки (середина-конец 1980-х) во всей Центральной Азии, а также в других частях Советского Союза происходило возрождение религии. Как отмечает известный исламовед А.Малашенко, с самого начала существования новых независимых государств, правящие элиты Центральной Азии стремились «использовать религию для консолидации коренных мусульманских этносов и одновременно использовать ее в качестве одного из источников для создания общенациональной идеологии [16]. Дело в том, что распад Советского Союза привел к исчезновению коммунистической идеологии с ее марксистским языком и понятийным аппаратом, благодаря которому элита и общество могли более или менее адекватно описывать и объяснять политическую, экономическую и социальную реальность. В результате это оставило население стран Центральной Азии в состоянии «идеационного вакуума», который постарались заполнить идеологи радикального ислама, национализма, различные секты. Вся эта идеологическая конкуренция могла обернуться угрозой масштабной дестабилизации. Опасность такой дестабилизации наглядно показали Ошские события 1990х гг. и гражданская война в Таджикистане (1992-1997гг.). Это быстро заставило даже две наиболее исламизированные страны перейти на ограничение (или контроль) влияния ислама на политику. Таким образом, принятие исламской идентичности стало невозможным в регионе.

Исламская идентичность аналогично диссонировала бы с воззрениями и ценностями носителей других религиозных учений и вызывала бы опасения в радикальной исламизации региона со стороны России, Китая, возможно, части либеральных кругов на Западе, а также сторонников светского устройства государств Центральной Азии.

Тем не менее, государства Центральной Азии имеют неразделимую историю с Ираном, Афганистаном, Пакистаном и Турцией. Северный Афганистан и Северный Иран этнически являются органической частью региона, окончательно разделенной политическими границами только в XIX веке. Турция связана с Центральной Азией в этнолингвистическом, историческом и культурном отношении, благодаря происхождению турок-сельджуков из этого региона, исходя из остатков стран, в которых со временем появилась Османская империя. Пакистан исторически возник в зоне взаимодействия цивилизаций полуострова Индостан и исламского мира [12, с.33]. Исламская идентичность региона активно используется как культурная основа для развития отношений с мусульманским миром.

Внутрирегиональные источники идентичности. Регион Центральной Азии отличается не только влиянием внешерегиональных конструктов идентичности, но также исторически «богат» своими внутренними источниками идентичности. Последние можно представить в виде слоев идентичности, которые в разные промежутки исторического развития могли противостоять друг другу, но в основном представляли собой симбиоз, мирное сосуществование, смешение, «единство в многообразии».

В последние полторы тысячи лет оседлые и кочевые жители, иранцы и тюрки были важнейшими частями существующих в Центральной Азии государств. Цивилизационные различия между «степной» и «оседлой» (кочевниками и земледельцами) зонами региона представляют собой один из самых больших внутренних слоев региональной идентичности. На сегодняшний день в массовом сознании и академических кругах является распространенной мифологема об их антагонистичности. Так, например Ли Ю [15] в своем автореферате пишет, что данная цивилизационная разница стала одной из дезинтегрирующих факторов региона (в 1990-е гг. – прим. автора). Условная граница между преимущественно оседлым и преимущественно кочевым народами отделяет степную евразийскую казахско-киргизскую часть Центральной Азии от ее среднеазиатской оседло-мусульманской части, проходит по линии: южная граница Казахстана между Каспийским морем и Аралом – Араль-

ское море – восточнее Сырдарьи – горы Каратау – гора Манас – границы между северным и южным Кыргызстаном [12, с.41]. Значение этой границы очень широко обсуждается в казахской и киргизской политологии. Они утверждают, что существует разрыв между двумя цивилизациями, взаимодействующими друг с другом: кочевниками и оседлыми земледельцами [29, с.169].

А.А.Казанцев пишет: «Разделение между кочевниками и земледельцами среди представителей коренных народов играет очень большую роль отнюдь не только в плане экономики (земледелие-скотоводство) или культуры (степени приверженности к исламу). Они имеют различные политические традиции: вольготной степной жизни с правом откочевки от правителей или «нормальной» восточной деспотии. Различны и способы социальной организации этих народов. Оседлые народы живут преимущественно территориальными общинами (самым лучшим ее примером являются таджикско-узбекские махалли). Среди них также преобладают региональные субэтничности. Кочевые народы в большей степени организованы по родо-племенному принципу. Наконец, чисто оседлые земледельцы преимущественно ираноязычны, в то время как кочевники – тюркоязычны» [12, с.43].

Глубинные различия в основах двух цивилизаций – кочевой и оседло-земледельческой – выделяет кыргызский исследователь Н.Омуралиев: «Существует не только известное этнокультурное и этнопсихологическое различие в образе жизни азиатских и европейских народов, но и цивилизационные противоречия по различиям в образе жизни оседлой, земледельческой и кочевой, скотоводческой цивилизаций, в рамках, например, родственных тюркоязычных народов» [25, с.72].

Многие авторы также указывают на степень приверженности людей в разных частях региона исламу и местным традициям [14; 25]. На севере обозначенной границы принадлежность к исламу не повлекла за собой изменений в образе жизни и даже в системе представлений о мире. Культурно и исторически эта часть региона генетически сходна с культурой кочевых народов Монголии, Сибири, Северного Китая, Урала и Поволжья. Напротив, в старых сельскохозяйственных оазисах Узбекистана и Таджикистана преоблада-

ет оседлая исламская цивилизация с элементами кочевничества, более тесно связанными с восточно-исламским и восточно-иранским миром. У туркмен, в свою очередь, очень тесные этнические связи с турками Ирана, Ирака, Азербайджана и Турции [46].

Тем не менее, несмотря на цивилизационные различия, центральноазиатское месторазвитие¹ обусловило открытость и комплексность народов региона к диалогу с другими культурами и этносами. Таким образом, народы региона исторически развивались в состоянии постоянных контактов и связей. Это воплощено в принципе «единства в разнообразии», который характерен для всех народов региона [14]. Поэтому в регионе постоянно происходил процесс аккумуляции и синтеза разнородных социокультурных компонентов: религиозных верований, традиций, ценностей и социальных норм [9]. Так, например, существовал симбиотический баланс кочевых и оседлых сельскохозяйственных общин. Несмотря на разделение титульных этнических групп региона на кочевые (казахи, кыргызы, туркмены) и оседлые (узбеки, таджики), узбеки и казахи имеют наибольшее совпадение в генеалогической карте. Также очень интересным является факт сосуществования и сохранения в этнических группах таджиков, которые являются иранскими и оседлыми, некогда кочевых тюркских племенных групп, таких как карлуки, минги, дурмены, лакайцы, конграты, катаганы, юзы, барласы, кипчаки, найманы, мангиты [34].

Авторы отмечают, что позднейшие исторически крупные государства региона, широко известные по названиям своих столиц – Бухара, Хива и Коканд – представляли собой отражение этого исторического симбиоза. Кокандское ханство, которое в период своего расцвета равнялось по площади Западной Европе, было заселено номадами и оседлыми жителями, предками современных узбеков, таджиков, казахов и кыргызов. Историческое ядро ханства находилось в ярко выраженной кросс-культурной зоне Ферганской долины с ее тюрко-иранским билингвизмом. Аналогично Хивинское

¹С географической точки зрения Центральная Азия есть единый целостный регион, объединенный системой двуречья Сырдарья и Амударья. Именно благодаря этим рекам регион Центральной Азии пригоден для проживания людей. В то же время регион сочетает в себе несколько разных ландшафтов: степь, пустыни, речные долины, горы, поросшие лесом.

ханство и Бухарский эмират были местообитанием для предшественников большинства современных этносов региона, которые освоили речные и горные долины, оазисы, степи и пустыни [28].

Этот долгий исторический симбиотический сценарий привел народы региона к созданию своеобразного транснационального населения. Это особенно актуально для пограничного населения. Следует отметить, что на территории каждой центрально-азиатской республики помимо титульной нации есть представители соседних стран (независимо от того, являются ли они наследниками кочевников или оседлыми, турками или персами), в результате феномен смешанных семей стал распространенным явлением. Все это показывает, насколько глубоким был симбиоз.

По сути, это означает, что на уровне общества нет значительных препятствий для создания единой региональной идентичности. Единственная сложность в случае Центральноазиатского региона, заключается в том, что создание последней может произойти только тогда, когда её поддерживают и возглавляют политические и аналитические круги. Влияние первой категории – политических элит – ещё более важно из-за специфики политических систем региональных государств. Развитие гражданского общества является очень медленным процессом, и влияние населения на политику государств очень слабо. Таким образом, единственным способом составления какой-либо коллективной объединяющей идентичности в регионе должен быть «нисходящий» тип при поддержке политических элит.

Попытки строительства региональной идентичности. Как уже было сказано выше, в 1990-е гг. сформировался дискурс о национальном, суверенном возрождении в странах Центральной Азии. Этот дискурс во многом сопровождался мифотворчеством об эволюции своих наций и эйфорией после «открытия себя» независимыми субъектами. В государствах региона сформировалось новое поколение исследователей и кадров, пытающихся осмыслить эти процессы, не ассоциируя развитие собственных обществ только лишь с бывшей колониальной политикой, без устоявшихся отсылок на «общее прошлое» и в контексте уже современности.

Казахстан и Узбекистан – это самые крупные, наиболее развитые в экономическом плане, наиболее сильные в военном отношении и наиболее стабильные в государственном управлении страны

Центральной Азии. Лидеры этих государств с самого начала независимости стремились сплотить народы региона и создать институциональную структуру на основе единой региональной идентичности. Но, к сожалению, видение политическими элитами общей региональной идентичности региона было разным.

Таким образом, Казахстан выбрал либерально-евразийские, либерально-исламские и модернистские взгляды с указанием на объективные особенности региона, которые не позволяют ему полностью походить на Европу [12, с.65]. Евразийство Н.Назарбаева – это система внешнеполитических и внешнеэкономических идей и приоритетов международного сотрудничества. Географически включает Европу и Азию и подразумевает однозначную открытость для Европы. Евразийство в Казахстане открыто для модернизации и полностью совместимо с экономической либерализацией, которая проводилась в этой стране за последние 20 лет. По словам Н.Назарбаева, «... Казахстан, в силу своего геополитического положения и экономического потенциала, не имеет права ограничиваться узкими региональными проблемами. Это было бы непонятно не только нашему (имеется в виду Казахстан – прим.автора) многонациональному населению, но и всему мировому сообществу. Будущее Казахстана – в Азии, в Европе, на Востоке и на Западе» [19, с.29]. В книге Н.Назарбаева «Критическое десятилетие»¹ есть видение евразийства как новой философии и геополитической стратегии стран региона. Российский политолог А.Дугин в своей книге «Евразийская миссия Н.Назарбаева» [10] дает определение евразийской концепции президента Казахстана как экономической и социальной модернизации с обязательным условием сохранения культурной и национальной идентичности.

Авторы монографии «Евразийская интеграционная политика Республики Казахстан: проблемы и перспективы» приходят к выводу, что «концепция общей евразийской идеи – это национальное единство, социальная справедливость, символ построения нового духовного и морального пространства и возрождение национального самосознания людей, сильной государственности как гаранта

¹Назарбаев Н.А. Критическое десятилетие. Алматы, Атамұра, 2003. URL: <http://personal.akorda.kz/images/file/4d0a10ea00451eca06c48adfed459fb4.pdf>

мира и процветания» [22, с.68-70]. Поэтому евразийская идеология Назарбаева уже поддерживалась и развивалась в рамках академического дискурса. Они представляют Казахстан как евразийское государство, находящееся под сильным влиянием Европы и западных ценностей.

Начавшаяся функционировать с 1 января 2015 г. ЕАЭС (создание которого инициировал Назарбаев в 1990-е гг.) показывает двойственную – Центральная Азия и Европа – идентификацию региона. В данном случае региональная идентичность, в меньшей степени тюркская и мусульманская, более открыта российскому наследию и в большей степени ориентирована на азиатскую современность. Это в определенной мере усложняет образование единой идентичности в регионе. Другой стороной данного символического противостояния стала идея первого президента Узбекистана Каримова о возрождении исторического названия «Туркестан», он поддерживал формирование идентичности, основанной, напротив, на тюркских и мусульманских ценностях, которую назвал Туранизмом [13].

История Туранизма / Туркестанизма имеет очень глубокие корни. М.Шибуттов [27] пишет, что «страна турок» отмечена в документах уже с VII века нашей эры. Это название, которое арабские и персидские географы дали степям к северу и востоку от междуречья Амударьи и Сырдарьи (Мавараннахр). С расширением расселения тюркских племен территория Туркестана также расширилась. Фактически территория Туркестана является бывшей территорией тюркского ханства.

Великое тюркское ханство (Коктюрк – небесные турки) возникло в середине VI в. На территории Великой степи – обширного экорегиона, расположенного в центре Евразии. Власть Тюркского ханства в годы правления Мукан-Кагана (553-572) распространилась на обширную территорию от Дона до Амура с запада на восток и от Енисея до предгорий Тибета с севера на юг. Она покрывает территорию современного Кыргызстана, Казахстана и Узбекистана. В 561-687 гг. турки достигли господства над Центральной Азией. Северокорейские королевства Цинь и Чжоу стали плательщиками дани Тюркскому ханству. Правители Великого Кагана бра-

ли дань с городов будущей Хазарии, Крыма, на берегах Черного и Каспийского морей. В него вошли богатые оазисы Тохаристана, Чача, Ферганы, Хорезма [27].

Наблюдение З.Бжезинского показывает, как Туркестанизм формирует политическое воображение Узбекистана, которое, в свою очередь, проецирует его на идею коллективности пяти государств Центральной Азии. В этом случае на дискурсивном уровне Туркестанизм объединяет все пять стран в единый специальный механизм, основанный на тюркоязычном коллективном «Я» [41]. Брошюра «Туркестан – наш общий дом» [36] представляет и воплощает такую историческую общность. В нем рассказывается о том, как пять стран Центральной Азии начали институционализировать идеи пяти стран постсоветской Центральной Азии в контексте метафоры «нашего общего дома».

По словам А.Таксанова, лозунг «Туркестан – наш общий дом» был направлен больше на социальную и культурную консолидацию этнических групп региона, чем на политическую сторону вопроса [32]. В то же время не было поставлено задачи объединения стран Центральной Азии или создания новой наднациональной структуры. Цитата «Туркестан – наш общий дом» не включает все тюркские государства и все тюркские народы. Речь идет о геополитическом единстве территории, называемой Туркестаном, об укреплении единства стран, занимающих эту территорию, о сближении их народов. В то же время, каждое из государств Центральной Азии могло бы идти своим путем развития [36].

Подводя итоги данной части статьи, можно предположить, что концепция Евразийской идентичности Назарбаева является близкой к упомянутой ранее постсоветской идентичности. Хотя многие аналитики из Казахстана [21] исключают «российско-центричные» элементы концепции; также, по словам Н.Назарбаева, это многовекторный проект, и «... будущее Казахстана в Азии, Европе и на Западе» [19, с.29]. То есть региональная идентичность размывается в обширном пространстве, сочетающем в себе Европу и Азию. Однако она носит абсолютно искусственный характер, распространившись лишь в очень узком кругу интеллектуалов, и к тому же больше подходила для интеграционных проектов с участием Рос-

сии и в целом всех стран СНГ, чем для интеграционных проектов в рамках Центральной Азии [26].

Что касается государств южнее – Таджикистана и Узбекистана, то они не воспринимают себя частью Европы. Идея возвращения к Туркестанской идентичности на основе этнонациональной (тюркской) составляющей имеет в виду также культурно-религиозное (мусульманское) сплочение народов региона и тем самым является частью Исламской идентичности. Специфика идеи Туранизма Каримова заключалась в том, что региональные государства должны были сплотиться вместе без всякой сверхдержавной опеки, в условиях полной самостоятельности региона. То есть без влияния Турции как «старшего брата» или России как бывшего протектората. Она не распространяется на обширное Евразийское пространство и включает лишь пять государств региона.

Нельзя не отметить, что концепция возрождения де-факто Тюркского каганата не может не встретить, как минимум, непонимание прежде всего со стороны Таджикистана. Таджики – это ираноязычный народ. В Таджикистане, который является своего рода «арийским островом» в «море турок», президент Рахмон активно продвигает арийскую цивилизационную идентификацию, которая является источником современного таджикского государства. Так, 2006 г. был объявлен в Таджикистане «Годом арийской цивилизации», а в июле 2006 г. состоялась встреча лидеров трех государств – наследников этой цивилизации (Афганистан, Иран и Таджикистан). Все это было попыткой руководства Таджикистана создать альтернативную идею в регионе, в отличие от идеи пантюркизма [4]. Объединение крупного азиатского региона на основе этнической тюркской идентификации создаст проблемы титульным народам Центральной Азии также во взаимоотношениях с национальными меньшинствами тюркских республик. Это как если бы создатели ЕС выбрали в качестве базовой идентичности для интеграции германскую идентичность. Ведь нужно помнить, что «наряду с тюркской культурой, есть и ираноязычная. Как у Фирдоуси в «Шахнаме», наряду с Тураном есть и Иран» [2].

Кроме того, она породила бы несколько дополнительных сложностей, касающихся реакции России, Ирана и Китая, которые

могли усмотреть в нем элементы пантюркистского проекта. Известно, что Иран испытывает определенные сложности с азербайджанским национализмом, Китай – с уйгурским сепаратизмом, а Россия в 1990-е сталкивалась с проявлениями национализма и сепаратизма в Татарстане.

Строительство национальной и региональной идентичностей. Региональная идентичность может рассматриваться как ключевой элемент дизайна региона как социально-политического пространства и институциональной системы. Следует отметить, что региональная идентичность не заменяет и не отменяет национальную идентичность. Теоретически региональная и национальная идентичности могут быть взаимодополняемыми в силу сложности и множественности политических идентичностей. В то же время они способны и противопоставляться друг другу. По сути, они могут сосуществовать, становясь отдельными слоями идентичностей. Региональная идентичность – реальный феномен, отражающий преемственность самосознания местных общностей. То есть речь идет о региональном самосознании. К примеру, региональное самосознание американцев — это не только отождествление граждан с определенной территорией, районом, штатом, но и противопоставление себя жителям других регионов, у которых другие привычки и традиции, другой выговор в речи, другие экономические и социальные, а нередко и иные политико-национальные интересы.

До российского завоевания XVIII-XIX вв. государственные образования Центральной Азии основывались на территориальной, цивилизационной и конфессиональной общности, их население не имело выраженного национального самосознания. Регион представлял собой множество локальных областей, абсолютно не совпадающих ни с политическими, ни, тем более, с этническими (которых, собственно, и не было) границами современных республик [8]. Историческое национально-территориальное деление республик Средней Азии осуществлялось в 1920-1930-х гг. Только в 1991 г. с обретением независимости правительства новых стран занялись созданием целей национального развития [1, с.12]. Все страны Центральной Азии пытались определить стратегические цели и концептуальную модель развития как суверенного государства. Необ-

ходимо было подкрепить это чувством общности, исторической принадлежности к нации в каждой из этих республик.

Многие утверждают, что для того, чтобы национальное государство обрело легитимность, его народ должен признать, что у него есть общая память, которая может сформировать нацию, и что границы государства совпадают с нацией [42, с.23]. Соответственно, общая идентичность имеет решающее значение для легитимности государства. Таким образом, тезис о национальном, суверенном возрождении в странах Центральной Азии в значительной степени сопровождался мифотворчеством об эволюции ее наций и эйфории после открытия «Я» независимыми субъектами. Сегодня его заменили более рациональной инвентаризацией всех имеющихся ресурсов: границ, инфраструктуры и других базовых возможностей для развития независимых национальных государств. Изначально данный подход, разоблачающий весь советский период, перестал казаться убедительным.

Как пишет Харрелл, «многие нации имеют очень короткую коллективную историю и, как часто отмечается, эту историю нужно придумывать, вообразать или мифологизировать» [45, с.132]. То же самое в случае с государствами Центральной Азии: создание национальных государств после распада Советского Союза сопровождается фундаментальным пересмотром истории, в ходе которого происходит отказ от его коммунистического толкования. Замена державно-имперской модели на модель «национальной концепции» истории. В ходе этого процесса очень быстро сформировались национальные исторические школы, а национальные истории обрели статус официальных историографий. Развитие национальных историй связано с пересмотром истории, разделением общего исторического наследия и появлением множества противоречивых толкований отдельных лиц, событий и явлений. В результате историки в Узбекистане утверждают, что предки узбеков-турок были самой древней этнической общиной в Центральной Азии и что греки называли их скифами [45, с.132], что таджики появились в Мавераннахре намного позже, чем узбеки. В свою очередь таджикские историки утверждают, что ираноязычные таджики являются древнейшими этническими группировками в регионе, поскольку они

являются прямыми наследниками арийцев [20]. Интересные метаморфозы происходят с историческими личностями, городами и территориями. В Узбекистане Тамерлан – культурный герой, основатель узбекской государственности. В Таджикистане, Иране, Индии, Грузии, Армении он известен как жестокий завоеватель, тиран, уничтоживший культурные ценности и совершивший геноцид. Как в Таджикистане, так и в Узбекистане на картах школьных и университетских учебников Бухара и Самарканд обозначены как столицы своих древних и средневековых государств [23].

В целом современную историю отличает явное усиление этноцентризма – исследовательского подхода, для которого характерны сочувственная фиксация черт своей этнической группы, вплоть до выделения этнонационального фактора в качестве основного критерия исторического познания [6, с.21]. Это четко отражено в школьных и университетских учебниках, энциклопедических и справочных пособиях [39, с.10]. Как и прежде, в настоящее время национальные историки в формирующихся национальных государствах в первую очередь решают проблемы идеологического и политического обоснования процессов национального строительства [6, с.22].

Уже обозначился комплекс основных проблем, связанных с формированием национальных историй в центральноазиатских странах, напрямую влияющих на развитие современной геополитической ситуации в регионе. Первая проблема связана с тем, что история рассматривается, прежде всего, как национальная идеология или национальная идея, а исторический опыт истолковывается исключительно с этнонациональных позиций. В результате теряется научность, история перестает быть наукой, превращаясь в искусство, политику, публицистику. Вторая проблема – это наличие различных методологических подходов историков различных государств Центральной Азии. В странах с тюркским населением – Казахстане, Киргизстане, Узбекистане, Туркменистане – национальные истории разрабатываются как истории территорий. В этом случае культурным наследием того или иного этноса признаются все исторические имена и артефакты, имеющие отношение к территории его расселения. «Территориальный» критерий построения эт-

нического прошлого впервые сформировался в зрелой методологической доктрине турецкой исторической науки в первой половине двадцатого века, которая, по-видимому, серьезно повлияла на концепцию истории в других странах с тюркской культурой. В отличие от «истории территорий», историческая концепция таджиков основана на языке, культуре и литературе. История прошлого для таджикского народа – это прежде всего история фарси-дари-таджикского языка и литературы. Связь истории с филологическими науками является важной особенностью исторического знания в Таджикистане [40, с.236].

Разница в методологических подходах в исторической науке наряду с национализмом создает основу для конфликтов. В качестве примера можно привести проблему Бухары и Самарканда, прямо противоположные взгляды историков региона на этногенез народов Центральной Азии, отношения кочевников и фермеров, арийскую цивилизацию.

Результат интерпретации историй для облегчения идентичности национальных государств, к сожалению, неосознанно привел к тому, что национализм стал важным компонентом самоидентификации новых независимых государств Центральноазиатского региона. Эксперт из Казахстана Омаров Мейрат утверждает, что интеграция в Центральной Азии не удалась из-за роста национализма в новых независимых государствах [24, с.179-189]. Смысл в том, что политика национального строительства превратилась в развитие негативного национализма – выявление его уникальности и отличий от других соседей в регионе, соперничество за звание «древнейшего», «культурнейшего» – стали негативным явлением для формирования коллективной идентичности региона. Увлечшись или артикулируя некие преимущества (чаще всего надуманные), предоставляемые им географией, руководства центральноазиатских государств стали обособлять свои территории и народы друг от друга [33].

Методологическая ошибка интерпретации истории также свела проблему самоидентификации Центральной Азии как ностальгии о великом историческом прошлом народов. По мнению эксперта из Казахстана Н.Наурзбаевой, модус идентичности не должен ограни-

чиваться видением прошлых достижений как гаранта будущего, без должного понимания того, что культурное наследие – это актуализированный опыт [14, с.22]. Но опыт должен работать на день сегодняшний и завтрашний в формате современности.

Таким образом, в настоящее время в нескольких государствах по-разному направлены векторы определения другого, а не «центральноазиатского самосознания». Примечательно, что Туркменистан стремится позиционировать себя, скорее, как Каспийское государство, а не как государство Центральной Азии. Отношения с Ираном и Азербайджаном как сейчас, так и в будущие периоды, возможно, имеют первостепенное значение для этого государства. Казахстан все больше заявляет о себе как о евразийском государстве и, учитывая это, строит свои внешнеполитические и торгово-экономические приоритеты в Центральной Азии, включая позиционирование себя в качестве основного и, возможно, единственного моста между Европой и Азией в этом регионе. Кыргызстан в основном следует за Казахстаном, и это происходит, поскольку эти два государства все еще имеют много общего в их исторической и культурной самобытности. С учетом перспектив, которые открываются для Таджикистана после начала антитеррористической операции в Афганистане, он начинает больше поворачиваться к Южной Азии [8]. Это, в основном, показывает идентичность политических элит и направление построения национальной идентичности. Более того, поскольку в регионе отсутствует коллективная идентичность, это свидетельствует о разновекторной внешней политики государств. Так как идентичность первостепенна интересам, на примере Центральной Азии мы можем видеть, как интересы государств на международной арене отличаются друг от друга.

Несмотря на значительный промежуток времени, который прошел с момента обретения независимости, проблема формирования национальной идентичности по-прежнему остается актуальной для стран Центральной Азии. Этот вопрос тесно переплетается с проблемой становления государственности и развитием политических систем. Сказываются и кардинальные изменения геополитической ситуации в мире, происходящие на фоне нарастания экономических проблем. Это отражается на развитии стран Центральной

Азии, где формирование национальной идентичности еще далеко от завершения.

Мы можем согласиться с мнением культуролога из Кыргызстана Чолпон Ногойбаевой, что основная тенденция, характерная для наших пяти стран, – это формирование национальных идентичностей. Процесс этот не завершен, и множество фактов говорят о том, что пока процесс формирования национальных идентичностей завершен не будет, скорее всего, политические элиты не приступят к формированию региональной идентичности. В то же самое время существует и иное мнение: даже при всем желании, элиты не могли создавать новую национальную идентичность и параллельно с ней новую региональную идентичность, поскольку эти два процесса имели отличную друг от друга внутреннюю логику.

Чтобы начать создание региональной идентичности, как одного из сущностных элементов региональной интеграции, необходимо наличие уже устоявшейся национальной идентичности и осознание населением отдельно взятой страны себя как единой политической нации, а этот процесс в 1990-е гг. в Центральной Азии только зарождался. Опыт создания Европейского Союза показывает, что ядро европейской интеграции составили именно те страны, которые уже имели прочные корни национальной идентичности. Общества этих стран также состоялись как политические нации, благодаря чему они и сделали осознанный выбор в пользу признания примата европейской идентичности как основы интеграции и добровольно делегировали часть полномочий своих руководящих элит наднациональным структурам [26].

Подытоживая данную работу, можно сказать, что руководящие и интеллектуальные элиты стран Центральной Азии в 1990-е гг. все же сделали попытку совместить процессы строительства национальных и региональных идентичностей. Хотя во втором случае это больше походило на простую декларацию наличия неких общих исторических, культурных, этнических, лингвистических и религиозных корней. Дававшиеся тогда определения общности никак не отвечали на такие фундаментальные вопросы, как «Что представляет из себя феномен «центральноазиата»?», «Что это такое – быть центральноазиатом?».

Путь построения региональной идентичности в Центральной Азии столкнулся с различными препятствиями. Следует отметить, создание региональной идентичности в основном осуществлялось политическими элитами, что означает «нисходящую» форму, поскольку из-за особенностей политических систем государств это наиболее подходящий способ. Но в то же время предложенная цивилизационная общность, основанная на географической (евразийская) и этноцентрической (Туркестанизм) идентичностях, не подходила для всех вместе взятых пяти государств региона. В данном конкретном случае специфика Центральной Азии заключается также в том, что построение национальной идентичности сопровождается стремлением каждого государства доказать, что оно имеет историческое право на историческую память и культурное наследие своей территории, что, в свою очередь, стало еще одним препятствием для построения региональной идентичности. И последняя, но не наименьшая ошибка – это ненаучный подход, и появившаяся в результате методологическая ошибка в описании исторической реальности национальных государств, основанной на национальных идентичностях. Это, в свою очередь, противоречит построению региональной идентичности и ведет к росту недоверия и развитию негативного национализма в регионе.

Для Центральной Азии главным вопросом является поиск внутренней интегральной платформы. Мультикультурный способ мышления должен заменить этнокультурную конкуренцию. Но в конечном итоге именно такой способ мышления обеспечит не только формально понимаемую интегрированную модель государственно-национальной культуры, но и культуру гражданского общества. Для этого нужно, хоть и запоздало, заново узнавать друг друга как можно лучше. И второе – взаимно запускать инструментарий «мягкой силы», который позволит создавать пояс добрососедства, дружбы и лояльности к взвешенной внешней и внутренней политике.

Начиная с периода советской дезинтеграции, в среде исследователей-гуманитариев Центральной Азии появляется понимание необходимости координации, гармонизации и сотрудничества в исторических исследованиях, и даже несколько раз были предприня-

ты попытки создания совместного учебника по истории Центральной Азии [11; 37; 38]. Одна из попыток была осуществлена в ходе реализации центральноазиатского проекта Института Георга Эккерта, спонсируемого МИД Германии [43]. В рамках проекта был создан веб-сайт совместной истории: <http://www.amudarya.net>. Хотя попытки выработки общих подходов к истории Центральной Азии пока не увенчались успехом, стоит отметить, что в силу исторического единства региона даже национальные исторические исследования, при условии профессиональности их исполнения, неизбежно пополняют знания об истории всего региона.

В Центральной Азии за 25 лет так и не был создан солидарный экспертный, научно-исследовательский Центральноазиатский центр, в котором бы совместно работали исследователи и эксперты всех пяти стран. Возможен вариант приглашения специалистов со знанием языков региона и с постоянным опытом работы на местах в связи с тем, что главные векторы внешней и внутренней политики государств проговариваются экспертно-аналитическим сообществом и интеллигенцией любых стран и, в большинстве случаев, для собственной аудитории на родном, национальном (государственном), этническом языке – на дари, казахском, кыргызском, таджикском, туркменском, узбекском.

Появление дискурса построения региональной идентичности может стать основой более тесного сотрудничества государств региона. Центральная Азия сама должна спокойно сконструировать свою новую региональную идентичность. Пока ее конструировали извне.

Литература

1. Агаев Р. ЦВР: проблемы эволюции политических систем. –М.: Центральная Азия: Геополитика и Экономика, 2010.
2. Арабова Ш. Странам Центральной Азии нужен общий... кино-проект. URL: www.centrasia.com (accessed: May 9. 2019).
3. Байдаров Е. Культурно-цивилизационные основания для региональной интеграции в Центральной Азии. 2017. URL: https://caa-network.org/archives/9492__ (accessed: September 16. 2018).

4. Байдаров Е. Центральноазиатская интеграция в контексте единого культурно-цивилизационного пространства». 2013. Carnegie Endowment for International Peace. URL: <https://carnegieendowment.org/2013/09/09/ru-pub-52896> (accessed: June 10. 2019)
5. Бартольд В. Восточноиранский вопрос // Сочинения. –М.: Наука, 1966. –Т.7.
6. Бордюгов Г., Бухараев В. Национальная идея в историческом познании // Национальные истории в советском и постсоветских государствах / под ред. К.Аймермахера, Г.Бордюгова; предисл. Ф.Бомсдорфа. – 2 изд. – М.: Фонд Фридриха Наумана, АИРО-XX, 2003.
7. Боришполец К., Бабаджанов А. Миграционные риски стран Центральной Азии // Аналитические записки НКСМИ МГИМО. – 2007. –Вып. 2(22), февр.
8. Булуктаев Ю.О. Проблемы региональной идентичности в Центральной Азии. Ч.1-2. 2012. URL: <http://cc-sauran.kz/rubriki/politika/14-problemy-regionalnoy-identichnosti-v-centralnoy-azii-chast-1.html> (accessed: August 23. 2018)
9. Дикамбаев А. Трансцендентные основания развития в Центральной Азии // Центральная Азия: одно прошлое и общее будущее, сотрудничество ради устойчивого развития и взаимного процветания: материалы Международной конференции (г.Самарканд, Узбекистан, 10-11 ноября 2017 г.). – Самарканд, 2017.
10. Дугин А.Г. Евразийская миссия Нурсултана Назарбаева. –М., 2004. URL: http://evrazia.org/FTP/1288_polosi.pdf
11. Идея написания общей истории Центральной Азии: Взгляд из Казахстана”. 10.06.2009. URL: <http://www.fergananews.com/article.php?id=6199>
12. Казанцев А.А. Большая игра с неизвестными правилами // Мировая политика и Центральная Азия. –М., 2008.
13. Каримов И. Туркестан — наш общий дом: сб. речей и выступлений. –Ташкент, 1995. URL: http://testhistory.ru/history.php?id_5_140
14. Культурное пространство Центральной Азии: единство в мно-

- гообразии: материалы регионального форума. – 2010.
15. Ли Ю.В. Современное состояние и перспективы формирования единого политико-экономического региона Центральной Азии: автореф. дис... канд. полит. наук. – Бишкек, 2010.
16. Малашенко А. Ислам и политика в государствах Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. – 1999. – №4(5).
17. Малашенко А. Центральная Азия: общие концепции, определения и критерии политической географии. Тупики интеграции в Центральной Азии // Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии: сравнительный анализ, возможности и перспективы: материалы Международной конференции (г.Худжанд, 26-27 июня, 2007 г.). – Худжанд, 2007.
18. Назарбаев Н. Критическое десятилетие. – Алматы: Атамур, 2003.
19. Накмайр Йорг-Дитрих. Каспийское море-узел и транзитный центр между Европой и Азией в 21-м столетия // Безопасность и энергия Каспийского пространства: материалы конференции. – Алматы: Фонд Ф.Эберта, 2012.
20. Негматов Н. Государство Саманидов. Душанбе, 1977.
21. Нысанбаев А., Курманбаев Е. Евразийская идея Чокана Валиханова // Евразийское сообщество. – 1999. – №26.
22. Нысанбаев А., Есекеев Б. Евразийская интеграционная политика Республики Казахстан: проблемы и перспективы: науч. анализ. изд. – Алматы: Ақылкітабы, 2000.
23. Олимов М.А. Интерпретация национальных историй как препятствие региональной интеграции // Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии: сравнительный анализ, возможности и перспективы: материалы Международной конференции (г.Худжанд, 26-27 июня 2007 г.). – Худжанд, 2007.
24. Омаров М.М. Роль интеграционных инициатив Казахстана в обеспечении безопасности в Центральной Азии» // PolitBook3. – 2012. – С.179-189.
25. Омуралиев Н. Политические процессы в Кыргызстане. – Бишкек: Современные политические процессы, 1996.

26. Оценка перспектив региональной интеграции в Центральной Азии. 2018. URL: <http://www.ca-portal.ru/article:40587> (accessed: May 9, 2019)
27. Прохвятилов В. Возвращение к Туркестану? Центральная Азия в поисках региональной идентичности. 2018. URL: <https://www.ritmeurasia.org/news--2018-07-05--vozvraschenie-k-turkestanu-centralnaja-azija-v-poiskah-regionalnoj-identichnosti-37352> (accessed: May 9, 2018)
28. Пять государств или один регион? “Центральноазиатское LEGO: кто конструирует регион”/ под ред. д.п.н. С.Кушкumbaева. – Алматы, 2016. – 44 с. Проект экспертной группы CAPG, Almataclub.
29. Развитие межэтнических отношений в новых независимых государствах Центральной Азии. – Бишкек: Илим, 1995.
30. Салихов Г.Г. Проблема идентичности в условиях глобализации // Век глобализации. – 2011. – №1(7). – С.122-129.
31. Сомунджуоглу Анар. Идентичность и написание истории в интеграции Центральной Азии. 2017. URL: <https://caanetwork.org/archives/8965> (accessed: October 20, 2018)
32. Таксанов А. Факторы интеграции и дезинтеграции Центральной Азии // Роль средств массовой информации в регионах пост-советских конфликтов: материалы Международной конференции. – 2008, апр.
33. Толипов Ф. Микрогеополитическая семиотика Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. – 2015. – Т.18, вып.2.
34. Толипов Ф. Пять государств или один регион? Национально-региональный дуализм в Центральной Азии. Проект экспертной группы CAPG. Almataclub. – 2015.
35. Тоффлер Е. Третья волна / пер с англ. – М.: АСТ, 2004.
36. Туркестан – наш общий дом. URL: http://testhistory.ru/history.php?id=his_5_140
37. Ученые трех стран составляют совместный учебник по истории Центральной Азии. 2016. URL: <http://www.fergananews.com/news.php?id=4305> (accessed: 7.04.2017)

38. Ученые Центральной Азии договорились написать общую историю региона. 26.05.2009. URL: <http://www.fergananews.com/news.php?id=12038> (accessed: 7.04.2017)
39. Ферро Марк Как рассказывают историю детям в разных странах мира. – М., 1992.
40. Шукуров Р. Таджикистан. Муки воспоминания // Национальные истории в советском и постсоветских государствах: сб. статей / под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова; предисл. Ф. Бомсдорфа. – 2-е изд. – М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XX, 2003.
41. Brzezinski Z. The grand chessboard: American primacy and its geostrategic imperatives. – New York: Basic Books, 2006.
42. Collins Alan. Security and Southeast Asia // Domestic, Regional, and Global Issues. – Singapore: Institute of Southeast Asian Studies, 2003.
43. Cooperation with Central Asia in the Field of Textbooks. 2017. / Georg Eckert Institute. URL: <http://www.gei.de/en/departments/europe-narratives-images-spaces/trans-europe-external-borders/cooperation-with-central-asia-in-the-field-of-textbooks.html>
44. Huntington S. The Clash of Civilizations? – New York: Foreign Affairs, 1993.
45. Hurrell Andrew. On Global Order. Power, Values and the Constitution of International Society. – Oxford University Press, 2007.
46. Terkmenbashi S. Rukhnama. T.1. – Ashkhabad: Turkmen state publishing bureau, 2002.
47. Wendt A. Social Theory of International Politics. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ПОГРАНИЧНЫХ ПРОБЛЕМ В ПЕРИОД ГОСУДАРСТВЕННОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Курбонова Зулфия

**Кандидат политических наук
Институт философии, политологии и права им.
А. Баховадинова**

Пограничные вопросы являются одними из чувствительных сторон внешней и внутренней политики любого государства. На осознании эмоциональной силы этого фактора и строят свою тактику во всем мире оппоненты власти в странах, которые решают пограничные проблемы.

За годы суверенитета Таджикистану, наряду с другими актуальными вопросами, пришлось заниматься и своими пограничными проблемами, которые до сих пор остаются в повестке дня.

Установление международных границ представляет собой процесс взаимодействия между политикой, правом, географией и непосредственно между населением сопредельных государств. Самой главной целью этого процесса является достижение мира и взаимное признание границ. Для этого граничащие страны должны провести переговоры и согласовать оставшиеся от истории или возникающие в переговорном процессе пограничные вопросы. Основным условием установления границы, как для договаривающихся сторон, представляемых высокопоставленными политиками, так и для экспертов, непосредственно определяющих и закрепляющих ее линию, должно быть соблюдение основных принципов международного права и высокоточное исполнение технических работ. Это, в конечном итоге, будет способствовать предотвращению или урегулированию международных пограничных конфликтов.

Необходимым условием, определяющим признание мировым сообществом правомерность нахождения территории под суверенитетом соответствующего государства, является установление госу-

дарственной границы по соглашению между сопредельными государствами [2, с.13-14]. В соответствии с этой нормой международного права, границы Таджикистана с соседними государствами, не оформленные в международно-правовом отношении, должны быть определены за столом мирных переговоров и их результаты закреплены договорными документами, иными словами, Таджикистан, как суверенное государство, должен иметь договора о государственной границе, заключенные с соблюдением всех необходимых внутригосударственных и международных процедур с четырьмя сопредельными странами – Афганистаном, Китаем, Кыргызстаном и Узбекистаном.

От решенных проблем к нерешенным... Относительно границы между Таджикистаном и Афганистаном на данный момент проблем не видится, ибо она образовалась естественным путем, т.е. вдоль р.Пяндж, и была разрешена и уточнена еще при Советском Союзе.

Китай, являясь добрым соседом и стратегическим партнером Таджикистана, не заставил себя долго ждать, «взяв вожжи в свои руки», обоюдно, на основе компромисса разрешил все оставшиеся в «наследство пограничные проблемы».

Что касается Кыргызстана и Узбекистана, поскольку картина здесь выглядит несколько иначе. Доступ к земле остается на сегодня одним из самых конфликтогенных факторов как внутри самих таджикских сообществ, так и во взаимоотношениях с соседними приграничными кыргызскими сообществами. По вопросу доступа к земле самая сложная ситуация, можно сказать критическая, в настоящее время наблюдается в джамоате (селении) Чоркух, где проживают 33772 человека. По словам Председателя города Исфары С.Ашурова, если в связи с нехваткой земли 3-4 года назад на душу населения в джамоате Чоркух приходилось 0,03 га земли, то сейчас в джамоатах Чоркух и Сурх доля земли на каждого человека в четыре раза меньше по сравнению с общим показателем по району. Сегодня в джамоате Чоркух на каждого жителя приходится всего 2,4 соток земли. Для сравнения: в Исфаре 8 соток. В последние годы местные власти пытались смягчить проблему, сокращая объемы распределения земли под приусадебные участки, но уже в 2011

году на территории джамоата фактически не осталось земельных ресурсов для жителей под приусадебные участки. По утверждению С.Ашурова, сегодня переселение в другие населенные пункты, где имеются соответствующие земельные фонды – это естественный и вместе с тем единственный путь решения данного вопроса [5, с.12-14].

Ежегодный прирост населения в самом густонаселенном приграничном джамоате Чоркух составляет 750-800 человек, а плотность населения составляет на одного человека 185 м². Фактически, в данном джамоате, который со всех сторон окружен кыргызскими селами и большая часть спорных участков приходится на его территорию, в 6549 домохозяйствах нет людей, проживающих одной семьей. То есть на одном земельном участке проживают по две семьи, а то и по три. Менее острая, но схожая ситуация по вопросу доступа к земле и проблемам, связанным с наличием спорных территорий, наблюдается в джамоатах Сурх и Ворух [8, с.15-18].

Таким образом, распределение земли остается основным спорным вопросом внутри самого таджикского сообщества. И без того скудные запасы земли в приграничных сообществах в первые годы становления независимого государства в силу известных причин и ослабленного контроля со стороны местных и центральных властей распределялись несправедливо, что вызывало недовольство населения. Острый дефицит земли давал возможность некоторым руководителям злоупотреблять вопросами распределения приусадебных участков: влиятельные и состоятельные люди получали более привлекательные участки земли, простым жителям приходилось простаивать многолетние очереди и довольствоваться крошечными участками на неплодородных и трудновозделываемых землях [4, с.17].

Согласно действующему законодательству, земля в Таджикистане является исключительной собственностью государства, и оно гарантирует эффективное ее использование в интересах народа. В связи с этим, если земля не возделывается, государство оставляет за собой право вернуть ее себе. В некоторых селениях жители имеют только крошечные участки, которые недостаточны для обеспечения семьи, и в целях приобретения земельных участков данный фактор

вынуждает людей идти на противозаконные сделки. В последние годы центральные и местные власти упорядочили этот вопрос и ужесточили меры против злоупотреблений по распределению земли. Для предотвращения коррупции в этой сфере и для обеспечения прозрачного и справедливого процесса распределения земли со стороны местных властей предпринимаются действенные меры [7, с.24]. Проблема нехватки земли на таджикской стороне усугубляет взаимоотношения жителей таджикских и кыргызских приграничных сел по вопросу доступа к земле, и имеет непосредственную взаимосвязь с территориальными притязаниями двух сообществ.

Границы и спорные территории. В формировании конфликтного потенциала в приграничных регионах Исфаринского и Баткенского районов большую роль играют вопросы демаркации и делимитации границ. Конфликтующие притязания на приграничные территории, где таджикские и кыргызские сообщества живут бок о бок, лежат в основе большинства местных разногласий. Как таджики, так и кыргызы ссылаются на историческую принадлежность именно им, а не другим спорных участков и в доказательство приводят различные аргументы. Существуют документы и решения советских властей, которые можно трактовать с переменным успехом в пользу таджикской или кыргызской стороны. В советский период центральные власти, в компетенции которых входило решение вопросов, связанных с границами, неоднократно пересматривали проблему территориальной принадлежности между Таджикистаном и Кыргызстаном. Ссылки на разные карты, изданные в разные периоды, и являются основной причиной разногласий в ходе разрешения возникающих территориальных споров¹.

Впервые государственные границы между Таджикистаном и Кыргызстаном были установлены в ходе национально-территориального размежевания Туркестанского края в 1924-1925 гг. Процесс этот по разным причинам продлился до 1927 года и при том, что имел недостатки в плане учета географических, экономических, культурных и этнических особенностей проживающего там

¹Подробнее о территориальных спорах, проблемах наличия нескольких карт, на которые ссылаются стороны в ходе рассмотрения конфликтов, связанных с принадлежностью спорных участков земли, см. Кыргызстан-Таджикистан: курс на укрепление партнерства в контексте региональных связей: сб. статей / Общественный Фонд Т.Усубалиева и Фонд им.Ф.Эберта в КР. Бишкек, 2010.

населения, официально прошел все необходимые процедуры. Позже, в 1955-1957 гг., из-за разногласий между жителями трансграничных сообществ по вопросам землепользования совместной Паритетной Комиссией (специальная совместная комиссия, которая на паритетной основе занимается вопросами делимитации и демаркации границ между Республикой Таджикистан и Республикой Кыргызстан) вновь были проведены работы по делимитации границ, которые легли в основу новой карты, датированной 1957 годом. Данное решение было утверждено и ратифицировано Советом Министров и Верховным Советом Кыргызской ССР, однако в то время это решение процедуру ратификации Верховным Советом с таджикской стороны не прошло. В возникающих территориальных спорах в качестве альтернативной кыргызская сторона предлагает использовать карту 1989 г., когда Паритетная Комиссия определила границы по фактическому использованию земель, то есть обозначила на карте, где проживают кыргызы и где таджики по факту. В настоящее время таджикская сторона не признает легитимность последних двух карт, которые, как она считает, ущемляют ее права на владение территориями, и предлагает взять за основу карту 1927 года, которая прошла все законные процедуры и признана обеими сторонами. Согласно данным, по Исфаринскому району спорным является 71 участок земли общей площадью 32400 га, из которых 26400 находится в джамоатах Сурх, Чоркух и Ворух [6, с.7-12]. Кардинально отличаются соответствующие данные по кыргызской стороне. Согласно сведениям, отраженным в Стратегическом плане развития Баткенской области, всего на территории Баткенской области имеются 149 спорных участков общей площадью 3001,2 га. Из них с Узбекистаном – 50 площадью 803,6 га (42 – заняты Узбекистаном и 8 – Кыргызстаном, площадь которых составляет 742,3 и 61,3 га соответственно), с Таджикистаном – 99 площадью – 2197,6 га (70 – заняты Таджикистаном и 29 – Кыргызстаном, площадь которых составляет 1774 и 473,5 га соответственно). Из них по Баткенскому району кыргызской стороной спорными признаются 23,5 га [9, с.17].

Так или иначе, проблема территорий усугубляется наличием нескольких карт и тем, что при необходимости определения статуса

спорных земель стороны ссылаются на разные карты, которые наиболее отвечают их интересам.

Приграничные отношения между Кыргызстаном и Таджикистаном претерпели значительное усовершенствование за последнее десятилетие. Комплекс приграничных проблем, который в основном представлен на севере республики, рассматривается Правительством Таджикистана в свете добрососедских отношений и сотрудничества с Кыргызстаном. Вместе с тем, несмотря на то, что после приобретения независимости республиками минуло уже более двадцати лет, граница все еще полностью не определена. За прошедший этап таджикско-кыргызских переговоров стало возможным согласование прохождения линии границы на протяжении 541 км., в основном в горных местностях, что составляет более 50% ее протяженности. Вместе с тем, согласование местоположения линии границы в долинной части сопряжено с большими трудностями, преодоление которых является сверхзадачей правительственных делегаций.

Самые спорные части границы, такие как в Исфаре, не согласованы, и процесс определения границ замедлился. Официально Межправительственная Комиссия по определению и установлению границ, так называемая Паритетная Комиссия, продолжает свою работу, но фактически информации о продвижении ее работы нет. С другой стороны, наиболее вероятно, что проблема в приграничных сообществах, особенно в Чоркухе и Ворухе, настолько взрывоопасная, что любое движение вызовет дальнейшую неудовлетворенность и может вызвать непредсказуемые последствия.

Последние события, произошедшие в середине марта сего года, показали, что пришло то время, когда пора раз и навсегда поставить точку в столь горячем разногласии, из-за которого страдает мирное население обоих государств.

В результате конфликта на границе 13 и 14 марта между жителями Исфары и Баткена погибли таджикстанцы. Ранения различной степени получили 20 человек, в том числе двое граждан Кыргызстана.

15 марта в Исфару прибыли заместитель премьер-министра Таджикистана Азим Иброхим, глава МВД РТ Рамазон Рахимзода и

командующий погранвойсками ГКНБ Таджикистана Раджабали Рахмонали.

По итогам второго раунда переговоров по ситуации на границе стороны решили создать совместные следственные группы, куда войдут представители Генеральной прокуратуры и Министерства внутренних дел страны.

Власти Таджикистана и Кыргызстана приняли решение и о совместном патрулировании в зоне конфликта в целях обеспечения безопасности граждан.

Исфаринско-Баткенский участок границы двух государств многие годы остается зоной периодических столкновений местного населения и пограничников. Многие участки остаются спорной территорией, где не произведена делимитация и демаркация границы. Местный регион страдает от нехватки питьевой и поливной воды, за доступ к которой так же происходят конфликты.

В связи с этим руководства обоих государств и рабочие группы должны в конструктивном порядке решить данную проблему.

Литература

1. Аламанов С.К. Об истории, современном состоянии и перспективах юридического оформления кыргызско-таджикской государственной границы // Кыргызстан-Таджикистан: курс на укрепление партнерства в контексте региональных связей: сб.статей / Общественный Фонд Т.Усубалиева и Фонд им.Ф.Эберта в КР. – Бишкек, 2010.
2. Аламанов С.К. Краткая история и опыт решения пограничных проблем Кыргызстана. – Бишкек, 2005.
3. Кыргызстан-Таджикистан: курс на укрепление партнерства в контексте региональных связей: сб.статей / Общественный Фонд Т.Усубалиева и Фонд им.Ф.Эберта в КР. – Бишкек, 2010.
4. Отчет Раннего Предупреждения «Сосуществование», ПРООН Таджикистана и Кыргызстана. – Худжанд, 2004.
5. План развития джамоата Чоркух. Выступление С.Ашурова. – Исфара 2011.

6. План Развития джамоатов Чоркух, Ворух, Сурх. – Исфара, 2011.
7. Проект: «Предотвращение и смягчение конфликтов в Ферганской долине». – Таджикистан, 2011, июль.
8. Стратегический План Развития г.Исфара. – Исфара, 2011.
9. Стратегический План развития Баткенской области. – Баткен, 2007.

КУЛЬТУРНАЯ ДИПЛОМАТИЯ В РАЗВИТИИ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Бахриев Бахри Хурshedович

**Кандидат политических наук,
независимый исследователь (РФ, г.Москва)**

На фоне трансформации дипломатической практики на современном этапе, которая связана с растущей виртуализацией/диджитализацией этой сферы, расширением форм и методов ее осуществления, культура становится одним из значительных ресурсов в дипломатическом арсенале государств. Специалисты рассматривают ее в качестве одного из ключевых источников национальной «мягкой силы» [25] и конструирующих элементов международного бренда государств. Другими словами, связь культуры и дипломатии может служить не только средством установления отношений между государствами и народами, но и инструментом самовыражения и позиционирования государства на мировой арене и в сознании международной общественности. Более того, культурный обмен часто выступает в качестве «окна возможностей» – формы диалога между государствами, в отношениях которых наблюдаются проявления недружественных тенденций. В таких условиях успешный культурный диалог может способствовать улучшению климата межгосударственных связей, создавая предпосылки для снижения напряженности между странами и развития их взаимодействия в долгосрочной перспективе [1]. В этом контексте логичным представляется возникновение феномена культурной дипломатии и повышение внимания к нему в исследовательском дискурсе.

Целью настоящей работы является оценка потенциала культурной дипломатии в развитии международного сотрудничества государств Центральной Азии. Автор исходит из *гипотезы*, что интенсификация культурно-дипломатической деятельности государств

рассматриваемого региона оказывает положительное влияние на расширение их международного взаимодействия.

Учитывая богатое историко-культурное наследие государств Центральной Азии (далее – ЦА), культурная дипломатия является одним из важных направлений их внешней политики. Однако перед тем как перейти к анализу возможностей прикладного применения данного феномена в развитии международного сотрудничества центральноазиатских государств, хотелось бы внести некоторые концептуальные уточнения и очертить теоретические рамки настоящей работы.

Концептуально-теоретические рамки исследования. Понятие «культурная дипломатия» не имеет общепризнанного определения. Впервые в научный оборот данный термин был введен американцем Ф.Баргхорном, который под влиянием идеологизированной среды международных отношений начала 60-х годов видел в культурной дипломатии инструмент манипуляции культурными материалами и кадрами в пропагандистских целях [23]. Однако наиболее популярная и часто цитируемая дефиниция культурной дипломатии принадлежит другому американскому исследователю – Мильтону К.Камминсу. Он определяет культурную дипломатию как «обмен идеями, информацией, ценностями, традициями, верованиями и другими аспектами культуры, которые могут способствовать улучшению взаимопонимания между народами и их государствами» [24]. Такое достаточно широкое толкование обозначенного феномена часто приводит к путанице, порождая вариативность подходов к определению границ культурной дипломатии на практике. Некоторые исследователи рассматривают культурную дипломатию как одно из главных направлений публичной дипломатии государства [5], другие же подчеркивают «независимость» культурной дипломатии, утверждая, что польза от культурных программ для государства будет выше, если оно не связывает их с задачами своей внешней политики, то есть с политико-ориентированной публичной дипломатией [27].

Постулат о государстве как единственном акторе в сфере культурной дипломатии, конечно, можно оспаривать. Иногда культурные проекты и мероприятия реализовываются/проводятся отдель-

ными группами граждан или общественными институтами без участия государств. Однако в данной работе культурная дипломатия рассматривается как часть более широкой дипломатической или публично-дипломатической деятельности государства. Вопрос об «автономности» культурной дипломатии от дипломатии публичной в таком случае не представляется значительным ввиду общности их задач в контексте внешнеполитического целеполагания государства.

Концептуальное осмысление культурной дипломатии может быть вариативным, однако во всех вариациях центральные задачи той деятельности, которая именуется культурной дипломатией, видятся в популяризации национальной культуры и наращивании культурного обмена для формирования доверительных отношений с конкретными целевыми обществами/государствами и в конечном итоге – для формирования позитивного образа субъекта культурной дипломатии. Такой подход идейно восходит к неолиберальной концепции «мягкой силы», в которой культура представляется одним из ключевых ресурсов «мягкосилового» влияния государства.

Удобной теоретической платформой для осмысления потенциала культурной дипломатии для развития международного сотрудничества представляется и конструктивистская школа ТМО. Согласно ее интерпретации, культура формирует систему разделяемых смыслов, которые управляют не только перцепцией и коммуникацией, но и действиями, способствуя становлению практики как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе [26]. Другими словами, основные формы культурной дипломатии, под которыми часто понимаются отдельные аспекты научно-образовательных обменов, проведение международных выставок, форумов, фестивалей и пр., способствуют взаимному диалогу национальных культур и укреплению двусторонних отношений. Культурная дипломатия, таким образом, как важное дополнение к политико-экономическим связям, становится значительным фактором, работающим на внешнеполитические интересы государства.

Культурная дипломатия как фактор международного сотрудничества центральноазиатских государств. Находясь на

стыке Востока и Запада, государственные образования, возникавшие на протяжении истории на территории современной ЦА, не только на себе ощущали культурное влияние регионального окружения, но и сами оказывали духовное/культурное влияние на сопредельные государства и народы. Влияние постсоветских республик ЦА на этом направлении, конечно, не сравнится с историческими аналогиями, однако богатое историко-культурное наследие достаточно активно применяется ими в их культурной дипломатии.

В исследовательском дискурсе региона роль культуры как фактор формирования узнаваемости страны на международной арене, как ресурс публичной дипломатии оценивается достаточно высоко. Утверждается, что в эпоху глобализации «ключевым фактором межэтнических различий является культура, поэтому аспекты, пропагандирующие культурное наследие страны и духовные ценности граждан, являются важным элементом публичной дипломатии» [10]. Несмотря на признание значимости культурных факторов во внешней политике научно-практическими кругами региона, активность стран ЦА в этой сфере сильно разнится – от наиболее энергичного Казахстана до достаточно пассивного Туркменистана. Хотя туркменские исследователи и рассматривают культуру в качестве средства достижения основополагающих внешнеполитических целей государства, канала формирования благоприятного международного образа страны и популяризации ее культуры [6], на практике неоднозначный международный политический имидж Ашхабада ограничивает эффективность его культурной дипломатии.

Ресурсы культурной дипломатии широко используются государствами Центральной Азии в их публично-дипломатической практике. На данный момент профильное взаимодействие в обозначенной сфере внутри региона во многом опирается на договоренности многостороннего характера в рамках СНГ, ШОС, площадки «тюркского мира» и др. Если в СНГ нормативно-правовая база и институциональное оформление некоторых аспектов культурной дипломатии уже сложились [4], то в ШОС они только создаются. Например, в июне 2018 года по постановлению президен-

та Узбекистана Шавката Мирзиёева был создан Центр народной дипломатии ШОС, одна из задач которого заключается в оказании содействия расширению культурно-гуманитарных связей со странами ШОС [17].

Культурную дипломатию на многосторонних площадках дополняют двусторонние контакты. Одной из основных форм культурной дипломатии здесь выступает проведение дней культуры. Так, в июле 2015 года в Кыргызстане прошли Дни культуры Таджикистана, в рамках которых кыргызстанцы познакомились не только с богатым искусством соседней страны, но и с современными достижениями Таджикистана в области культуры [21]. В 2016 году уже в Таджикистане состоялись Дни культуры Кыргызстана. Примечательно, что такие культурные мероприятия между странами региона в последние годы стали проводиться на регулярной основе. Особо следует отметить активизацию культурного сотрудничества между Таджикистаном и Узбекистаном. Впервые за почти двадцатилетний период обе стороны принимали у себя дни культуры друг друга. В рамках этих мероприятий были организованы ярмарки, торгово-промышленные выставки [7]. По итогам визита таджикского президента в Узбекистан в августе 2018 года наряду с другими важными соглашениями в социально-гуманитарной сфере, был подписан и меморандум о сотрудничестве между Обществом дружбы и культурных связей Таджикистана и Комитетом межнациональных отношений и дружественных связей с зарубежными странами при Диване Министров Республики Узбекистан [16]¹. Эксперты заговорили о том, что Ташкент и Душанбе во взаимоотношениях активно переходят к использованию ресурсов «мягкой силы» [12].

Следует отметить и позитивные сдвиги в сотрудничестве в сфере культуры между Ташкентом и Нур-Султаном. В 2017 году казахский президент Н.Назарбаев объявил 2018 год годом Узбекистана в Казахстане. Он отметил, что в повестке дня стоит проведение года Казахстана в Узбекистане, в рамках которого будут организованы различные мероприятия, способствующие еще большему скрепле-

¹ Подписание новых документов о сотрудничестве между Таджикистаном и Узбекистаном. Официальный сайт МИД Таджикистана, август 2018г. URL:<http://mfa.tj/?l=ru&cat=8&art=3584> (дата обращения: 22.11.2019).

нию двух народов. Узбекская сторона действительно ответила «взаимностью» - 2019 год был объявлен годом Казахстана в Узбекистане. Стороны называли это событие «символом вечной и искренней дружбы, культурной и духовной общности двух народов» [18]. О значимости данных мероприятий культурно-дипломатического характера свидетельствует участие в их открытии глав обоих государств.

Значительная активизация культурного сотрудничества внутри региона в последние годы стала возможной во многом благодаря Узбекистану. «Перезагрузка» отношений между странами региона после прихода к власти нового президента в Узбекистане дает надежды на усиление многоаспектной кооперации в Центральной Азии. После астанинского саммита центральноазиатских государств в марте 2018 года президент Казахстана заявил о необходимости активизации между странами региона сотрудничества в культурно-гуманитарной сфере, которое, по его словам, «заглохло» с советских времен. Н.Назарбаев призвал возродить практику проведения фестивалей культуры, встреч молодежи; наращивать обмен студентами и укреплять взаимодействие в сфере туризма. Комментируя эти планы и тенденции в регионе, в интервью создателям документального фильма «Проект – Центральная Азия» известный американский исследователь по Центральной Азии Фредерик Старр заявил, что «в 90-е годы каждая из бывших советских республик региона пела свою песню, но теперь они начинают петь вместе, формируя новое региональное самосознание» [8].

За пределами своего региона государства Центральной Азии тоже используют ресурсы культурной дипломатии. Традиционно высокую активность в сфере культурной дипломатии они показывают в России. Однако динамично развиваются и другие направления. Среди стран Центральной Азии достаточно последовательную культурную дипломатию проводит Казахстан. Центры казахского языка и культуры открыты не только в Москве и Минске. В Шанхайском университете иностранных языков с 2015 года работает первый Центр Казахстана в Китае, на базе которого открыта и кафедра казахского языка и литературы. Также 19 октября 2017 г. в Париже открылся центр казахстанской литературы и культуры от-

крылся также в Париже – 19 октября 2017 года. Более того, Казахстан реализует проект «Современная казахстанская культура в глобальном мире», в рамках которого ведется работа по продвижению достижений казахстанской литературы, музыкального и изобразительного искусства, хореографии, кино и театра за рубежом [11]¹. В частности, по направлению «Литература» проведен отбор произведений для перевода на шесть языков ООН.

В последние годы резко интенсифицировалась культурная дипломатия Узбекистана. Как отмечают узбекские специалисты, культурное наследие Узбекистана представляет собой «неисчерпаемый ресурс для брендинга страны» [22], а «узнаваемые во всем мире и признанные авторитетными международными организациями древняя история, богатая самобытная культура и архитектура» [20] страны являются главными конкурентными преимуществами республики в контексте реализации политики «мягкой силы». Логично, что в контексте международной презентации такого богатства в Ташкенте уделяется особое внимание проведению дней своей культуры за рубежом. Параллельно в последние годы на страницах популярных западных и ближневосточных журналов, газет и интернет-изданий все чаще появляется реклама Узбекистана с подробными описаниями его достопримечательных мест.

Международные культурные мероприятия проводятся и Кыргызстаном, однако для Бишкека одним из важнейших инструментов культурной дипломатии становится проведение масштабного этноспортивного события – Всемирных игр кочевников (ВИК). Первые ВИК, в которых приняли участие около 600 спортсменов из 19 стран, Кыргызстан провел в 2014 году. В 2016 году в Играх участвовало уже 1200 спортсменов из 62 стран, а в 2018 году участниками стали 2000 спортсменов из 82 стран. Хотя независимые аналитики отмечают невысокий международный интерес к ВИК, официальные власти страны уверяют, что многие иностранные туристы стали узнавать Кыргызстан не по названию, а

¹ Лондон, Париж, Милан и Берлин: где продвигается казахстанское искусство благодаря проекту «Современная казахстанская культура в глобальном мире» / Медиа-портал «Караван», 20.09.2018. URL: <https://www.caravan.kz/news/london-parizh-milan-i-berlin-gde-prodvigaetsya-kazakhstanskoe-iskusstvo-blagodarya-proektu-sovremennaya-kazakhstanskaya-kultura-v-globalnom-mire-481738/> (дата обращения: 23.11.2019).

по *Nomadgames*. Если в 2011-2012 годы страны посетили 2,2 млн человек, то в 2016-м число туристов достигло 4,2 млн. А «миллиардные доходы туризма, по большей части, привлечены благодаря Играм кочевников» [19]. ВИК, конечно, еще не стали всемирно узнаваемым брендом Кыргызстана, однако можно прогнозировать рост интереса к ним на фоне растущего инфо-медийного внимания. По данным секретариата ВИК, телетрансляция первых Игр охватила аудиторию в 230 млн человек, вторых – 500 млн [13]. Эти цифры кажутся реалистичными с учетом того, что в 2014 и 2016 годах ВИК освещали крупнейшие мировые СМИ, такие как Euronews, AlJazeera, RT, National Geographic, Associated press, Синьхуа и др.

Проведение таких мега-событий имеет важное значение для государств Центральной Азии. Как форма культурной дипломатии, они способствуют культурному обмену и углублению межкультурного сотрудничества, популяризируют национальную культуру. Одновременно, такие мероприятия открывают для государств региона возможности для самопрезентации, способствуют росту популярности и узнаваемости, положительно влияют на рост числа туристов.

Таджикистан тоже осознает значимость культуры как стратегического ресурса внешней политики. В Концепции внешней политики Республики Таджикистан от 2015 года культурно-гуманитарная дипломатия обозначена в качестве одного из приоритетов ее внешней политики [9]. Душанбе динамично занимается популяризацией таджикской культуры за рубежом. Официальные загранпредставительства Таджикистана, особенно в России, в сотрудничестве с активными организациями таджикской диаспоры продвигают таджикскую культуру. Можно назвать ежегодное празднование Навруза на больших площадках в крупных городах России (в 2015 году под лозунгом «Таджикистан – родина Навруза»), дипломатические приемы посольства Таджикистана в Москве в честь названного праздника, организацию культурных, творческих вечеров видных таджикских деятелей культуры, фотовыставки и другие мероприятия [2]. Дни культуры Таджикистана успешно прошли во многих странах – от Китая, России, Индии до Германии, Франции, Ирана.

Наряду с культурными мероприятиями за пределами страны в самом Таджикистане регулярно проходят международные конференции, посвященные искусству, музыке, творчеству классиков таджикско-персидской литературы. В этом направлении отмечаем работу Таджикского общества дружбы и культурных связей с зарубежными странами (ТОДКС) – общественной некоммерческой организации, действующей в интересах развития и укрепления международных культурных связей, дружбы и сотрудничества с народами зарубежных стран [14]. На данный момент ТОДКС имеет 23 общества дружбы с разными странами.

Значительным импульсом для презентации туристических возможностей Таджикистана, его культуры на международной арене, привлечения инвестиций в туристическую инфраструктуру стало объявление Президентом страны Эмомали Рахмоном 2018 года «Годом развития туризма и народных ремесел» [3]. В своем послании Маджлиси Оли Республики Таджикистан в декабре 2018 года глава таджикского государства заявил, что мероприятия в рамках упомянутого тематического года дали «серьезный импульс осознанию важности этой сферы в социально-экономической жизни народа, а число туристов, посетивших Таджикистан в 2018 году, по сравнению с 2017 годом увеличилось в 2,5 раза» [15]. Президент, однако, заметил, что одного года мало, поэтому предложил объявить 2019-2021 годы «Годами развития села, туризма и народных ремесел». Эти меры могут оказать существенное позитивное влияние на привлекательность Таджикистана для иностранных туристов, на узнаваемость историко-культурного наследия республики.

Приведенными примерами практика культурной дипломатии государств ЦА, конечно, не ограничивается. Рассмотренные факты охватывают не все мероприятия и не все аспекты культурной дипломатии, однако даже такой ограниченный набор практических примеров показывает, что ресурсы культурной дипломатии, используемые странами региона как в отношениях между собой, так и с внерегиональными государствами, могут стать дополнительным фактором кооперации и средством формирования основ для будущих конструктивных взаимодействий.

Краткий анализ потенциала культурной дипломатии в развитии международного сотрудничества государств Центральной Азии позволяет сделать несколько общих выводов.

Во-первых, культурная дипломатия для малых государств представляется механизмом компенсации недостатка «жесткой» силы. С определенными оговорками, данное утверждение справедливо и для государств ЦА.

Во-вторых, проведение культурной дипломатии требует не только финансовых вложений, но и готовности открываться миру. Любая односторонняя культурная дипломатия не может иметь успеха в формировании позитивного имиджа своего субъекта. Туркменистан в этом контексте представляется наглядным примером.

В-третьих, наступление небывалой «оттепели» в политических отношениях между странами ЦА в последние годы сопровождается наращиванием активности в сфере культурной дипломатии. Эти позитивные тенденции могут активизировать восстановление культурных связей между странами региона и способствовать появлению новых форматов культурного, научно-образовательного обмена.

В-четвертых, на фоне растущего внимания государств региона к конструированию международного бренда, формированию своего положительного восприятия в глазах глобальной общественности ресурсы культурной дипломатии будут все активнее применяться в их арсенале внешней политики. В данном контексте, учитывая наличие у стран ЦА многих общих элементов историко-культурного характера, возможна активизация координации между ними по линии культурной дипломатии. Это может проявляться, например, в совместной работе по популяризации региона как аттрактивной туристической дестинации, во введении активно обсуждаемой в регионе единой региональной туристической визы – SilkVisa.

И в-пятых, имеющийся опыт использования культурной дипломатии государствами ЦА показывает перспективность этой практики в контексте расширения ими международных связей. Другими словами, культурное измерение публично-

дипломатической деятельности формирует для стран региона значительные возможности для развития сотрудничества как на внутрирегиональном уровне, так и с самым широким кругом участников современной мировой политики.

Литература

1. Банщикова Н.В. Внешняя культурная политика и дипломатия: концептуализация различий // Сборник работ 70-й научной конференции студентов и аспирантов Белорусского государственного университета (15-18 мая 2013 г., Минск): в 3 ч. Ч. 3. – Минск, 2013. – С. 121-122.
2. Бахриев Б.Х. «Мягкая сила» и публичная дипломатия: возможности для независимого Таджикистана // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – №436. – С. 97-105. DOI: 10.17223/15617793/436/11.
3. Бахриев Б.Х. Туризм как фактор «мягкой силы» Республики Таджикистан на современном этапе // Таджикистан и современный мир. – 2018. – №4(63). – С.129-139.
4. Боголюбова Н.М., Николаева Ю.В. Мега-события как форма культурной дипломатии в странах СНГ // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – 2017. – №4(20) – С.107-116.
5. Василенко Е.В. Культурная дипломатия как инструмент «мягкой силы» государства // Перспективы. Электронный журнал. – 2016. – №1(5). – С.68-80.
6. Гурбангельдыев Дж. Культурная дипломатия – язык межнационального диалога. URL: <http://www.turkmenistan.gov.tm/?id=1018>
7. Дни культуры Таджикистана в Узбекистане // SputnikУзбекистан. URL: https://uz.sputniknews.ru/trend/dni_kulturu_tadjikistana_v_uzbekistane/ (дата обращения: 21.11.2019).
8. Документальный фильм «Проект – Центральная Азия» // Видеохостинг YouTube. URL:

- <https://www.youtube.com/watch?v=3jddswFTimY> (дата обращения: 21.11.2019).
9. Концепция внешней политики Республики Таджикистан. Утверждена Указом Президента Республики Таджикистан от 27 января 2015 года, №332. URL: <http://www.tajikemb.kg/files/2016/concept-of-the-foreign-policy-of-the-republic-of-tajikistan-ru.pdf> (дата обращения: 21.11.2019).
 10. Курмашев А., Ахмедьянова Д. Публичная дипломатия как инструмент внешней политики Казахстана // Казахстан-Спектр. – 2018. – №4(86). – С.38-48.
 11. Лондон, Париж, Милан и Берлин: где продвигается казахстанское искусство благодаря проекту «Современная казахстанская культура в глобальном мире» // Медиа-портал «Караван». – 2018. – 20 сент. URL: <https://www.caravan.kz/news/london-parizh-milan-i-berlin-gde-prodvigaetsya-kazakhstanskoe-iskusstvo-blagodarya-proektu-sovremennaya-kazakhstanskaya-kultura-v-globalnom-mire-481738/> (дата обращения: 23.11.2019).
 12. Майтдинова Г.: Ташкент и Душанбе перешли в отношениях к использованию мягкой силы // Asia-Plus. – 2017. – 06 июня URL: <https://www.news.tj/ru/node/240680> (дата обращения: 23.11.2019).
 13. О Всемирных играх кочевников. URL: <http://www.worldnomadgames.com/ru/page/O-VIK-37/>
 14. Официальная веб-страница ТОДКС. URL: <http://www.friendship.tj/index.php/suro-a>
 15. Паёми Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон ба Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон. – Душанбе, 2018. – 26 дек. URL: <http://president.tj/node/19088> (дата обращения: 22.11.2019).
 16. Подписание новых документов о сотрудничестве между Таджикистаном и Узбекистаном. Офиц. сайта МИД Таджикистана, август 2018г. URL: <http://mfa.tj/?l=ru&cat=8&art=3584> (дата обращения: 22.11.2019).
 17. Постановление Президента Республики Узбекистан от 26.06.2018 г. (№ПП-3807) «О мерах по государственной поддержке создания Центра народной дипломатии Шанхайской организации сотрудничества в Узбекистане». URL:

- <http://uza.uz/ru/documents/o-merakh-po-gosudarstvennoy-podderzhke-sozdaniya-tsentra-nar-27-06-2018>(дата обращения: 23.11.2019).
18. Символ вечной дружбы: Мирзиёев и Токаев открыли Год Казахстана в Узбекистане // Sputnik Узбекистан. – 2019. – 15 апр. URL: <https://uz.sputniknews.ru/Uzbekistan/20190415/11243193/Shavkat-Mirziyev-i-Kasym-Zhomart-Tokaev-otkryli-god-Kazakhstanav-Uzbekistane.html> (дата обращения: 22.11.2019).
19. Стали ли Игры кочевников брендом Кыргызстана? // Радио Азаттык. – 2018. – 05 июля. URL: <https://rus.azattyk.org/a/kyrgyzstan-nomad-games-brand/29339911.html> (дата обращения: 21.11.2019).
20. Таджиев Ш. Публичная дипломатия как важная составная часть «мягкой силы» // Международные отношения: политика, экономика, право. – 2018. – №1. – С.74-87.
21. Таджикистан-Кыргызстан: с чего все начиналось // Asia-Plus. – 2015. – 14 авг. URL: <https://news.tj/ru/news/tadzhikistan-kyrgyzstan-s-chego-vse-nachinalos>(дата обращения: 21.11.2019).
22. Файзуллаев А. Страна как бренд // Газета.uz. – 2017. – 19 апр. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2017/04/19/country-branding/> (дата обращения: 21.11.2019).
23. Barghoorn F.C. The Soviet Cultural Offensive. The role of Cultural Diplomacy in Soviet Foreign Policy. – Princeton, 1960. – 353 p.
24. Milton Cummings. Cultural Diplomacy and the United States Government: A Survey // Center for Arts and Culture. – 2003. URL: <https://www.americansforthearts.org/sites/default/files/MCCpaper.pdf> (accessed: 23.11.2019).
25. Nye J. Public Diplomacy and Soft Power // Annals of the American Academy of Political and Social Science. – 2008. – Vol. 616. – P.94-109.
26. Valerie M. Hudson. (Ed). Culture & Foreign Policy. – Boulder: Lynn Rienner Publishers, 1997. – P.28-29.
27. Walter R. Roberts. What Is Public Diplomacy? Past Practices, Present Conduct, Possible Future // Mediterranean Quarterly. – 2007. – Vol.18(4). – P.36-52.

© Издательство РТСУ

Сдано в набор 18.12.2019. Подписано в печать 19.12.2019.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура литературная.
Формат 60x84_{1/16}. Услов. печ. л.17,8.
Тираж 120 экз. Заказ № 626.

Отпечатано в типографии РТСУ,
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе,
ул. Мирзо Турсун-заде-30